

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование Human. Culture. Education

Научно-образовательный и методический журнал
Research and instruction journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 2 (36) 2020

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
Syktyvkar
SyktSU Press
2020

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Peer-reviewed research and instruction journal
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrskiy prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Аврамкова Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, директор Института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, Томск);

Бараханова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (Россия, Пермь);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Россия, Улан-Удэ);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Россия, Якутск);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по образовательной деятельности Чеченского государственного педагогического университета (Россия, Грозный);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Забулионите Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто (Россия, Сыктывкар; Канада, Торонто);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета (Россия, Томск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме;

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Николс Лоуренс Т., доктор социологии, профессор социологии университета Западной Виргинии, департамента социологии и антропологии (США);

Тое Скотт, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сурво Арно, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Туманиян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаетв Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (Россия, Чита).

EDITORIAL BOARD

Avramkova Irina Semenovna, Doctor of Education, Professor, Director of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Ardashkin Igor Borisovich, Doctor of Philosophy, Professor. Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Barahsanova Elizaveta Afanasevna, Doctor of Education, Professor. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Brazgovskaya Elena Evgenevna, Doctor of Philology, Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (Russia, Perm);

Dagbaeva Nina Zhamsuevna, Doctor of Education, Professor, Director of The Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Druzhinina Maria Vyacheslavovna, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Vinokurova Uliana Alekseevna, Doctor of Sociology, Professor. Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Goncharov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Philology, Professor, Merited Worker of Science of the Russian Federation, Vice-President in Educational and Innovative Policy, Chechen State Pedagogical University (Russia, Grozny);

Zherebtsov Igor Liubomirovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Zabulionite Audra-Kristina Iosifovna, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University; Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Ziuzev Nikolay Fedoseevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; employee of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Jonkus Dalius, DSc in Philosophy, Professor. Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Korobeynikova Larisa Aleksandrovna, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Arts and Culture, Tomsk State University (Russia, Tomsk);

Leonov Ivan Vladimirovich, Doctor of Culturology, Associate Professor of the Department of theory and history of culture of St.-Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist of the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House;

Mangone Emiliana, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno. Director of International Centre for Studies and Research 'Mediterranean Knowledge' (Italy, Salerno);

Mosolova Liubov Mikhailovna, Ph. D. in Art history, Professor. Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nichols Lawrence T., Ph. D. in Sociology, Professor of Sociology. Department of Sociology and Anthropology, West Virginia University (USA);

Thoe Scott, Ph. D, Professor. Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Survo Arno, Ph. D, Associate Professor. Department of Folklore Studies, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Survo Vera Viktorovna, Ph. D, Professor, Researcher. Department of Ethnology, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Tulchinskii Grigory Lvovich, Ph. D, Professor. Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tumanian Tigran Gurgenevich, Ph. D, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Shabaev Iurii Petrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Shadrina Irina Mikhailovna, Doctor of Education, Professor. Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Shapinskaia Ekaterina Nikolaevna, Ph. D, Professor, Deputy Director. Expert Analytical Center for Developing Educational Systems in the field of Culture, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Russia, Moscow);

Erdyneeva Klavdiia Gombozhapovna, Ph. D, Professor, Head of the Pedagogy Department. Transbaikalian State University (Russia, Chita).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, директор Института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Мазур Виктория Васильевна, начальник отдела планирования организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Гуляева Сабина Тахировна — ст. преподаватель кафедры информационных систем Института точных наук и информационных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: lrudenko@bk.ru

CHIEF EDITOR

Gurlenova Liudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Professor,
Director of the Institute of Culture and Art, Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University (Russia, Syktyvkar)
167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: lrudenko@bk.ru

Подписной индекс журнала Е34110, каталог «Почта России» 78782.

Свободная цена

Подписка через сайт «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Стоимость подписки 618 руб. на полгода.
Subscription Code E34110, Russian Post catalogue 78782.

Flexible pricing

Subscribe on «Пресса по подписке» www.akc.ru
Subscription price for six months — 618 roubles.
© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина», 2020
© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2020.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Кутыкова И. В. Россияведение как решение проблемы культурно-исторической идентичности: образ Востока в отечественной культурфилософской традиции Kutykova I. V. Russian Studies as a Solution to the Problem of Cultural and Historical Identity: the Image of the East in the Russian Cultural Philosophical Tradition.....	8
Мартысюк П. Г. Циклическая динамика культуры как следствие мифологизации природы Martysiuk P. G. The Cyclical Dynamics of Culture as a Consequence of the Mythologization of Nature.....	27
Тулчинский Г. Л. Гуманитарные науки и цифровизация Tulchinskii G. L. Humanities and Digitalization.....	43
Шачин С. В. К вопросу о стратегии освоения Арктики на основе реализации потенциала арктической антропологии Shachin S. V. To the Question About the Arctic Development Strategy Based on the Implementation of the Potential of the Arctic Anthropology.....	58

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Выжлецова Н. В., Выжлецов П. Г. Социокультурная антропология и культурология. Поля предметных исследований Vyzhletsova N. V., Vyzhletsov P. G. Socio-cultural Anthropology and Culturology. Fields of Subject Studies.....	74
Гурленова Л. В., Габб Е. А. Понятие «концептуализм» в теоретических трудах Д. Пригова Gurlenova L. V., Gabb E. A. The Concept of “Conceptualism” in the Theoretical Works of D. Prigov.....	91
Михайлова Л. В. Семиотика пространства Соловецкого монастыря: историогенез и структура Mikhailova L. V. Solovetsky Monastery Cultural Space Semiotics: Historygenesis and Structure.....	103
Räihä Helge, von Post Christina, Ivanishcheva O. N. Contemporary Sociolinguistic Situation with Minority Language: a case study of Finland Swedish in Finland Рэйхе Хельге, вон Пост Кристина, Иванищева О. Н. Шведский язык в Финляндии: Современная социолингвистическая ситуация с языком меньшинств (на примере финского шведского в Финляндии).....	124

Щербакова Д. В. Цирковое искусство глазами отечественных печатных СМИ Shcherbakova D. V. Circus Art Through the Eyes of Russian Print Media.....	136
---	-----

ПЕДАГОГИКА

Акулова Л. И., Поберезкая В. Ф., Терентьева С. Н. Педагогические условия формирования методической компетентности у будущих педагогов в классическом вузе Akulova L. I., Poberezkaya V. F., Terentyeva S. N. Pedagogical Conditions of Formation of Future Teachers' Methodological Competence of in a Classical University.....	150
Денисова И. В. Концепция устойчивого развития Арктического региона России как фактор формирования профессиональных компетенций будущего эколога Denisova I. V. The Sustainable Development Concept of the Arctic Region of Russia as a Factor in Formation of Professional Competencies of a Future Environmentalist.....	163
Сажина С. Д. Особенности организации наставничества в организации высшего образования Sazhina S. D. Specific Features of Mentoring Organization in the Organization of Higher Education.....	175

ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Максимова Л. А. Историческое образование в России: проблемы и перспективы (по итогам заседания ФУМО по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Исторические науки и археология») Maximova L. A. Historical Education in Russia: Issues and Prospects (the General Result of the FUMO Conferences on the Enlarged Cluster of Specialized and Training Fields "Historical Sciences and Archaeology".....	185
Федуленкова Т. Н., Штепина Д. А., Волкова С. А. Рецензия на монографию Г. И. Петровой, С. Н. Зыковой, И. А. Ершовой, О. А. Бут, Ю. М. Стаховской: Корпоративная культура современного университета: роль в формировании профессиональной и личностной идентичности выпускника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017, 128 с. Fedulenkova T. N., Shtepina D. A., Volkova S. A. Review on the monograph: The corporate culture of a modern university: a role in shaping the graduate's professional and personal identity. Tomsk: Publishing house Tom. Un-ta, 2017, 128 p.	191
Сведения об авторах	199

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.77

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-2-8-26

И. В. Кутыкова

Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет имени академика И. П. Павлова, г. Санкт-Петербург

Россиеведение как решение проблемы культурно-исторической идентичности: образ Востока в отечественной культурфилософской традиции

Рассматривается россиеведение как целостное знание о России «посреди России», объединяющее в себе знания о Востоке и Западе, интегрирующиеся и отражающиеся оригинально и плодотворно в отечественной культуре. Предпринят культурфилософский анализ отечественного духовного наследия XIX–XXI вв. в связи с вопросом актуальности перспектив развития россиеведения в культурно-исторических реалиях XXI в. Утверждается, что в условиях духовно-нравственного кризиса, поиска путей решения проблемы культурно-исторической идентичности россиеведение являет собой актуальную отрасль знания «своего», освящённого в веках достижениями, подвигами предков и их сбережениями для потомков, что создаёт прочную духовную основу для человека нового поколения.

На основании полученных автором результатов исследования проблемы идентичности человека первого постсоветского поколения, его исторического сознания обоснована перспективность россиеведения в контексте воспитания и образования, формирования и развития мировоззрения личности. Приведённые результаты исследования указывают на потребность человека нового поколения в знании России как в контексте вопроса страноведения и континентоведения в их взаимодействии и взаимовлиянии, так и, собственно, россиеведения, целостного знания о «европей-

ском» и «азиатском» начале в самой России, её истории и культуре. Наряду с устойчивым интересом к отечественной истории выявлена недостаточность владения человеком нового поколения необходимым историческим, культурологическим материалом, имеющим значение для культурно-исторической идентичности, сохранения общероссийской ментальности.

Выявлена социокультурная потребность в россиеведении как теоретико-практическом, первичном и обязательном знании о «самих себе» в контексте повседневной отечественной культуры. Для решения проблемы культурно-исторической идентичности человека нового поколения имеют мировоззренческое и аксиологическое значение бытования российской культуры в оригинальной целостности её восточных и западных черт на повседневном уровне жизни современного общества. Перспективы дальнейших исследований проблемы культурно-исторической идентичности связаны с пристальным вниманием к «теоретическому портрету» человека нового поколения, проживающего в азиатской части России, к историческому сознанию представителя «российской Азии».

Ключевые слова: проблема идентичности, культурно-историческая идентичность, человек нового поколения, россиеведение, образ Востока, культурно-исторический тип, Россия, воспитание, образование.

I. V. Kutykova

First St. Petersburg State Medical University Named after Academician I. P. Pavlov,
St. Petersburg

Russian Studies as a Solution to the Problem of Cultural and Historical Identity: the Image of the East in the Russian Cultural Philosophical Tradition

Russian studies are seen as a holistic knowledge of Russia «in the middle of Russia.» A cultural analysis of the national spiritual heritage of the 19-th – 21-st centuries has been undertaken related to the relevance of the prospects for the development of Russian studies in the cultural and historical realities of the 21st century. It is argued that in the conditions of spiritual and moral crisis, in the search for ways to solve the problem of cultural and historical identity, Russian studies are a relevant branch of knowledge of «its own» achievements, exploits of ancestors, which create a solid spiritual basis for a new generation of people.

Based on the results of the study, the author's study of the problem of the identity of the person of the first post-Soviet generation, his/her historical consciousness, the prospect of Russian studies in the context of upbringing and education, formation and development of the personality's worldview is justified. The results of the study point to the need of a new generation of people in knowledge of Russia.

Along with a steady interest in Russian history, the lack of human possession of the new generation of necessary historical and cultural material has been revealed.

The sociocultural need for Russian studies as a theoretical-practical, primary and obligatory knowledge of «ourselves» in the context of everyday national culture has been revealed. To solve the problem of the cultural and historical identity of the person of the new generation has the ideological and axiological significance of the existence of Russian culture in the original integrity of its Eastern and Western features at the daily level of life of modern society. Prospects for further research on the problem of cultural and historical identity are connect-ed with the study of the cultural and historical identity of a new generation of people as representatives of «Rus-sian Asia.»

Keywords: *identity problem, cultural and historical identity, man of the new generation, Russian studies, image of the East, cultural and historical type, Russia, upbringing, education*

Введение. Духовное бытие человека и общества времени трансформации наполнено неопределённостью, сопряжено с возникающей угрозой потери укоренённости, или идентичности. В отечественной науке 1990–2000-х годов проблема идентичности представлена в её различных аспектах: национальном и национально-культурном, этнокультурном и этнолингвистическом, этническом, социальном и социально-историческом, социокультурном, религиозном, культурно-историческом, цивилизационном [1, с. 6]. Особое внимание в условиях проблемы исторической памяти от беспамятства до войн памяти обращает на себя проблема культурно-исторической идентичности, выраженная в растерянности соотнесения «Я» с культурой и историей, сомнения и неуверенности в вопросе роли и места человека нового поколения в культурно-историческом процессе, в том числе отечественном. Суетность бытия, вихревые потоки инноваций и заимствований негативно отражаются на духовном бытии современного человека, особенно человека нового поколения. Народная мудрость гласит: «Не будь тороплив, а будь памятлив». Что и как запоминает, вспоминает человек поколений Y, Z, отмечающий торопливость, как примечательную особенность текущей современности, из многовекового культурно-исторического опыта предков, в том числе своего ближайшего окружения? Что знает он о них, каковы его связи с предшественниками на перцептивном уровне? Таковы некоторые злободневные вопросы, относящиеся к ряду задач решения пробле-

мы культурно-исторической идентичности человека нового поколения. В условиях культурно-исторической трансформации конца XX – начала XXI в. необходимо обратить внимание на вопрос диалектики исторической памяти и современности в сознании человека нового поколения, являющегося культурно-историческим существом, неразрывно связанным с культурой и историей прежде всего в её локальном (региональном), затем во всеобщем измерениях.

Современные вызовы, культурно-историческое наследие, ментальность русского / российского культурно-исторического типа выступают детерминантами задачи воспитания и образования человека нового поколения. Россиеведение во всех его аспектах, прежде всего культурно-историческом, является одним из решений проблемы идентичности, рассмотрение которого составляет цель данного исследования.

Методы исследования, теоретическая база. Вопрос россиеведения был справедливо актуализирован в научно-образовательной гуманитарной и социальной средах на протяжении первого десятилетия XXI в. Так, в 2001 г. вышло в свет первое учебное пособие В. Ф. Шаповалова; в РГГУ в 2008 г. состоялась серия научных мероприятий в рамках научно-образовательного проекта «Россика. Русистика. Россиеведение»; вышел в свет ряд публикаций по результатам исследований тем «Российская цивилизация», «Русская/западная мысль о России» философами, социологами, историками [2–9]. На протяжении рассматриваемого периода россиеведение обретает статус новой междисциплинарной области гуманитарного и социального знания; «сложного дисциплинарного комплекса»; направления и центра комплексного изучения России и распространения знаний о ней; теории России [10; 9; 2; 11]. На исходе первого двадцатилетия XXI в. следует отметить, что россиеведение представлено в сфере высшего образования, в частности в процессе подготовки филологов и специалистов в области государственного и муниципального управления [12; 2; 13; 14].

Наряду с состоявшимся утверждением россиеведения как отрасли познания и понятия «российская цивилизация» в общественном сознании, по замечанию самих исследователей, объект исследований «...безграничен и неисчерпаем. Мы находимся в начале пути собственно научного постижения российского универсума» [7, с. 520–521]; «...на самое первое место следует поставить то, о чём у

нас почему-то никто не вспоминает – дух нации (...) нынешнее низкое состояние духа российской нации поддерживается во многом искусственно – скорее, правда, не по злему умыслу, а бессознательно, в силу инерции и умственной лени» [8; с. 114–115]; «постижение России требует пересмотра и уточнения ряда привычных точек зрения в философии и теоретической социологии. (...) Страна с тяжелейшими последствиями меняет тип цивилизационного развития и втягивается в русло западной, рыночной, цивилизации, не имеющей перспектив на длительное существование. Кроме того, ослаблена популяционная мощь русского народа, размывается общероссийская идентичность, засоряется менталитет всех российских народов, ломается общий для них социальный характер» [15, с. 526, 531].

Для исследования рассматриваемой проблемы предлагается использовать междисциплинарный и генерационный (поколенческий) подходы, методы сравнительного анализа, бинарных оппозиций, анкетирования. Таковы методологические основания дальнейшего рассмотрения вопроса россиеведения.

На исходе первого двадцатилетия нового столетия следует акцентировать внимание на углубленном и комплексном анализе России, иначе говоря, развитию россиеведения в его исследовательском аспекте и отчасти его представлении в образовательном процессе. Однако всестороннее и многомерное представление россиеведения в контексте формирования и развития мировоззрения личности, его активное использование в воспитательном и образовательном процессах, связанных с инкультурацией человека нового поколения в различных его возрастных категориях (детство – отрочество – молодость), представляют, скорее всего, «возможность», тогда как степень актуальности вопроса высока. Фундаментальным вопросом выступает идентичность человека нового поколения, социализация и инкультурация которого реализуются в условиях духовного кризиса. Она выражается в аномии межпоколенных отношений, тенденции отчуждения от отечественного культурно-исторического опыта в целостности его периодов, эпох (например, человек поколения 1990-х испытывает интерес и желание знать историю СССР, в том числе историю жизни поколений родителей, ближайшего круга родственников; в целом отечественная история – первостепенное направление исторического познания и изучения),

в подражании «иному» в ущерб владению и утверждению «своего», типичное «европейничанье», доминирование метафизического типа мышления, имеющие место поверхностность и прагматичность, необоснованный критицизм в сознании молодого современника, растерянного перед отечественной культурой, историей и самими собой в ней, но, к счастью, желающего знать историю Отечества. Учитывая латентную духовную потребность человека нового поколения в знании и понимании истории Отечества, один из императивов современности, связанный с обладанием выраженной и первостепенной отечественной культурно-исторической идентичностью человека нового поколения, в том числе в контексте национальной безопасности, необходимо вывести россиеведение на уровень теоретико-практического обязательного знания, прежде всего, в воспитательном и образовательном аспектах жизни российского человека, общества, на их повседневном уровне культуры.

Классическое постижение России во всех аспектах её бытия ориентирует мыслителей на теоретическую триаду: Запад – Россия – Восток [16, с. 11–22]. Сравнительная характеристика названных типов культур обладает неким эффектом «возврата», при котором русский/российский тип культуры оказывается сколь угодно близко стоящим либо к Востоку, либо к Западу, либо объемлет их, тогда как собственно от самой себя, в своих целостности и «живознании» она пребывает в некотором отчуждении. В связи с этим, например, примечательно современное противоречие между русской культурой высочайшего мирового значения и проблемной бытовой отечественной культурой. Отсюда справедливо и актуально сетование Н. В. Гоголя на то, что *«велико незнание России посреди России»* (курсив. – И. К.), которое трансформировалось ныне в задачу формирования и развития россиеведения на фоне культурного влияния, случайных и вредоносных заимствований-унификантов, проникающих в сознание человека нового поколения. От слов и фраз-заместителей русского слова как «связующей нити времен», такого сора, как «типа», «как бы», «я в шоке», «короче», «как то, так», «сказал/отметил/написал то, что», «можно, пожалуйста», «чел», «препод», «универ» и т. п., до представлений, потребностей, поведенческих актов, стиля и образа жизни, далеко отстающих от характерных черт российского культурно-исторического типа [17]. С этим связаны и отмечаемые русскими мыслителями возможность пре-

подать великий урок другим народам, заимствование и подражательство, отсутствие достоинства простого гражданина, наконец, произошедшие к концу первого десятилетия XXI в. ментальные изменения, связанные с тем, что люди стали намного более циничными, реалистичными и прагматичными, всё более похожими на представителей Европы и Америки¹.

Обращение к идее самобытности российского культурно-исторического типа, предполагает: а) выявление особенностей культуры Востока, Запада и «типического» русской, народной культуры, проявление народного духа в российской истории; б) сравнительную характеристику подходов к пониманию пути России в исторической перспективе [17]. В условиях трансформации, после крушения СССР, выраженный «вектор» внимания был направлен на Запад в той характеристике, в которой подчеркивали многочисленные писатели, историки, философы, политики на протяжении второй четверти XIX – первой половины XX в., – подражания и увлечённости «иным» [18]. К текущему моменту другим «вектором» внимания стал Восток, получивший своё выражение в различных социокультурных феноменах (от увеличения туристических потоков в страны Востока до изучения восточных языков и активного приобщения к восточной кухне). «Запад» и «Восток» – два типа культуры с определённым мировоззренческим кодом, набором ценностей, принципов, убеждений. Невольно вспоминаются строки Ф. Тютчева: «Смотри, как запад разогрелся / Вечерним заревом лучей, / Восток померкнувший оделся / Холодной сизой чешуей!».

А что же россиеведение с точки зрения целостности Запада и Востока в самой России и сколь разносторонни знания, чувства и образы в сознании человека нового поколения об «азиатском» и «европейском» в самой России, в её культурно-историческом контексте? Каковы характеристики исторического сознания человека нового поколения как представителя российской Азии? Как представлен образ Востока в отечественной культурфилософской мысли?

Результаты исследования и их обсуждение. Предусматривая задачу выработки ответа на первый из поставленных вопросов, следует учесть результаты исследования проблемы культурно-исторической идентичности «постсоветского человека», получен-

¹ Портрет героя нашего времени, или Как мы изменились за десять лет // Уездный телеграф. 2007. № 38.

ные автором на протяжении 2006–2015 гг. В них отражены тенденции интереса к истории, проявляемого представителями первого постсоветского поколения, чьи годы рождения приходятся на начало и вторую половину 1990-х. История каких стран и времен преимущественно вызывает интерес молодёжи поколения 1990-х? Согласно полученным автором результатам, особое значение в ряду исторических периодов и стран, вызывающих не только интерес, но и потребность в знании и понимании в контексте современной действительности, приобретает отечественная история. Для представителей поколения начала 1990-х первостепенное и возрастающее значение в ряду названных стран, исторических периодов и эпох имеет история Отечества, затем всеобщая история, история стран и континентов. Для представителей первого постсоветского поколения, рождённых во второй половине 1990-х гг., более привлекательна всеобщая история (Средневековье; Древний мир; XX век; все/многое; эпоха Возрождения, современность; Новое время), в связи с чем существенно расширяется и круг названных респондентами стран, история которых интересна: США и Япония; Англия (Великобритания) и Германия; Франция; Испания; Дания, Ирландия, Италия, Турция, Норвегия, Швеция, Индия, Китай. Примечательно, что в рамках данного вопроса респонденты называют отечественную историю, не дожидаясь специального вопроса, посвящённого периодам, эпохам в истории России. Особенно выделяется респондентами история XX века (СССР), затем отмечается история императорской России; история России в контексте всемирной истории; «все/многое»; история Древней Руси; современность.

В связи с повышенным вниманием к истории СССР, а также вопросом духовного наследования новыми поколениями исторического опыта обнаруживается как потребность в утверждении в текущей современности, так и недостаточность владения человеком первого постсоветского поколения историческим, культурологическим материалом, формирующим его культурно-историческую идентичность, с сохранением и укреплением его общероссийской ментальности с характерными для неё чертами.

В связи с данным вопросом нельзя не отметить выявленную мировоззренческую коллизию: первостепенное внимание и потребность в знании истории СССР сопровождается равнозначной положительной и негативной оценкой исторического опыта СССР.

Участники опроса 2014–2015 гг. уточнили, что из исторического опыта России они, непременно, перенесли бы в настоящее и будущее: черты народного характера, духовно-нравственные ориентиры; опыт СССР; достижения в области политики и культуры. В ряду черт народного характера, духовно-нравственных ориентиров, выделяемых человеком нового поколения из исторического опыта России, отмечены: «единение, любовь, простота, без этого мы – ничто», «возрождение духа русского народа», «патриотизм людей» – студенты 5 курса; «человечность», «вера в светлое будущее», «более активный и нравственный образ жизни», «русское мужество, стойкость, отвага, доброта, милосердие», «интерес, уважение к старшим», «самоотверженность, любовь к Родине», «самобытность, доброжелательность к другим народам», «дружба народов», «нам необходимы сплоченность и единство», «русский характер» – студенты 1–2 курсов. Примечательно сближение исторических периодов и эпох в таких ответах респондентов, как «система образования СССР и царской России», «научные достижения в царской России и Советском Союзе». Однако данная мировоззренческая позиция нуждается в своём формировании и развитии в процессе воспитания и образования человека нового поколения. Представители поколения 1990-х не хотят переносить из опыта отечественной истории войны, СССР, крепостное право, тоталитаризм, репрессии, культ личности, переломы в истории, революции, гонение веры. Парадокс исторического сознания нового поколения заключается в том, что важная для постижения история СССР одновременно оказывается как в ряду исторически значимого для принятия и продолжения исторического опыта новым поколением, так и отрицаемого им. Не случайно в этой связи 2/3 респондентов 2014–2015 гг. уверены в необходимости углубления знаний о культуре и истории Отечества у новых поколений.

Приведённые результаты исследования указывают на потребность человека нового поколения в знании России как в контексте вопроса «Россия, Европа, Азия», страноведения и континентоведения в их взаимодействии и взаимовлиянии, так и, собственно, россиеведения, целостного знания о «европейском» и «азиатском» началах в самой России, её истории и культуре. Необходимость такого знания сопряжена с воспитанием человека нового поколения, развития в нём чувства уважения и достоинства, признания само-

бытности, уникальности культуры и её представителей в различные исторические времена и в разнообразных поколениях как ценности.

Вырабатывая ответ на второй поставленный вопрос (Как представлен образ Востока в отечественной культурфилософской мысли?), следует вспомнить наиболее типичные идейные ориентиры в культурфилософской традиции. Современные процессы глобализации с её положительными и отрицательными характеристиками неотступно направляют общественное сознание к рассмотрению вопроса места и смысла России, её истории, культуры и природы в глобальных взаимодействиях. Бурные информационные потоки, стремящиеся через всемирную сеть в сознание людей, распространение массовой культуры, технизация влекут за собой унификацию человеческого бытия. В связи с этим наряду с расширяющимся единым началом в мире активно наращивает своё значение процесс регионализации. Он выражается в том, что национальная культура подпадает под охранительное начало локального общества и противостоит тому, что Н. Я. Данилевский назвал «активным культурным влиянием» [19, с. 98–99].

Учение о всеединстве как одно из характерных учений русской философии включает в себе представление о своеобразном типе глобализации, основу которого должны составлять межкультурное взаимодействие, выражение духовно-нравственных начал, какие содержит в себе российский тип культуры, до своего предельного состояния в истории как богочеловеческом процессе. Невзирая на разногласия суждений о путях развития России в мировом пространстве, мыслители XIX–XX вв. в целом проявили единодушие в вопросе целостности, присутствия в её судьбе «Востока» и «Запада». Современные типы российского геополитического мышления также отражают особенности России как Евразии. И выбор приоритетной модели внешнеполитического развития России сопряжён с выбором стратегий российского освоения постсоветского пространства в евразийском регионе. Если вопрос геополитической идентичности России преимущественно является делом политическим, то вопрос национальной, культурно-исторической идентичности предстаёт задачей духовной. Исходным положением её является тезис: своё место в истории человечества и в душе человека занимает любая культура, в которой происходит формирова-

ние личности и воплощение духа народа. Российский тип культуры самобытен и многогранен, и при всех проявлениях межкультурного взаимодействия выводим из истории России. Носителю и представителю российской культуры следует любить и знать, ценить и дорожить, сохранять и продолжать в поколениях её типичные черты, сохраняя свою привлекательность и неповторимость. А еще нужна «мечта России», на недостаточность которой обратил внимание В. В. Розанов, сторонник идеи «мозаичности и эклектизма в истории», «преданности человека всему особенному, каждой частной форме жизни, какая дана ему» [20, с. 45, 59]. Собственно легендарный образ России – невидимый град Китеж – являет собой одну из главных характеристик русской души – загадочность, наряду с её широтой – «птицей-тройкой» (Н. В. Гоголь) или «проселочной дорогой» (Н. М. Минский). В числе прочих они являются самобытными чертами русского духовного бытия, а также включают в себе свойства мечты и мечтательности.

Опыт отечественной мысли демонстрирует, что тема соотношения культурно-цивилизационных типов «Восток», «Запад», «Россия», а также места и роли России в мировом пространстве является хрестоматийной и по сути традиционной на протяжении всего исторического пути России. Осознание остроты исторической значимости темы России возникает на «гребне волн» российской истории XX и XXI вв. Она занимает достойное место и имеет особое звучание в творчестве поэтов Серебряного века, получая многоаспектное освещение: Россия: Восток или Запад, Россия – Мессия, миссианство Родины, единство судьбы человека и судьбы России, смысл местной истории. Непростая судьба России становится темой размышлений поэтов, в которых одно из центральных мест занимает вопрос о том, что есть Россия, какова её роль в мировой истории: А. Блок «Скифы» (1918), С. Есенин «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (1922), В. Хлебников «Бурлюк» (1921), «Хаджи-Тархан» (1913). Россия, вобравшая в себя Восток, объединившая Восток и Запад, иначе, как назвал В. Хлебников, «расширенный материк», Россия, являющая собой «мессию грядущего дня», – такой увидели её поэты эпохи «русского культурного ренессанса». Благотворное смешение культур, обычаев, нравов, религий – излюбленный мотив творчества В. Хлебникова. В русском национальном космосе – в истории и искусстве, подчёркивал поэт, неразрывны два начала

– европейское и азиатское. Кроме идеи евразийства в поэтическом творчестве оказались выражены идеи миссианства и мессианизма. Роль России как центра объединения славянских племен отражена В. Хлебниковым в поэмах «Лесная дева», «Шаман и Венера», «И и Э», «Ви́ла и Леший». Россия, сопрягающая Восток и Запад, представлена А. Блоком, А. Белым, В. Хлебниковым. Россия как спасительница судеб Европы, выстрадавшая эту роль через собственные испытания, выступает в творчестве М. Волошина. Россия, вынесшая испытания «роковых разрух», «огневой стихии», представляется А. Блоку «мессией грядущего дня» («Родине», 1917). Поэт-мыслитель М. Волошин заклинает русскую землю от страданий, вражды и уповаает на возрождение России: Чтоб на распутьях сказочных дорог / Ты сторожила запад и восток. / И вот, вся измененность земного дна – / Тобой, как чаша, до края полна («Благословение», 1923).

Внимание к рассматриваемой теме типично и для отечественной научно-философской и литературной сред исторического порубежья ХХ–ХХI вв. Философы подчёркивают спасительную роль духовного наследия России в контексте глобальных преобразований. Так, А. С. Панарин подчёркивает, что «именно Россия в переломные эпохи драматических разрывов мирового пространства-времени берёт на себя задачу сращивания разошедшихся мировых структур» [21, с. 56]. В. Н. Дуденков акцентирует внимание на учении всеединства, значении русского универсализма, заключающем в себе «подлинное единство вселенского бытия, людей и общества, веками существующих в разладе», для решения проблем в условиях постмодернистской парадигмы, постмодернизма, как «тотальной безнадежности бытия» [22, с. 68, 91]. Ю. В. Мамлеев формулирует доктрину Вечной России, отмечая: «И России, в конце концов, нужно только одно: продолжать быть, раскрывая Себя, со всей силой своей национальной воли сохранять себя, свой народ, свое государство. Отстоять свою самобытность и своё существование – для этого у неё есть все возможности...» [23, с. 153].

Художественная современная литература имеет тенденцию культурно-исторической самобытности. Например, на страницах последнего романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» наряду с традиционной для писателя темой отношений человека и природы представлена тема столкновения Востока и Запада. На фоне произошедших перемен в общественной жизни и сознании

людей в связи с крушением СССР и с утверждением иных, донные не известных и чуждых подходов к жизни на фоне глобализационных процессов она проявляется как инновация, уродующая сознание и губительная для жизни человека восточной культуры. В романе «Тавро Кассандры» Ч. Айтматов художественно-философски раскрыл скрытые и явные проблемы современного человечества. Один из главных героев романа по аналогии с древнерусским историческим персонажем носит имя «монаха Филофея». Только вот образ «третьего Рима» писатель проецирует на душу современного человека, если он готов к самоспасению и спасению человечества посредством духовного очищения от зла. В романе О. Славниковой «2017» раскрывается фундаментальная тема современной культуры и цивилизации – симулированная, ненастоящая, реальность на примере современной российской действительности вплоть до 2017 г., при этом имеет определенное значение ретроспективное обращение к событиям столетней давности и переживаниям, где ощутим «подлинный, соленый и горелый вкус Истории».

Нельзя не вспомнить образцы взаимного проникновения культуры, обращаясь к страницам истории искусства России. История искусства, согласно М. С. Кагану, способна предстать «как единый в своём историческом и этническом разнообразии культурантропологический текст ... Художественная критика, искусствоведческая мысль, философская рефлексия должны содействовать... сегодня и не столько в интересах самого искусства, сколько *в интересах человека, его самосохранения и тем более дальнейшего развития и совершенствования*» [24, с. 296]. Так, в истории культуры России находим образцы достойного воплощения интереса к Востоку. Достаточно вспомнить в русском искусстве стиль классицизма с органично вплетёнными в его ткань «тюркери» и «шинуазри», царствование Екатерины Великой, отмеченное большим вниманием к восточной теме в культуре (например, любимейшая резиденция императрицы Царское Село). Одновременно с этим, как писал журнал «Русская старина» (1870–1918) о екатерининской эпохе, «по вступлении Екатерины на престол жизнь русского дворянства приняла решительное склонение к обычаям, нравам, вкусам и общественной жизни французов. Давно уж Париж был для Европы образцом утонченного вкуса и обхождения. Кажется, мини-Европа утверждается в жизненном пространстве Российской империи» [25, с. 258].

Существующее принципиальное отличие Востока и Запада вызывает взаимный интерес. В нём выражается стремление человека к достижению гармонии чувственного и рационального, веры и разума, созерцания и деятельности, терпения и агрессии. Направление «глобальная история» противопоставляет всеобщей истории, которой присуща европоцентристская, линейная и детерминистская по своему происхождению модель истории, идею полицентрического мира, развитие которого осуществляется через экологические, культурные и политические кризисы с непредсказуемым исходом. Вместо линейной и многолинейной всеобщей истории предлагается многоуровневая сетевая модель глобальной истории, учитывающая взаимность каких-либо воздействий на «мировом поле взаимодействия исторических сил» [26]. Современный писатель Х. Маруками на страницах своих произведений показывает, что в современной японской жизни присутствуют как тысячелетние порядки и традиции, так и западноевропейские заимствования. Однако их наличие ещё более подчеркивает самобытность японской культуры. Так же обстоит дело и в современном Китае, где торжествуют идеи даосизма и конфуцианства наряду с социалистическими идеалами и принципами рыночной экономики. Известно, например, что китайская чайная церемония изучается школьниками в качестве учебного предмета, а «секрет» традиционного производства бумаги охраняется от претензий «чужих» производителей, улицы городов современного Китая пестрят оранжевыми фонариками, символически освящающими преемственный исторический путь. Выражением взаимного и созидательного интереса Запада и Востока является литературное творчество австралийского писателя Грегори Дэвида Робертса («Шантарам», «Тень горы» и др.) и Орхана Памука, турецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (2006 г.) за «поиск души своего меланхолического города», г. Стамбула, «ставшим своеобразным местом встречи Востока и Запада» («Имя мне – Красный», «Дом тишины» и др.).

Мир вследствие различных и многообразных взаимодействий давно уподобился калейдоскопу с его красивыми и причудливыми картинками. И подчас весьма затруднительно провести чёткую грань, определяющую степень превалирования Востока и Запада в культурной жизни человечества. Однако всегда есть и должна быть возможность и необходимость обозначения контуров «типическо-

го» в самобытных и равноправных в истории культурных типах. Россияведение – актуальная отрасль знания «отечественного», «своего», освящённого в веках достижениями, подвигами предков и их сбережениями для потомков, что создаёт прочную духовную основу для молодых современников, их культурно-исторической идентичности.

Заключение. Резюмируя, необходимо акцентировать внимание на следующих положениях: в условиях духовно-нравственного кризиса, поиска путей решения проблемы культурно-исторической идентичности человека нового поколения россияведение становится насущной задачей современной культуры, от исторической до повседневной, воспитания и образования. Россияведение представляет собой знание России «посреди России» как культурно-исторического типа, объединившего в себе черты Востока и Запада, интегрирующиеся и отражающиеся специфически, оригинально и плодотворно в отечественной культуре, в различных формах общественного сознания. В условиях глобализации, после крушения СССР и в соответствии с посттравматическим состоянием духа человека и общества конца XX – начала XXI в. внимание российского человека и общества к западной культуре, её ценностям, традициям оказалось доминирующим с тенденцией «активного культурного влияния», влекущего за собой угрозу прерывности связи с отечественным культурно-историческим типом, как следствие, проблему культурно-исторической идентичности. До недавнего времени образ Востока, объединяющий в себе как историческую память о нашествиях с Востока на Русь, так и культурфилософские интенции, в которых образ Востока аккумулирует в себе черты таинственности, созерцательности и утончённости, оставался без должного внимания. Преодолению редукционизма в понимании самобытности российского культурно-исторического типа, «Я» как культурно-исторического существа, принадлежащего российской культуре и истории, способствует активное внимание, направленное на Россию. Изучение и знание России, сопрягающей Восток и Запад в своём культурно-историческом типе, предполагает исследование проблемы культурно-исторической идентичности человека нового поколения, проживающего в азиатской и европейской частях России, проблемы культурно-исторической идентичности человека нового поколения как представителя российской Азии. При-

стальное внимание человека нового поколения к отечественной культуре и истории, глубокое овладение культурно-историческим знанием, их практическая реализация в различных видах деятельности, в межличностных отношениях в соответствии с подходами к пониманию культуры, многообразием её форм, а также на всех уровнях, теоретическом и обыденно-практическом. В контексте вопроса культурно-исторической идентичности человека нового поколения имеет значение выраженное бытование российской культуры в оригинальной целостности её восточных и западных черт на повседневном уровне.

Библиографический список

1. Кутыкова И. В. Проблема идентичности «постсоветского человека»: диалектика исторической памяти и современности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2019. 61 с.
2. Шаповалов В. Ф. Россиеведение : учебное пособие. М.: Фаир-пресс, 2001. 573 с.
3. Смирнов П. И. Слово о России: беседы о российской цивилизации. СПб.: Химиздат, 2004. 324 с.
4. Лаптева Е. В. Американское россиеведение: образ России. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. 118 с.
5. Прохоренко А. В. Философское россиеведение в идейной полемике пореволюционной эмиграции (первая половина XX века) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2006. 40 с.
6. Симуш П. И. Теоретическое россиеведение. XX век. М.: ВИУ, 2005. 307 с.
7. Яковенко И. Г. Познание России: цивилизационный анализ. М.: Наука, 2008. 522 с.
8. Горянин А. Б. Оптимистическое россиеведение. М.: Национальная лига управляющих, Учебный центр МФЦ, 2008. 388 с.
9. Ерыгин А. Н. Философское россиеведение: мысль о России и русская мысль. Ростов н/Д: Альтаир, 2010. 352 с.
10. Россия. Русистика. Россиеведение : материалы конференций и круглых столов / редкол.: Е. И. Пивовар. М.: Издательский центр РГГУ, 2010. 412 с.
11. Чубайс И. Б. Российская идея. Становление и история, разрыв и возрождение. Россиеведение, или теория России. Истоки и бессмыслие советского коммунизма; философская публицистика. М.: Аква-терм, 2012. 480 с.
12. Водопьянова Г. А. Россиеведение. Тарханы в судьбе М. Ю. Лемонтова : учебное пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1998. 24 с.

13. Шаповалов В. Ф. Цивилизационный путь России: история и современность: университетский центр комплексного изучения России и распространения знаний о России: методологические принципы, проект, программа. М.: Научная библиотека, 2013. 83 с.
14. Россиеведение: особенности развития российской цивилизации : тексты лекций. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2018. 207 с.
15. Смирнов П. И. Постижение России: взгляд социолога. СПб.: Алетейя, 2020. 574 с.
16. Кутыкова И. В. Культура и цивилизация в контексте истории. СПб.: СПбГТИ(ТУ), 2012. 56 с.
17. Кутыкова И. В. Историческое сознание первого постсоветского поколения. СПб.: РИЦ ПСПбГ-МУ, 2016. 240 с.
18. Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 616 с.
19. Кутыкова И. В. «Активное культурное влияние» и актуальность идеи культурно-исторической самобытности // Дни петербургской философии – 2009 : материалы Международной конференции «Философия в диалоге культур: взгляд из Петербурга», 19–21 ноября 2009 г. СПб.: Копипарк, 2009. 200 с.
20. Розанов В. В. Старое и новое // Литературные очерки : сборник статей. СПб., 1902. С. 1–60.
21. Философия истории : учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
22. Дуденков В. Н. Универсализм и постмодернизм: историософские очерки. СПб.: ОМ-пресс, 2008. 244 с.
23. Мамлеев Ю. В. Россия вечная. М.: АиФ-Принт, 2002. 336 с.
24. Каган М. С. Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. СПб.: Logos, 2003. 320 с.
25. Русская старина: путеводитель по XVIII веку / авт.-сост. А. В. Кургатников. М.: Культура; СПб.: ЛИК, 1996. 380 с.
26. Ионов И. Н. Основные направления и методология глобальной истории // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 18–29.

References

1. Kutykova I. V. *Problema identichnosti «postsovetskogo cheloveka»: dialektika istoricheskoy pamyati i sovremennosti* [Problem of identity of the «post-Soviet man»: dialectics of historical memory and modernity: author's abstract. Dr. sci. diss. abstr.]. Saint Petersburg, 2019. 61 p. (In Russ.)
2. Shapovalov V. F. *Rossievedenie* [Russian Studies]. Moscow, Fair-press, 2001. 573 p. (In Russ.)

3. Smirnov P. I. *Slovo o Rossii: besedy o rossiyskoy tsivilizatsii* [Word about Russia: conversations about Russian civilization]. Saint Petersburg, Himizdat, 2004. 324 p. (In Russ.)
4. Lapteva E. V. *Amerikanskoe rossievedenie: obraz Rossii* [American Russian studies: the im-age of Russia]. Yekaterinburg, Ural University Publishing house, 2004. 118 p. (In Russ.)
5. Prokhorenko A. V. *Filosofskoe rossievedenie v ideynoy polemike porevolutsionnoy emigratsii (pervaya polovina XX veka)* [Philosophical Russian studies in the ideological polemics of post-revolutionary emigration (the first half of the XX century)]. Dr. sci. diss. abstr.]. Saint Petersburg, 2006. 40 p. (In Russ.)
6. Simush P. I. *Teoreticheskoe rossievedenie. XX vek* [Theoretical Russian studies. XX century]. Moscow, VIU, 2005. 307 p.
7. Yakovenko I. G. *Poznanie Rossii: tsivilizatsionnyy analiz* [Cognition of Russia: civilizational analysis]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 522 p. (In Russ.)
8. Goryanin A. B. *Optimisticheskoe rossievedenie* [Optimistic Russian studies]. Moscow, Na-tional League of managers, MFC Training center, 2008. 388 p. (In Russ.)
9. Erygin A. N. *Filosofskoe rossievedenie: mysl' o Rossii i russkaya mysl'* [Philosophical Russian studies: thought about Russia and Russian thought]. Rostov-on-don, Altair, 2010. 352 p. (In Russ.)
10. *Rossika. Rusistika. Rossievedenie: materialy konferentsiy i kruglykh stolov* [Rossika. Russian studies. Russian studies: materials of conferences and round tables / editor: E. I. Pivovar]. Moscow, Pub-lishing center of RSUH, 2010. 412 p. (In Russ.)
11. Chubais I. B. *Rossiyskaya ideya. Stanovlenie i istoriya, razryv i vrozhdzenie. Rossievedenie, ili teoriya Rossii. Istoki i bessmyslie sovetskogo kommunizma; filosofskaya publitsistika* [The Russian idea. Formation and history, break and rebirth. Russian studies, or the theory of Russia. The origins and nonsense of Soviet communism; philosophical journalism]. Moscow, Akva-term, 2012. 480 p. (In Russ.)
12. Vodopyanova G. A. *Rossievedenie. Tarkhany v sud'be M. Yu. Lemontova* [Russian Studies. Tarkhany in the fate of M. Y. Lermontova: a training manual]. Tambov, TSU Publishing house, 1998. 24 p. (In Russ.)
13. Shapovalov V. F. *Tsivilizatsionnyy put' Rossii: istoriya i sovremennost': universitetskiy tsentr kompleksnogo izucheniya Rossii i rasprostraneniya znaniy o Rossii: metodologicheskie printsipy, proekt, pro-gramma* [Civilizational path of Russia: history and modernity: University center for comprehensive study of Russia and dissemination of knowledge about Russia: methodological principles, project, program]. Moscow, Scientific library, 2013. 83 p. (In Russ.)
14. *Rossievedenie: osobennosti razvitiya rossiyskoy tsivilizatsii* [Russian Studies: features of the development of Russian civilization]. Chelyabinsk, Chelyabinsk state University Publishing house, 2018. 207 p. (In Russ.)

15. Smirnov P. I. *Postizhenie Rossii: vzglyad sotsiologa* [Comprehension of Russia: a sociologist's view]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2020. 574 p. (In Russ.)

16. Kutykova I. V. *Kul'tura i civilizaciya v kontekste istorii* [Culture and civilization in the con-text of history]. Saint Petersburg: Spbgiti (TU), 2012, 56 p. (In Russ.)

17. Kutykova I. V. *Istoricheskoe soznanie pervogo postsovetskogo pokoleniya* [Historical con-sciousness of the first post-Soviet generation]. Saint Petersburg, RIC Pspbsmu, 2016. 240 p. (In Russ.)

18. *Razmyshleniya o Rossii i russkikh. «Vtoraya filosofiya» russkogo cheloveka* [Reflections on Russia and the Russians. «The second philosophy» of the Russian person]. Moscow, Moscow school of polit-ical research, 2006. 616 p. (In Russ.)

19. Kutukova I. V. «Aktivnoe kul'turnoe vliyanie» i aktual'nost' idei kul'turno-istoricheskoy samobytnosti [«Active cultural impact» and relevance of the ideas of cultural-historical identity]. Days of Petersburg philosophy-2009: materials of the International conference «Philosophy in the dialogue of cultures: a view from St. Petersburg», November 19–21, 2009. Saint Petersburg, Kopi-Park, 2009. 200 p. (In Russ.)

20. Rozanov V. V. *Staroe i novoe. Literaturnye ocherki* [Old and new. Literary essays: collection of articles]. Saint Petersburg, 1902, pp. 1–60. (In Russ.)

21. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history; edited by A. S. Panarin]. Moscow, Gardariki Publ., 1999. 432 p. (In Russ.) (In Russ.)

22. Dudenkov V. N. *Universalizm i postmodernizm: istoriosofskie ocherki* [Universalism and postmodernism: historiosophical essays]. Saint Petersburg, OM-press, 2008. 244 p. (In Russ.)

23. Mamleev Yu. V. *Rossiya vechnaya* [Russia eternal]. Moscow, AIF-Print, 2002. 336 p. (In Russ.)

24. Kagan M. S. *Se chelovek... Zhizn', smert' i bessmertie v «volshebnom zerkale» izobrazitel'nogo iskusstva* [Se man... Life, death and immortality in the» magic mirror « of fine art]. Saint Petersburg, Logos Publishing house, 2003, 320 p. (In Russ.)

25. *Russkaya starina: putevoditel' po XVIII veku* [Russian antiquity: a guide to the XVIII century; author-comp. A. V. Kurgatnikov]. Moscow, Culture; St. Petersburg, LIK, 1996. 380 p. (In Russ.)

26. Ionov I. N. *Osnovnye napravleniya i metodologiya global'noy istorii* [Main directions and methodology of global history]. New and recent history [New and recent history], 2002, no. 1, pp. 18–29. (In Russ.)

П. Г. Мартысюк

Российский государственный социальный университет филиал
в г. Минске, главный редактор журнала «Гісторыя і грамадазнаўства»,
г. Минск, Республика Беларусь

**Циклическая динамика культуры как следствие
мифологизации природы**

Статья посвящена циклической динамике культуры, её генезису и становлению, нашедших раскрытие в природе, мифе и ранних формах религии, детерминирующих синкретизм первобытной культуры. Циклические процессы, свойственные природе, формируют идею неизменности и постоянства. В природе возникает множество различного рода циклических вариаций, неконтролируемых отдельно взятым биологическим организмом. В силу отсутствия рефлектирующего сознания он не в состоянии преодолеть зависимость от циклических процессов, в которые инстинктивно вовлечен. В отличие от природы в сообществе людей возможен процесс преодоления субъектом внешних социокультурных циклов, что объясняется особенностями рефлектирующего сознания. В мифологической традиции повторяющиеся культурные процессы могут быть творчески восприняты мыслящим субъектом в качестве закономерностей, сопряженных с идеей конструктивного цикла, спроецированного на его глубинную экзистенциальную природу. Процесс восприятия конструктивных циклов на ранних этапах развития культуры сопровождается их мифологизацией и сакрализацией. Сравнительный анализ динамики культуры и динамики природы выявляет их общие черты и существенные различия. В результате чего циклическая динамика культуры выступает как разновидность развития, содержащая элементы прогрессизма, в то время как цикличность в природе исчерпывается вегетативными гомогенными циклами.

Культурологический анализ циклической динамики культуры, основанной на семантике мифологических и религиозных воззрений, позволяет рассмотреть диалектику идеального и материального в процессе формирования и познания различных форм культуры; сформировать методологическую основу для разработки циклической парадигмы общественного развития, основанную на искусственно проектируемой культурологической мифосемантической основе целенаправленного конструирования социально-культурной реальности.

Ключевые слова: культура, циклическая динамика культуры, линейность, миф, цикличность, метаморфоза, всеобщее оборотничество, природа, биоценоз, природные циклы.

P. G. Martysiuk

Russian State Social University branch in Minsk, Chief Editor of the «History and Society» journal, Minsk, Republic of Belarus

The Cyclical Dynamics of Culture as a Consequence of the Mythologization of Nature

The article is devoted to the cyclical dynamics of culture, its genesis and formation, which have been revealed in nature, myth and early forms of religion, which determine the syncretism of primitive culture. Cyclic processes inherent in nature form the idea of immutability and constancy. In nature, there are many different kinds of cyclic variations that are not controlled by a single biological organism. Due to the lack of reflective consciousness, it is not able to overcome the dependence on the cyclic process in which it is instinctively involved. In contrast to nature, in the community of people the process of overcoming by the subject of external sociocultural cycles is possible, which is explained by the features of reflective consciousness. In the mythological tradition, repeating cultural processes can be creatively perceived by the thinking subject as patterns associated with the idea of a constructive cycle projected onto its deep existential nature. The process of perceiving constructive cycles in the early stages of the development of culture is accompanied by their mythologization and sacralization. A comparative analysis of the dynamics of culture and the dynamics of nature reveals their common features and significant differences. As a result, the cyclical dynamics of culture acts as a kind of development containing elements of progressivism, while the cyclical nature is limited to vegetative homogeneous cycles.

A culturological analysis of the cyclical dynamics of culture, based on the semantics of mythological and religious views, allows us to consider the dialectics of the ideal and the material in the process of formation and knowledge of various forms of culture. To form a methodological basis for the development of a cyclical paradigm of social development, based on the artificially designed cultural mythological and semantic basis for the purposeful design of socio-cultural reality

Keywords: culture, cyclical dynamics of culture, linearity, myth, cyclicity, metamorphosis, general werewolf, nature, biocenosis, natural cycles.

Введение. Целью представленной статьи является выявление истоков циклической динамики культуры, основанной на семантике и морфологии мифорелигиозных установок натуралистического

типа. В процессе реализации цели исследования автор обращается к генезису мифонатуралистических оснований циклической динамики как рефлексии циклических процессов в естественной среде (вегетация, метаморфоза, регенерация и др.), зафиксированных в мифе и мифосемантических ориентирах культуры на ранних стадиях её развития.

В рамках проведённого исследования феномен природной повторяемости положен в основу динамики культуры, представленной в качестве структурно-смыслового образования, включающего многослойные устойчивые топологические уровни цикличности.

Динамика культуры занимает особое место в системе гуманитарного знания. К ней питают нескрываемый интерес представители культурологии, социологии, политологии, семиологии, этнографии и др. Особое место в их работах отводится циклической динамике культуры, на ранних этапах своего возникновения детерминированной системой натурмифологических представлений различных народов мира.

Значительное внимание исследованию феномена цикличности в природе и мифе уделяется в многочисленных трудах А. Лосева, посвящённых античной культуре («Античная философия истории», «История античной эстетики», «Мифология греков и римлян» и др.). В учении А. Лосева феномен цикличности получает реализацию в рамках онтологии мифа и распространяется на мифологическое время. Он же реализуется в натурмифологических вещественно-телесных оборотнических вариациях.

Инверсия как один из вариантов цикличности определяется принципом бинарности, который пронизывает мифологическое мышление, основанное на рефлексии природных процессов. Обращение к принципу бинарности как важнейшей составляющей структуры мифа нашло выражение в трудах таких исследователей традиционных культур, как К. Леви-Строс («Мифологиики», «Структурная антропология»), Ж. Дюмезиль («Верховные боги индоевропейцев»), Б. Малиновский («Магия, наука и религия»), А. Рэдклифф-Браун («Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции»), М. Элиаде («Аспекты мифа», «Миф о вечном возвращении», «Священное и мирское») и др.

Применительно к исследованию аграрной мифологии несомненный интерес представляет концепция, созданная российски-

ми учёными О. М. Фрейденберг («Миф и литература древности», «Поэтика сюжета и жанра»), В. Н. Топоровым («Космогонические мифы», «Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы»), Б. А. Рыбаковым («Язычество Древней Руси», «Язычество древних славян») и др. Согласно ей, представления о цикличности как смене времён года могут быть изображены в качестве семантики перехода от природы к культуре, от хаоса к космосу, от дряхлеющей и отживающей свой век прежней реальности к реальности, несущей в себе факт обновления. Процесс семантизации ритма, раскрытый в работах российских учёных, распространяется на онтологию пространства и времени и выстраивается на гомологии антропоморфных частей тела и вещественных атрибутов космоса.

Методы исследования. С целью исследования проблемы автором был использован ряд теоретических методов: диалектический, выявляющий натуралистическую плодотворность противоречия, определившего ряд мифосемантических модификаций цикличности; структурно-функциональный, позволяющий исследовать феномен инверсии путем обращения к бинару как семантическому принципу организации содержания мифа и обеспечения взаимосвязей между структурными элементами его и природы; метод компаративного анализа, использование которого предоставляет возможность соотнесения параллельных натуралистических и мифологических вариаций с целью установления качественной специфики приоритетов феномена цикличности; семиотический, который дает описание семантики мифа, основанной на дуальном принципе восприятия мира архаическими народами, а также открывает перспективы объективации цикличности в знаково-мифологических формах выражения.

Результаты исследования и их обсуждение. Под циклической динамикой культуры следует понимать развитие и изменения циклического типа, присущие отдельным типам, сферам и формам культуры. Несмотря на то что в отличие от линейной динамики циклическая динамика культуры не сводится к гомогенным эволюционистским схемам, рассматривающим развитие культуры в контексте её прогрессистского усовершенствования, она тем не менее включает в свой смысловой конструкт элементы линейности. Подобное становится возможным в рамках циклического развития. В современной ситуации циклическая динамика наделяется ши-

роким семантическим диапазоном, включающим изменения нелинейного типа, а также взаимодействие структурных компонентов культуры, придающих ей устойчивый, повторяющийся характер.

В качестве источника культурной динамики, в частности применительно к её циклическим вариациям, выступает природа. В рамках культурологического знания искусственная среда нередко противопоставляется натуральной среде. Подобная точка зрения отчасти обусловлена присутствием в современной культурной традиции позитивистских взглядов, рассматривающих культуру как результат победы над стихийными силами природы. В некотором смысле она умоляет конструктивную связь культуры и природы и в полной мере не учитывает особенности телесной и духовной организации человека. В этой связи следует напомнить о том, что природа в истории культурной мысли далеко не всегда противопоставлялась культуре. В различные времена она выступала источником творческого вдохновения художников и поэтов, а также служила основой построения научных теорий и гипотез. Многовековой опыт человечества, закрепленный в семантике культуры, также подтверждает факт неразрывной взаимосвязи природы и культуры, основанный на единстве биофизиологических и культурных циклов.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что представления о циклической динамике культуры в различные периоды истории базировались на наблюдении и изучении политических и хозяйственных циклов, ритмов в развитии искусства, науки и повседневной жизни. Немалое место в них отводилось и жизненным циклам индивида, которые, на наш взгляд, наиболее важны для оценки культурного процесса.

В рамках исследования циклической динамики культуры вполне уместно обратиться к проблеме мифологизации природных циклов. Она не только оказала влияние на формирование ранних форм культуры, но и предварила семантические основания циклической динамики как явления культуры, объединившего в смысловом поле систему мифологических представлений, связанных с процессами, мыслимыми как возвращающиеся и повторяющиеся.

Тема связи мифологии с процессом повторения явлений природы в человеческом сознании является одним из ключевых положений философии мифа Ф. Шеллинга. Данное положение укрепля-

ет нас в мысли относительно природных циклов как важнейшего источника представлений о неизменно воспроизводящихся формах сущего. Неоспоримым подтверждением сказанного является тот факт, что всё в природе соотнобразуется с законом цикличности. Этот закон невозможно отменить, так же как невозможно изменить определённые этапы в его развитии.

В основе большинства циклических природных процессов лежит принцип самосохранения, выступающий в качестве непосредственного источника феномена «возвращения на круги своя». Природа подвержена постоянному круговороту, возвращению одних и тех же явлений с неизменной последовательностью. Всякое движение и всякий процесс, начавшись с определённого момента, опять же оборачиваются к тому же состоянию, с которого начинались. Небесные светила всегда возвращаются через известный промежуток времени в исходное положение, откуда начинали своё движение. С одинаковой последовательностью происходит смена времён года, сопровождающаяся закономерным повторением температуры воздуха. С неизменным постоянством повторяются морские приливы и отливы, связанные с убывающей и прибывающей луной. Флора и фауна также оказываются подчинёнными закону вечного повторения. Спиралевидное устройство присуще различным живым организмам: панцирям черепах, раковинам моллюсков, морским звёздам и т. д. Спиралевидный рисунок нередко встречается в окраске различных насекомых и животных и т. д.

Влечение к повторению является неотъемлемой характеристикой инстинктивного поведения высокоразвитых биологических видов. Подражание себе подобным отвечает поведению самой биологической особи и представляет собой движущую силу всей её репродуктивной, генетической памяти. По сути поведение данного животного определяется через прошлую жизнь его сородичей, а в дальнейшем передаётся последующему поколению.

Отдельные виды биологических организмов обладают генетической способностью при опасности отбрасывать части тела с последующей их регенерацией. Лапа сенокосца (разновидность паукообразных), оставленная в случае угрожающей ему опасности, способна на протяжении некоторого времени совершать колебательные движения, тем самым функционально замещая субстанцию тела. В какой-то мере колебательный тип как своеобразный тип движе-

ния природной формы может быть рассмотрен в качестве источника осциллирующей динамики культуры. При этом часть тела биологической особи ведёт себя по отношению к окружающему миру экстатически, в то время как его субстанция ведет себя «разумно». Возможно, это является источником одного из принципов мифа, согласно которому атрибут мифической субстанции наделяется способностью отделяться от самой субстанции, действовать самостоятельно, а иногда и брать её функции на себя целиком. Идея независимого и полноценного существования части вне своего тела нашла выражение в различных мифологических системах, включая и относительно поздние варианты мифотворчества. Проводя различие между умом первобытного и современного человека, Ф. Боас неслучайно указывает на данную особенность мифологического мышления. «То, что мы считаем состояниями объекта, например здоровье и болезнь, рассматриваются первобытным человеком как независимые реальности» [1, с. 110].

Способность части тела отделяться от тела с последующим её автономным существованием прослеживается и в относительно поздних вариантах мифотворчества. Примером тому является «бесмертное» литературное произведение Гоголя «Нос».

В основе циклизации витальной биологической формы осциллирующего типа заложено стремление к её самосохранению. Само по себе самосохранение в данной ситуации эквивалентно воспроизводству, восходящему к природному циклу. «Завершающий момент отдельно взятого природного цикла предвдваряет последующее восстановление, расставляющее отдельные жизненные формы на отведённые для них места в рамках последующего цикла. Смерть (разрушение), на первый взгляд казавшаяся полной, непосредственно подготавливает будущность в рамках последующего цикла. В определённой мере это соотносится с циклическими процессами в природе. К примеру, смерть древесной почки приводит к рождению листа. Через определённый отрезок времени почка, исходя из очередного вегетативного цикла растения, появляется вновь – и так продолжается до бесконечности» [2, с. 20–21].

В семантическом измерении погибшее и возрождённое семя, будучи связанными с началом жизни растения, могут быть представлены в качестве ключа жизни и символа вечных циклов возрождения. В семени сокрыто символическое начало цикла приро-

ды, представляемое как вечный процесс сменяющих друг друга жизни и смерти.

Во «Введении в философию мифологии» Ф. Шеллинг не только указывает на родственность мифологии природе, но и отдельно подчёркивает, что «у нее есть то общее с природой, что она предстает как замкнутый в себе мир, а по отношению к нам – как прошлое» [3, с. 349].

Определяя место мифологического пространства среди других видов пространства, Э. Кассирер отмечал, что оно «занимает своеобразную среднюю позицию между чувственным пространством восприятия и пространством чистого познания, пространством геометрического созерцания» [4, с. 99]. Подобная мысль подтверждает качественное своеобразие природы мифологического пространства, не укладывающейся в рамки рационального сознания. Во многом это объяснимо тем, что фантастическая выдумка, присущая мифу, не отделяется от эмпирического мира, а также тем, что структура мифа имеет далеко не отвлеченный характер. Это значительно проясняет феномен сращивания разнородных пространственных форм в единые, реально осязаемые фантазмагорические образования.

Необходимо заметить, что мифологическое пространство не только неоднородно и не бесконечно, но и предметно, чувственно и конкретно. Оно способно локализоваться по мере своего содержательного наполнения. Все благое локализуется в центре пространства, в то время как злое оттесняется на периферию. Мифологическое пространство способно сакрализироваться. Это происходит, когда оно выступает центром встречи космических сил, вертикальной осью мира, средоточием мирского блага, местом манифестации божественного и т. д. Например, в эддическом мифе в середине пространства размещается обитель богов и людей. Здесь же произрастает и мировое древо, ясень Иггдрасиль, который обладает весьма интересной особенностью. Его первый корень (асов) находится на небе. В немецкой сказке предполагается, что колодец Хольда (Метелицы) ведёт не вниз, а на верх – на небо, так как, когда служанка взбивает перину, из неё летит пух-снег на землю.

Верх и низ в пространственном измерении мифа неким образом совпадают, тем самым открывая возможность достижения верхнего мира из нижнего через древо. Вертикаль своеобразным

образом круглится. Горизонталь не противоречит вертикали. Карлик в определённый момент может стать великаном. В «Калевале» богатырь, явившийся из морских волн с целью срубить дуб, сначала оказывается величиной с палец, но затем незаметно обретает рост великана. Горизонталь и вертикаль подчинены единому круговому движению. В связи с этим продолжительное движение вперёд может привести как в верхний, так и в нижний мир. Перечисленные факты пробуждают к жизни мысль, что у самого становления нет завершения, значит, нет и цели.

Ещё до появления объективных представлений о пространстве и времени для мифологического сознания было характерно особое ощущение периодичности и ритмичности окружающего мира, занимающего доминирующее место в жизни и деятельности. Не случайно близость пространства и времени в мифе выражается в том, что время нередко подменяется определёнными содержательными пространственными структурами, для которых характерно появление и исчезновение, ритмичность и становление.

Нередко мифологическое время находит выражение в различных видах деятельности, например в сезонных работах, занимающих важнейшее место в жизни человека. Здесь понятие «циклическое время» оказывается приложимым к хозяйственному годовому циклу. Принимая циклический характер, время движется по замкнутой кривой, выявляя при этом свой целостный характер. О целостном характере мифологического времени свидетельствует его сферическая модель. При этом сферное время, соединяясь со сферным пространством, пронизывает весь бытовой уклад архаического человека.

Время оказывается связанным с космическими ритмами, с исчезновением и возвращением различных материальных форм. Те же природные формы, например небесные светила, воспринимаются в связи с уходящим и возвращающимся временем, с неким универсальным порядком и судьбой. Регулярность природных явлений, периодичность обращения небесных светил в рамках мифа воспринимается как важнейший момент жизнедеятельности всего сущего, в том числе человека.

На непосредственную связь природных ритмов с бытием человека в контексте мифологического пространства указал Э. Кассирер. «Смена дня и ночи, пробуждение и угасание растительного

мира, цикл времён года: всё это постигается мифологическим сознанием поначалу лишь через проекцию всех этих явлений на наличное бытие человека, в котором оно отражается, как в зеркале» [5, с. 123]. Обращение к природным ритмам является источником возникновения календарных ритуалов, которые, опять же, непосредственно связаны с циклической моделью мифологического времени.

Замкнутое пространство мифа сродни локальному пространству биоценоза. Биоценоз как способ сосуществования биологических форм в мифологической традиции подменяется божеством Род. Локальность биоценоза, может быть, идентифицирована мифологическим сознанием в качестве тотемного пространства. Тотемное пространство одновременно выступает как родовое пространство, в котором жизнь и смерть являются единым целым, погруженным в бесконечно циркулирующий витальный процесс.

Основным носителем идейного содержания родового витального пространства календарно-обрядовой культуры выступает крестьянство. Крестьянство в определённой мере сохранило традиционный образ жизни, создало богатый по своему содержанию фольклор, в котором немаловажное место занимают и мифопоэтические представления, содержащие символику цикличности.

Благодаря биогенному круговороту биоценоз представляет собой динамичную, саморегулирующую систему, в которой все компоненты связаны между собой. В биоценозе мимикрия, покровительственная окраска, метаморфоза как способы выживания и воспроизводства биологического организма подчинены единому динамическому процессу, присущему природе.

Замкнутость мифологического мира выдвигает на первый план феномен метаморфозы, в архаической культуре зачастую представленный в виде всеобщего оборотничества. Данный феномен имеет ярко выраженные динамические характеристики, в связи с чем представляет определённый интерес для настоящего исследования.

Циклическая динамика, лежащая в основе синкретизма архаической культуры, «сформировала логику мифа, на основании которой архаическая картина мира строится исходя из принципа «все есть все» или «все во всем». Это объясняет природу происхождения вещей из различных субстанциальных форм мифа и последующее в них возвращение. Феномен оборотничества всеприсутствия фор-

мирует у человека способность к идентификации себя с другими людьми, животными, растениями, неодушевленными предметами, а также различными природными явлениями» [6, с. 9].

Мифологическое оборотничество свидетельствует об определённой динамике материи, опредмечивающейся в превращённых формах сущего. Важно обратить внимание на то, что оно оказывается связанным с потребностью в сохранении собственной сущности, что в конце концов приводит отдельные мифологические формы к возвращению на круги своя в пределах всё того же замкнутого пространства. Оборотничество также исключает возможность трансцендирования за пределы мифологического пространства, хотя, будучи опосредованным мифоритуальным комплексом, получает возможность соприкосновения со сверхсущим. Несмотря на некоторые ограничения сущего, вызванные спецификой мифологического пространства, возможности всеобщего оборотничества от этого не сужаются. В определённой степени это согласуется с мыслью М. Стеблин-Каменского о том, что «в мифе... настолько же больше возможностей развития, насколько эти возможности меньше предопределены. Отсюда характерное для мифа развитие действия: резкие повороты, неожиданные превращения, нанизывание событий, непредсказуемых из предшествующего» [7, с. 52].

Обращаясь к природе оборотничества, необходимо указать на её амбивалентный характер. С одной стороны, она непосредственно связана со стремлением отдельных мифологических форм к удержанию в неизменности своей сущности, что выдерживает интенциональную направленность мифа в целом. С другой стороны, она обусловлена стремлением отдельных форм сущего выйти за пределы замкнутого пространства мифа. Однако любое стремление преодолеть замкнутость пространства мифа оборачивается возвращением к исходному положению. По этой причине рост отдельных форм сущего далёк от подлинного становления. Что касается возвращения в исходное состояние, то оно в конечном счёте оборачивается чередой различных перевоплощений, за пределы которых выйти не представляется возможным. В данном случае мы имеем дело с протеизмом, демонстрирующим множество сменяющих друг друга форм в пределах единой неизменной физической субстанции.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что метафороза порождается синкретическим дорефлексивным сознани-

ем. Её природа во многом обусловлена неспособностью отдельного человека на ранних этапах становления общества отделять себя от своей общины и природы. Он мыслил себя носителем сил этой общины и этой природы. Будучи носителем не только своих собственных сил, но и всего другого в той или иной мере, в тех или иных размерах, он может мыслить себя каким-нибудь другим индивидуумом, носителем его сил и находиться во власти иллюзий такого ревоплощения.

В качестве всеобщего оборотничества метаморфоза выступает как воплощение множественности циклов, демонстрирующих переход сущего от одной хтонической формы к другой. Более зрелые, проэволюционирующие вариации метаморфозы представляют идею единого цикла (жизнь–смерть–жизнь), примером являются метаморфозы, закрепившиеся в античной традиции: Гиацинт, Нарцисс, Актеон и др., представленные в ярких поэтических тонах римским поэтом Овидием.

Применительно к человеческой природе метаморфоза исчезает, как только человек начинает резко и принципиально различать «я» и «не-я», т. е. когда он не растворяется в природе, а себя ей противопоставляет, и когда каждая вещь становится для него тем самым твердо определенной вещью, допускающей одни свойства и исключаяющей другие. По сути, с уходом синкретического дорефлективного мышления исчезает и метаморфоза, демонстрирующая генетическую связь человека с природой. Зарождающееся рефлексивное сознание обретает способность устанавливать дистанцию между объектом и субъектом.

В дальнейшем метаморфоза, представленная в качестве способа воспроизводства природной формы, в культуре приобретает универсальный характер, затрагивая её предметную и духовную сферы. В последующих построениях культуры можно найти аналогии той разновидности биологического развития, когда на определенном этапе происходит одноразовая и неожиданная для наблюдателя метаморфоза. В качестве художественного образа она присутствует в различных сказочных персонажах. Один из них, например, повествует о том, как царевна-лягушка сбрасывает свою шкурку и, во многом уподобляясь бабочке, растает с коконом, приобретая своё первоначальное человеческое обличие.

Размышления о метаморфозе и генетически связанных с ней процессах регенерации, превращения, возрождения выступают одной из предпосылок формирования культурного феномена цикличности и занимают по праву важное место в различных мифологических системах, нередко выступая их организующим принципом.

Мифосемантическую природу циклической динамики культуры на ранних этапах её становления детерминируют не только природные, но и производные от них – антропологические и космические циклы. Во многом это было обусловлено тем, что циркуляция природных процессов в системе мифологических воззрений неотъемлемо связывалась с присущим им источником жизненной силы и бессмертия, гарантирующим вечную жизнь всему сущему.

Природа в древности наделялась мифическими чертами, такими как одушевлённость, божественность и демоничность. В ней сокрыты силы, дарующие человеку благо и одновременно несущие разрушение. На исходе первобытного общества мы уже обнаруживаем стремление к гармонизации природной стихии, нашедшей выражение в поэтическом творчестве, в частности Гомера. А. Лосев указывает на то, что «Гомер бесконечно далёк не только от первобытного фетишизма, но даже и от грубого анимизма. То стихийное в природе, что у него представлено как божественное и демоническое, уже в значительной степени опозитизировано, вовлечено в контекст интересного и эстетически занимательного рассказа и совершенно лишено ужасов и чудовищ первобытной мифологии» [8, с. 121–122].

Фетишистско-анимистическая система представлений со временем сменяется на антропоморфическую, в последующем получившую оформление в природном универсуме, именуемом в античной традиции, а в последующем и в более поздних европейских культурно-исторических типах Космосом.

В достаточно богатой классификации мифов, представленной в рамках архаической культуры, выделяются их основные разновидности, в большей или меньшей степени иллюминирующие возможности циклической динамики, а также, в свою очередь, обязанные ей схожестью своей структуры и смысловой направленности. К ним необходимо отнести космогонические, эсхатологические и календарные мифы, в основе которых заложен принцип тождества макрокосма и микрокосма, мира и человека.

В космологический период мифосемантика выстраивается на максимальном сближении, а то и отождествлении природы и человека. При этом человек рассматривается в качестве микрокосма, а природа – макрокосма. В. Топоров не случайно указывает на ипостасность человека как элемента космологической системы. «Его состав, плоть его в конечном счете восходят к космической материи, которая, оплотнившись, легла в основу стихий и природных объектов (например, элементов ландшафта). Существует класс весьма многочисленных мифопоэтических текстов из самых разных традиций, в основе которых лежат отождествления космического (природного) и человеческого (плоть–земля, кровь–вода, волосы–растения, кости–камень, зрение (глаза)–солнце, слух (уши)–страны света, дыхание (душа)–ветер, голова–небо, разные члены тела–разные социальные группы, и т. д.)» [9, с. 29–30]. В продолжение сказанного особый интерес представляют мифы о Первочеловеке (Адам, Имир, Пуруша и др.). Эти мифы встраивают элементы физической природы человека в пространственное измерение мира, тем самым придавая их соединению мифосемантическое значение.

Заключение. В заключении следует отметить, что концептуализация наблюдений за циклическими процессами в природе определяет магистральную линию учения о циклических процессах в культуре, берущую начало в мифологической традиции. В ней оказываются предельно сближенными жизненные циклы человека, промыслово-хозяйственные, природно-календарные и т. д. Несмотря на внешнюю схожесть природных и культурных циклов, между ними имеются существенные отличия. В отличие от изменений природного типа, которые в своей основе носят механический, инстинктивный характер, перемены в общественном устройстве нередко имеют инновационную, творческую направленность. Социокультурный процесс обладает непрерывным движением, осуществляющимся преимущественно по спиралевидной линии. Он включает в себя в равной мере элементы как прогрессизма, так и циклизма и регрессизма. В социокультурной сфере преодолевается замкнутость и ограниченность, присущая биоценозу, что пробуждает к жизни линейные вариации развития, преодолевающие однородные циклы, в которых природа в плане эволюции имеет существенные ограничения. Циклическая динамика культуры являет собой разновидность развития, в то время как цикличность, представ-

ленная в виде природных гомогенных циклов, обладает механизмами, препятствующими развитию, так как ограничивается воспроизводством одних и тех же природных форм. Циклическая динамика, присущая культуре, в полной мере возникает тогда, когда в очередном культурном цикле начало и конец не совпадают, в силу чего цикличность наделяется чертами циклического развития.

Предложенные автором теоретико-методологические подходы открывают перспективу комплексного исследования циклической динамики европейской культуры, способного прояснить природу мифа и генетически связанных с ним форм культуры мифорегиозной направленности, сориентированной на утверждение религиозных, нравственных и эстетических ценностей.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы для обоснования концепции циклической динамики как попытки разрешения противоречий в европейской культуре в контексте целостного взаимосвязанного мира, обновления традиционно сложившихся в европейской культурной традиции исследовательских программ, позитивных теоретико-практических моделей, ценностных ориентаций и деятельностных регулятивов.

Библиографический список

1. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л.: Государственное изд-во, 1926. 154 с.
2. Мартысюк П. Г. Циклическая парадигма культуры: пути самоопределения // Человек. Культура. Образование. 2018. № 3 (29). С. 19–26.
3. Шеллинг Ф. В. Й. Введение в философию мифологии. Сочинения : в 2 т. М.: Мысль, 1989. С. 159–375.
4. Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос / сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; пер.: А. Г. Гаджикурбанов [и др.]. М.; СПб.: Унив. кн.: Культур. инициатива, 2000. 654 с.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; пер.: Б. Вимер [и др.]. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
6. Мартысюк П. Г. Эволюция мифологической идеи вечного возвращения в европейской культуре : автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2008.
7. Стеблин-Каменский М. И. Миф / Акад. наук СССР. Л.: Наука, 1976. 104 с.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ладомир, 1994. 544 с.

9. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.

References

1. Boas F. *Um pervobytnogo cheloveka* [The mind of primitive man]. Moscow, Leningrad, State Publishing House, 1926, 154 p. (In Russ.)
2. Martysyuk P.G. *Tsiklicheskaya paradigma kul'tury: puti samoopredeleniya* [The cyclic paradigm of culture: the path of self-determination]. *Человек, культура и образование* [Human. Culture. Education], 2018, no. 3 (29), pp. 19–26. (In Russ.)
3. Shelling F. V. Y. *Vvedeniye v filosofiyu mifologii* [Introduction to the philosophy of mythology]. Works in 2 vols. Moscow, Thought Publ., 1989, pp. 159–375. (In Russ.)
4. Kassirer E. *Izbrannoye. Individ i kosmos* [Favorites. The individual and the cosmos]. Moscow, St. Petersburg, University Book Publ.; Cultural Initiative Publ., 2000, 654 p. (In Russ.)
5. Kassirer E. *Izbrannoye. Opyt o cheloveke* [Favorites. Experience about a person]. Moscow, Gardarika, 1998, 784 p. (In Russ.)
6. Martysyuk P. G. *Evolutsiya mifologicheskoy idei vechnogo vozvrashcheniya v yevropeyskoy kul'ture* [The evolution of the mythological idea of eternal return in European culture. Dr. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008. (In Russ.)
7. Steblin-Kamenskiy M. I. *Mif* [Myth]. Acad. sciences of the USSR. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 104 p. (In Russ.)
8. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Rannyya klassika* [The history of ancient aesthetics. Early Classics]. Moscow, Ladomir, 1994, 544 p. (In Russ.)
9. Toporov V. N. *Mirovoye derevo: Universal'nyye znakovyye kompleksy* [World tree: Universal iconic complex]. Vol. 1. Moscow, Manuscript monuments of Ancient Russia, 2010, 448 p. (In Russ.)

Г. Л. ТульчинскийНациональный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург**Гуманитарные науки и цифровизация¹**

Современные гуманитарные науки находятся в неоднозначной ситуации. Их организация испытывает радикальный вызов со стороны экспансии на управление наукой методов оценки, которые выработаны в современном бизнесе. Речь идет об оценке результатов работы исследователей по индикаторам (KPI), которые взяты из наукометрики. В результате оцениваются не содержание полученных результатов, а их популярность и соответствие доминирующим взглядам и подходам. Вместе с тем цифровизация и связанные с нею информационно-коммуникативные технологии – великое достижение цивилизации. Поэтому тем более представляется важным и полезным бороться с бездумной (если не безумной) цифровизованной бюрократией с использованием самой цифровизации. Статья представляет попытку не критики цифровых методов, а рассмотрения возможностей использования технологии блокчейна, ее достоинств и порождаемых ею проблем. Речь идет о таких возможностях, как прозрачная самоорганизация научных сообществ, оценки вклада и его приоритета, поощрение исследователей. Вместе с тем внедрение блокчейна предполагает заинтересованность критически значимой группы ученых с высокой репутацией. Является не менее важным и демонстрация удобства и эффективности научной работы с использованием блокчейна. Важно предлагать и обсуждать подходы к способам оценки качества гуманитарных и междисциплинарных исследований, которые адекватны самой научной практике, вызывают общее доверие ученых.

Ключевые слова: блокчейн, гуманитарные науки, наукометрия, цифровизация.

G. L. Tulchinskii

National Research University “Higher School of Economics” (Saint Petersburg Branch), St. Petersburg

© Тульчинский Г. Л., 2020

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта СПбГУ «Развитие образовательной модели свободных искусств и наук (Liberal Arts) в условиях цифровизации» (ID проекта 53583510).

Humanities and Digitalization

Modern humanities are in an ambiguous situation. Their organization is experiencing a radical challenge from the expansion of science-based assessment methods from modern business. We are talking about evaluating the results of researchers' work on indicators (KPI) from scientometrics. As a result, the evaluation subject is not the content of the research result, but their popularity and relevance to dominant views and approaches. At the same time, digitalization and related information and communication technologies are a great achievement of civilization. Therefore, it is all the more important and useful to resist the thoughtless (if not insane) digitized bureaucracy using the digitization itself. This article is an attempt not to criticize digital methods, but to consider the possibilities of using blockchain technology, its advantages and the problems it generates. We are talking about such opportunities as transparent self-organization of scientific communities, assessing the contribution and its priority, encouraging researchers. At the same time, the implementation of the blockchain implies the interest of a critically significant group of scientists with a high reputation. It is equally important to demonstrate the convenience and effectiveness of scientific work using the blockchain. It is important to propose and discuss approaches to methods for assessing the quality of humanitarian and interdisciplinary studies that are adequate to the scientific practice itself, arouse the general confidence of scientists.

Keywords: *blockchain, digitalization, humanities, scientometrics.*

Введение. Гуманитарные науки (Humanities) в настоящее время находятся в неоднозначной ситуации. Речь идет о двух взаимосвязанных проблемах: о статусе гуманитарных наук, а также об оценке и позиционировании научных результатов гуманитариев.

Что касается статуса гуманитарного знания, то, с одной стороны, проявляется пренебрежительное отношение к нему как «нарративному», снижается финансирование, сокращаются образовательные программы. Одновременно, с другой стороны, и чем дальше, тем во все большей степени со стороны работодателей и разработчиков проявляется запрос на soft skills – критическое мышление, способность к рефлексии, аргументации, живому общению в группе.

Еще более остро, потому что касается конкретных судеб конкретных ученых, выглядит проблема оценки результатов гуманитарных научных исследований методами, выработанными на материале естественных и точных наук.

В работе предпринята попытка структурирования этой проблемной ситуации, а также поиска ее решения с использованием цифровых технологий.

Методы исследования, теоретическая база. Основанием такой систематизации являются практики оценки работы научно-педагогических работников гуманитарного профиля в ряде ведущих российских университетов, а также административные регламенты реализации такой оценки. Проблемные обсуждения этих материалов неоднократно звучали на семинарах и круглых столах, проводимых Ассоциацией ведущих университетов РФ. Теоретической базой, на основе которой сформулирован ряд предложений, является система разработок распределенных (реплицированных) баз данных, их применений в организации научной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Издержки науки ради наукометрии. В настоящее время «копилка» научного знания реализуется в форме статей, публикуемых в научных журналах, а также научных монографий, на которых специализируются некоторые издательства. При этом каждая научная школа, направление, лаборатории, департаменты, диссертационные советы, определяемые спецификой тематики, используемых методов, авторитетом ведущих специалистов, стремятся институционализировать свою публикационную площадку, закрепить ее за собой. Этим и занимаются редколлегии и редсоветы, которые проводят экспертизу поступающих материалов, руководствуясь сложившимися представлениями о научных стандартах в своей области науки, ведя тем самым борьбу за «чистоту своих рядов». Поэтому так трудно бывает пробиться междисциплинарным исследованиям, не укладывающимся в сложившиеся стереотипы. Именно эта система все более дробного «огораживания» с ее весьма «субъективной объективностью» и представляет сегодня систему мировой науки.

Собственно, эта ситуация и определяет проблемы, с которыми сталкиваются организаторы и управленцы научной деятельности. При планировании и распределении ресурсов, грантов необходимы внятные критерии оценок заявок, проектов, программ исследований, ясность и прозрачность в принятии решений, контроле их выполнения. Не говоря уже о системе критериев при прохождении кадровых конкурсов среди научных работников. Для оценки содер-

жания проекта или результата проведенного исследования необходимо понимание сути научной проблемы, теоретических и практических перспектив ее разработки, применения. А это предполагает не только соответствующую компетентность оценивающего, но и возможность сравнения с другими разработками, основанными на других подходах. Поэтому, конечно же, легче поддаться искушению якобы объективной «количественной» оценки публикаций, их цитируемости, рейтинга публикаторов.

Вылилось это в экспансии на науку моделей, выработанных в рыночной экономике, ориентированных на измеримые, поддающиеся количественной оценке единообразные показатели результатов, а также планирование этих показателей (KPI). В качестве таких показателей были выбраны наиболее очевидные метрики научной периодики: цитируемость, индекс Хирша, статус журналов по квартилям и импактфактору. Однако такая, начавшаяся с конца 1980-х, перестройка науки и образования в духе неолиберальных принципов *new public management* не сделала науку более эффективной, гибкой, прозрачной, динамичной, не позволила быстрее выявлять перспективные направления исследований, не привела к лавине научных открытий. Наоборот. В чем-то облегчив работу управленческой бюрократии, она поставила ученых, особенно гуманитариев, в весьма неоднозначное положение. Главной задачей исследователей стало не получение нового знания, а публикация в высокоимпактном журнале.

Ситуация, когда использование неких количественных показателей, индикаторов социально значимых процессов для принятия решений и контроля приводит к деформации и извращению самих процессов, не нова и хорошо известна в практике и теории управления [1]. Не стала исключением и наука.

Но при сведении оценки научной деятельности к формальным реквизитам – индексам цитируемости, индексированию и рейтингованию научных журналов и научных издательств – собственно наука обесмысливается. В этом случае измеряется просто популярность исследований и исследователей – не больше. Однако популярность – не только не научный, а даже антинаучный критерий – вся история науки есть история преодоления популярных и даже доминирующих представлений, есть история важности и ценности представлений непопулярных.

Более того, речь идет даже не столько об оценке популярности идей, методов и результатов исследований, сколько о популярности авторов. Иными словами, это ориентация на субъективные факторы, а не на объективную подтвержденную достоверность. Научная истинность заменяется популярными мнениями. Содержание научных публикаций организаторов этого «порядка» КРП не интересует. При ориентации на цитируемость и мнение доминирующих авторитетов работы В. Б. Шкловского и других классиков русского формализма гарантированно не имели бы возможности быть опубликованными и сохранять статус научных. Не говоря уже о таких авторах, как Ф. Ницше, П. Флоренский, Л. Витгенштейн. Да и еще хорошо помнятся не столь давние проблемы прижизненных публикаций Б. Ф. Поршнева, Л. Н. Гумилева.

Наукометрия – практика чрезвычайно полезная в научной практике для самих ученых. Она возникла и может полноценно развиваться не административным давлением сверху, а выстраиваться снизу, в коммуникации между учеными, отражая разнообразие научных методов, результатов. А тут складывается ситуация не наукометрии ради науки, а науки ради наукометрии. Однако совершенно незаметно, чтобы постановка во главу угла наукометрики привела бы к качественному росту научного знания по сравнению с ситуацией в прошлые два столетия. Более того, создан обширный плацдарм для мусорных, никем не читаемых публикаций ради публикаций в индексируемых журналах и сомнительного бизнеса вокруг этих журналов. Иногда научные центры и университеты выделяют специальные средства для публикации своих сотрудников в этих платных околонучных «братских могилах». Наука дискредитируется, если уже не дискредитирована. А за нею и образование.

Для гуманитариев все это особенно травматично. Система индексирования в WoS, Scopus ориентирована на журналоцентричные точные науки и естествознание. В Web of Science вообще нет квартилей для Humanities – по одной простой причине, что в англоязычном мире Humanities не являются Science. В математике, физике, химии, даже биологии открытия и научный вклад часто совершаются учеными до 30–35 лет и могут быть опубликованы в научной статье. Научный вклад философа, историка, искусствоведа вызревает позже и чаще – как результат обстоятельной аналитики в формате монографии.

Поэтому в наукометрии, ориентированной на точные науки и естествознание, попытки гуманитариев угнаться за химиками и биологами выглядят трагикомично, извращая суть их профессионализма.

Ситуация становится все более неоднозначной. В ЕС с января 2020 г. вступило в силу замечательное правило, согласно которому опубликованные результаты научных исследований, финансируемых государством, должны быть в свободном доступе для граждан ЕС. Но речь идет о бесплатной доступности результатов НИР для пользователей-читателей, но не для авторов, предлагающих свои публикации. Последние должны будут теперь платить довольно внушительные суммы научным издательствам – держателям баз данных опубликованных ими материалов.

Такая практика складывалась давно. Отечественные научные организации уже покупают базы данных, заключают договоры с научными издательствами вроде Elsevier, Routledge, SAGE, Springer, Taylor & Francis, Wiley. Но с повышением платы дело идет к тому, что публиковаться в «высокорейтинговых изданиях» смогут только те авторы, платить за которых будут структуры (университеты, корпорации), с которыми они аффилированы. На практике это закрепит уже наметившуюся ситуацию, когда, прежде чем отправить рукопись в журнал, необходимо получить визу администрации. И это не в связи с сохранением гостайны, а просто в связи с возможностью реализации публикационной активности.

Занятие наукой стало весьма затратным делом не только в плане затрат на проведение исследований, но и платы за чтение публикаций коллег, за собственные публикации.

Необходимость обсуждения проблемы, в которую завело бездумное сведение науки к показателям наукометрии, к оценке труда ученых наукометрикой – давно назрела, если не перезрела.

2. Организация науки и блокчейн: возможности распределенных реестров. Имеются ли какие-то возможности выхода из сложившейся ситуации? Речь идет не о борьбе с наукометрией и цифровизацией – деле абсолютно бессмысленном и бесполезном. Цифровизация и связанные с нею информационно-коммуникативные технологии – великое достижение цивилизации. Поэтому тем более представляется важным и полезным бороться с бездумной (если не безумной) цифровизованной бюрократией с использова-

нием самой цифровизации. Эта идея представляется более чем заслуживающей внимания и обсуждения.

Недавно группой специалистов [2; 3] были обозначены возможности блокчейна в оценке научной деятельности, ее организации и позиционировании. Блокчейн – концепт и технология распределенного реестра (DLT, distributed ledger technology) – пережил пик популярности в 2018–2019 гг. Сначала в связи с криптовалютами, а затем и в связи с возможностями использования технологии распределенных реестров информации, данных в банковском деле, юриспруденции, экспертизе, избирательных кампаниях и т. п. [4; 5; 6; 7]. Медиа пестрели заголовками, сообщавшими, что «блокчейн может заменить...»: ЕГЭ, Росреестр, нотариат, правоприменение, работу экспертов и т. д., что «у правительства почти безграничные планы на эту технологию». За последний год ажиотаж спал, но сама технология и ее возможности остались.

Базовой целью упомянутых авторов является не только предложить с опорой на международный опыт модель управления наукой и самоорганизации ученых, но и вызвать ее обсуждение в российском научном сообществе, чтобы выявить наиболее существенные особенности и перспективы развития отечественной науки и образования. И в качестве технологической основы таких моделей авторы предлагают блокчейн. Распределенный реестр – способ коллективного хранения информации, блоков данных, в котором изменение содержания одного блока невозможно без нарушения целостности всей базы, которая копируется в компьютерах всех участников. Успех блокчейна с криптовалютами вроде биткойна, эфира и др. обусловлен эффективной интеграцией в блокчейне достижения консенсуса при недоверии пользователей друг к другу и вознаграждения за поддержание работы сети (майнинг). Это обеспечило создание платежного средства (криптовалюты), не зависящего от центрального банка, судов и полиции, так как гарантом выступает сам компьютерный алгоритм.

Это сближает блокчейн и науку, которая также децентрализована, развиваясь благодаря сетям доверия и договоренностям внутри сообщества (см. средневековое *opinio communis doctorum*, нынешнее *peer review*). Научное знание с точки зрения его предъявления, хранения и трансляции суть «...большой, динамичный корпус информации, которая коллективно (коллаборативно) создает-

ся, изменяется, используется и обменивается – что идеально совмещается с технологией блокчейна» [8, р. 8].

За рубежом интерес к блокчейну в науке интенсивно нарастает. На начало 2019 г. им занимались исследовательские центры в Берлине, Вене, Амстердаме, Лозанне, швейцарской «криптодолине» кантона Цуг, специалисты в Соединенном Королевстве, США, Республике Корея. IBM разработала и получила патент на платформу по сбору и анализу научных данных с помощью блокчейна [2, с. 391–392].

Разумеется, что дело не столько в самом блокчейне. Благодаря Интернету уже существуют первичные онлайн-платформы общения между членами профессионального сообщества, обсуждения научных работ, принятия решений, касающихся поддержки тех или иных проектов, распределения финансирования, организации сотрудничества. Для обеспечения прозрачности, деюрократизации, защиты от злоупотреблений, важных для нормального развития науки, можно искать различные пути, не ограничиваясь блокчейн-решениями. Так, иногда делается ставка на формирование больших массивов данных (big data) для коллективного использования в работе, поиске инсайтов на стыке различных научных дисциплин. С 2014 г. предпринимаются попытки реализации системы SOFA (selforganized fund allocation) – альтернативы научным грантам в виде распределения финансирования между учеными в равных фиксированных долях. При этом каждый участник выделяет заранее заданную долю от суммы тем, чьи проекты считает интересными и важными. Таким образом, в рамках SOFA исследователь наряду с фиксированным объемом финансирования получает некую сумму финансирования от своих коллег [9].

Однако наиболее системной цифровой организацией научной деятельности является использование (в той или иной степени) именно технологии блокчейна в форме децентрализованных автономных организаций на базе смарт-контрактов. Речь идет об открытых самоорганизующихся сетях участников, правила взаимодействия между которыми прописаны в коде (смарт-контракте), а их взаимодействия осуществляются посредством токенов [2]. Ученые объединяются ради некоей общей цели, определяют правила действий и их оценки, фиксируя их в смарт-контрактах – компьютерных алгоритмах, отслеживаемых и необратимых. Они содер-

жат информацию об обязательствах сторон, санкциях за их нарушение, а главное – сами автоматически обеспечивают выполнение этих условий договора. Токены – единицы учета (записи) в блокчейне, получить доступ к которым можно только посредством электронной подписи участника. В отличие от криптовалюты токены в этом случае – не денежные единицы, а технологически защищенные единицы ценности (знания, осмысленной информации), пра-вила оборота которых определяет данное сообщество.

На основе такой модели в 2017–2019 гг. была предложена схема децентрализованной коллективной работы с научными данными, представляющей поток информации с открытым доступом, аккумулирующей результаты научной работы подключенных к ней научных центров, лабораторий, отдельных исследователей [3, с. 73]. Все они получают возможность формировать и пополнять набор наиболее перспективных, с их точки зрения, текстов и баз данных, самостоятельно выполняя экспертную и кураторскую роль. Это позволит избежать дублирования контента (благодаря децентрализованным идентификаторам и криптографическим подписям), верифицировать происхождение материалов и их достоверность, фиксировать приоритет открытия и учитывать дополнительные показатели по каждой научной работе, включая количество ее просмотров, загрузок, цитируемость.

Система может рассматриваться как некий бэкграунд для научных журналов, которые смогут отбирать материалы для публикации. До публикации они могут находиться в блокчейнбазе с указанием авторства и даты поступления, обеспечивая авторский приоритет. Однако и сама система может выступать форматом цифрового научного журнала [10]. Собственно, элементы этой системы уже используются самими журналами, издателями в моделях издательского процесса (open access), способах оценки качества научной продукции (Altmetrics, Snowball Metrics), в практиках рецензирования (open peer review, collaborative peer review).

Реализация этих идей воплощает давние идеалы организации науки как общего дела в духе «республики науки» [11], строящейся в соответствии с принципами прозрачности, неиерархически организованной критики, партисипативности и приоритета в сочетании с коммунитарностью, когда члены сообщества делают вклад, влияющий на жизнь всего сообщества, и т. д.

Упомянутыми авторами было проведено исследование в режиме опросов фокус-групп, которое показало заинтересованность отечественных ученых в преодолении раздробленности, кружковщины, «трайбализма», в том числе с использованием цифровых технологий.

3. Необходимость критического осмысления. Сторонники блокчейна акцентируют внимание на прозрачности всех транзакций внутри системы, но такая прозрачность может обеспечиваться и другими разнообразными способами. Кроме того, в самом блокчейне не все операции обязательно прозрачны, под вопросом и идентификация пользователей и адресов, с которых активируются транзакции.

Кроме того, блокчейн чрезвычайно энергозатратная и трудоемкая технология. Серьезным вопросом является важная для гуманитариев проблема языка: блокчейн – только для англоязычно выраженных знаний или можно говорить о разных языковых блокчейнах?

Неоднозначна, требует осмысления и идея «токенизации», представляющей серьезным вызовом научному этосу, в котором в качестве основополагающей декларируется бескорыстное стремление к истине. Реализуя саморегуляции в науке, блокчейн чреват погоней за поощрениями. По инерции, заданной криптовалютами, токен может восприниматься как суррогатные деньги, бонусы на получение материальных благ. Однако они могут и выступать в качестве носителей ценностей научного этоса, определение смысла и оборота которых определяет конкретное научное сообщество – например, как единицы символического капитала: доверия, репутации, авторитета.

Внедрение блокчейна технологически решает проблему плагиата. Отпадает и пресловутый антиплагиат. Несомненно, это легче сделать в математических, естественно-научных дисциплинах, где относительно просто говорить о приращении теоретического и эмпирического знания, объяснений. Но и там возникает вопрос учета знания, получаемого в случае принципиально новых подходов, концепций («парадигм»). Вопрос на порядки усложняется в случае гуманитарного знания – не только объясняющего, но и «понимающего», нарративного, интерпретационного, в котором важны толкования, уточнения и пересмотры целей анализа.

Блокчейн решает общую проблему цифрового представления знаний, их проверки и обоснования, отсеивания всякого рода фейков с помощью довольно доступных процедур. То, что институты науки подошли к практике блокчейна вслед за финансами, правом и экспертизой, по-своему показательно. При всей консервативности их «субъективной объективности» они наиболее подходят на роль экспериментальной площадки, на которой могут быть отработаны новые схемы и технологии социальной организации. Наука всегда выступала примером такой организации – в плане организации ведения дискуссий, выдвижения и смены лидеров. Так же было и с Интернетом, который для целей публичной коммуникации был сначала использован для организации больших научных проектов.

Тем не менее при обсуждении этой темы с коллегами неоднократно приходилось слышать мнение, что блокчейн, очевидно, полезная технология, если ею с умом пользоваться, но возникают большие сомнения в разумности ее реализации применительно к науке, тем более – гуманитарной.

Действительно, «блокчейнизация», кроме энергозатрат, требует немалых затрат времени самих ученых и средств на создание инфраструктуры. Наука за рубежом, особенно в США и Западной Европе, слишком децентрализована, чтобы какая-либо правительственная или частная структура смогли реализовать внедрение блокчейна на ее нужды. Получается, что провести это можно только сверху, с помощью некоей организационно-административной воли [2, с. 403]. Акторами такой воли могут выступать органы государственного управления и организованная научная общественность.

В первом случае появляется поле рационального применения административного ресурса, который в КНР как будто уже активизируется, а в России все никак не может выйти за рамки цифрового учета данных наукометрии и планирования бюджетных средств в соответствии с этими данными. Правда, в этом случае возникает опасность «блокчейна по-русски», то есть получения в результате еще большего закручивания гаек бюрократизации. Поэтому административное введение блокчейна для регистрации научного знания весьма опасно и о нем речи не идет и идти не может. Опасна сама идея, что некие внешние (по отношению к науке) администраторы и управленцы, не имеющие никакой репутации в науке, делают для нее нечто с помощью очередной «волшебной» технологии

(не ими придуманной и разработанной), да еще используя для этого административные рычаги в стране, которая в течение последних лет (в том числе благодаря им), мягко говоря, не блещет успехами на глобальном научном рынке.

Во втором случае речь идет о научных ассоциациях и редколлегиях научных журналов. И такой путь представляется наиболее удачным и естественным. А при разумном взвешенном подходе можно использовать и административные амбиции «в мирных целях».

Блокчейн создает условия для преодоления тенденции умножения журналов и журнальчиков «для своих», которые мало кто, кроме авторов, читает. Но все они хотят регистрации в Scopus и WoS, базы которых все больше обесмысливаются. В ряде университетов эти базы уже не котируются (в лучшем случае по 1–2 квартилям), вводятся свои списки «правильных» журналов. А это тоже чревато углублением огораживания.

Возможным решением может быть консолидация журнальных пулов на платформе блокчейна, что потребует много времени и проявления взаимной «доброй воли» по созданию действенной экосистемы для нескольких журналов, притирки интересов учредителей и редколлегий по разработке правил такой системы [12].

В принципе возможна и даже замена журналов на блокчейны дисциплин, которые могут вести профессиональные сообщества (ассоциации).

Поэтому особенно важным, ключевым становится обсуждение этой темы самой научной общественностью. Любая технология полезна для каких-то целей. Аналогично и с блокчейном важно понять и объяснить полезность этой технологии для науки, для ее организации, оценки, кумулятивного наращивания и позиционирования. Особенно это важно для конкретных научных сообществ. Блокчейн дает им возможность не только «собрататься с мыслями», но и открыться социуму: блокчейн дает посторонним (не посвященным) возможность пользоваться, но не изменять массив знаний.

Однако пока ученые раздумывают и сомневаются, крупнейшие игроки рынка научных публикаций уже начинают пользоваться блокчейном. Так, связанная с Springer Nature компания Digital Science и разработчик Katalysis (katalysis.io) начали проект Blockchain for Peer Review, в котором уже участвуют, помимо Springer Nature, также Taylor & Francis, Cambridge University Press, а также провайдер

цифровых идентификаторов исследователей ORCID. Пока речь идет о разработке протокола распределенного реестра общей базы данных о рецензентах и качестве их работы.

Заключение. Блокчейн в организации гуманитарного знания – не панацея и технология далеко не бесспорная. Но обсуждение ее применения высвечивает ключевые проблемы современной науки – от ее позиционирования в современном социуме до реальных операциональных критериев научности.

Однако новые формы организации науки, в том числе с помощью блокчейна, могут получить право на жизнь и быть институализированы, только если этими формами заинтересуются критически значительные группы активно работающих ученых с достаточно высокой научной репутацией. Не менее важна демонстрация больших, чем в традиционных рамках, удобства и эффективности научной работы с использованием блокчейна. Поэтому начинать такие практики надо, не отменяя традиционные, а параллельно с ними, чтобы была возможность наглядного сравнения. И на это уходит достаточно времени.

Важно обсуждать возможность использования блокчейна в научных и околонаучных коммуникациях, пробовать, знакомиться с появляющимся опытом. Но оно того стоит. Пока не захочет изменения само научное сообщество, ничего толкового не произойдет, а будут лишь привычные жалобы на администраторов, которые «загоняют» гуманитариев в диковатые реквизиты. Именно самим ученым нужно предлагать новые подходы, способы, оценку качества гуманитарных и междисциплинарных исследований, адекватных самой научной практике, вызывающих общее доверие научного сообщества.

Библиографический список

1. Campbell D. T. Assessing the impact of planned social change // *Evaluation and Program Planning*. 1979. Vol. 2, no, 1, pp. 67–90.
2. Космарский А. А. Блокчейн для науки: революционные возможности, перспективы внедрения, потенциальные проблемы // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 2. С. 388–409.
3. Космарский А. А., Картавцев В. В., Подорванюк Н. Ю., Бодэ М. М. Трайбы и прозрачность: перспективы цифровых механизмов самоорганизации в российской науке // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 65–90.

4. Иванов А. Ю. (рук. колл.) Блокчейн на пике хайпа. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017. 237 с.
5. Лелу Р. Блокчейн от А до Я. Все о технологии десятилетия. М.: Бомбора, 2018. 256 с.
6. Тапскотт Д., Тапскотт А. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня. М.: Эксмо, 2017. 448 с.
7. Wattenhofe R. Blockchain Science: Distributed Ledger Technology. Scotts Valley (CA): CreateSpace Independent Publishing, 2019. 123 p.
8. Rossum J. van. Blockchain for Research. Perspectives on a New Paradigm for Scholarly Communication // Digital Science Report. November 2017. 18 p.
9. Bollen J. Who would you share your funding with? // Nature. 2018. Vol. 560, p. 143.
10. Green T. Is Open Access Affordable? Why Current Models Do not Work and Why We Need Inter-net-Era Transformation of Scholarly Communications // Learned Publishing. 2019. Vol. 32, no. 1, pp. 13–25.
11. Polanyi M. The Republic of Science: Its Political and Economic Theory // Minerva. 1962. Vol. 1. no. 1, pp. 54–73.
12. Janowicz K., Regalia B., Hitzler P., Gengchen Mai, Delbecque S., Fröhlich M., Martinent P., Lazarus T. On the prospects of blockchain and distributed ledger technologies for open science and academic publishing // Semantic Web. 2018. no. 8, pp. 545–555.

References

1. Campbell D. T. Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning*, 1979, vol. 2, no. 1, pp. 67–90.
2. Kosmarski A. A. Blokchejn dlja nauki: revoljucionnye vozmozhnosti, perspektivy vnedrenija, potentsialnye problem [Blockchain for science: revolutionary opportunities, implementation prospects, potential issues]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 2019, no. 2, pp. 388–409. (In Russ.)
3. Kosmarski A. A., Kartavtsev V. V., Podorvanyuk, N. Yu., Bode M. M. Trajby i transparentnost': perspektivy tsyfrovoj samoorganizatsii v rossijskoj nauke [Tribes and Transparency: Prospects for Digital Governance in Russian Science]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 2019, no. 6, pp. 65–90. (In Russ.)
4. Ivanov A. Y. *Blokchejn na pike hajpa* [Blockchain at the peak of hype]. Moscow, Higher School Economics Publ., 2017. 237 p. (In Russ.)
5. Leloup L. *Blokchejnot A do Ja: vsjo o tekhnologii desjatiletija* [Blockchain: La revolution de la confiance]. Moscow, Bombora, 2018. 256 p. (In Russ.)

6. Tapscott D., Tapscott A. *Tekhnologija blokchejn: to, chto dvizhet finansovoj revoljutsiej segodnja* [Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin is Changing Money, Business, and the World]. Moscow, EKSMO, 2017. 448 p. (In Russ.)
7. Wattenhofe R. *Blockchain Science: Distributed Ledger Technology*. Scotts Valley (CA): CreateSpace Independent Publishing, 2019. 123 p.
8. Rossum J. van. Blockchain for Research. Perspectives on a New Paradigm for Scholarly Communication. *Digital Science Report*. November 2017. 18 p.
9. Bollen J. Who would you share your funding with? *Nature*, 2018, vol. 560, p. 143.
10. Green T. Is Open Access Affordable? Why Current Models Do not Work and Why We Need Internet-Era Transformation of Scholarly Communications. *Learned Publishing*. 2019, vol. 32, no. 1, pp. 13–25.
11. Polanyi M. The Republic of Science: Its Political and Economic Theory. *Minerva*, vol. 1, no. 1, pp. 54–73.
12. Janowicz, K., Regalia, B., Hitzler, P., Gengchen Mai, Delbecque S., Fröhlich M., Martinent P., Lazarus T. On the prospects of blockchain and distributed ledger technologies for open science and academic publishing. *Semantic Web*, 2018, no. 8, pp. 545–555.

С. В. Шачин

кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь
г. Мурманск

К вопросу о стратегии освоения Арктики на основе реализации потенциала арктической антропологии

Цель статьи заключается в том, чтобы наметить контуры новой стратегии освоения Арктики. Она предполагает использование возможностей холода в качестве источника развития как человека, так и человеческого рода в целом. Для этого необходимо преодолеть представление об Арктике как экстремальной для жизни среде, в которой необходимо создавать условия жизни, аналогичные тем, что характерны для средних широт. При этом потребуются огромные ресурсы, но результаты не могут быть стабильными. Надёжное освоение Арктики возможно только на основе изменения антропологии человечества. Чтобы понять, как это возможно, применяется методология И.-Г. Фихте, почерпнутая из его работ, посвящённых наукоучению. Она позволяет увидеть, что представители Арктической циркумполярной цивилизации создали коллективное сверхсознание, в котором арктическая жизнь представляет собой реализацию их коллективного устремления к свободе. Проведены социально-феноменологические исследования на основе идей российских антропологов, которые позволяют описать характеристики такого сверхсознания: пребывание в постоянном движении, что порождает способность воспринимать природный мир как продолжение своего тела, а также извлекать из холода особую энергию и информацию, которая становится основой особых форм организованности как в технологиях самообеспечения, так и в социальном устройстве. Вывод: холод является одним из условий возможности цивилизации как в генетическом смысле (без холода было бы невозможно становление цивилизации), так и в содержательном (холод в преобразованном виде содержится в современной цивилизации в самых разных своих проявлениях). Арктический холод позволит человечеству прийти к более глубокому осознанию самого себя, а отсюда – к формированию более разумного общественного строя. Новая цивилизация на Севере сумеет сохранить всё лучшее, что было в арктической циркумполярной цивилизации до прихода в северные земли индустриального человека, но преодолеет её замкнутость и традиционность, приводившие к самодовлению на окраине Ойкумены.

Ключевые слова: *холод, цивилизация, наукоучение, социально-культурная феноменология, философская антропология, кочевничество, Арктическая циркумполярная цивилизация, свобода, гуманизм.*

S. V. Shachin

Ph.D., Independent Research Worker, Murmansk

To the Question About the Arctic Development Strategy Based on the Implementation of the Potential of the Arctic Anthropology

The purpose of the article is to outline the contours of a new strategy for developing the Arctic. This strategy involves using the possibilities of cold as a source of development for both humans and the human race as a whole. To do this, it is necessary to overcome the idea of the Arctic as an extreme environment for life, in which it is necessary to create living conditions similar to those typical for the middle latitudes. This will require huge resources, but the results cannot be stable. Reliable development of the Arctic is possible only on the basis of changes in the anthropology of mankind. To understand how this is possible, we use the methodology of I. G. Fichte, taken from his works about the Epistemology. It allows us to see that representatives of the Arctic circumpolar civilization have created a collective superconsciousness, in which Arctic life represents the realization of their collective aspiration to freedom. We conducted socio-phenomenological research based on the ideas of Russian anthropologists, which allow to describe the characteristics of the superconscious: to stay in constant motion, which gives rise to the ability to perceive the natural world as a continuation of one's own body, and the ability to extract from the cold special energy and information that becomes the basis of particular forms of organization in technology-reliance, and a social device. Conclusion: cold is one of the conditions for the possibility of civilization both in the genetic sense (without cold, it would be impossible to become a civilization), and in the content (cold in the transformed form is contained in modern civilization in its various manifestations). The Arctic cold will allow humanity to come to a deeper awareness of itself, and hence to the formation of a more reasonable social order. The new civilization in the North will be able to preserve all the best that was in the Arctic circumpolar civilization before the arrival of an industrial man in the Northern lands, but it will overcome its isolation and tradition, which led to self-sufficiency on the outskirts of the Oikumen.

Keywords: cold, civilization, science, socio-cultural phenomenology, philosophical anthropology, nomadism, Arctic circumpolar civilization, freedom, humanism.

1. Введение.

1.1. Актуальность темы: как не стоит думать о Севере. Сама постановка вопроса о соотношении холода и цивилизации представляет собой радикальный вызов обыденному сознанию. Ведь холод ассоциируется с местом максимальных страданий, с пространством,

которое надо в любом случае постараться покинуть; люди, которые там живут, – с сообществом неудачников, которые там находятся не по своей воле, причём это сказано ещё обтекаемо – трагический опыт XX века позволит говорить совсем другие слова: это есть общество «последней границы, за которой уже ничего человеческого нет в человеке, а есть только недоверие, злоба и ложь» (см. напр.: [1]). Взаимоотношения между холодом и цивилизацией могут быть однозначно такими: надо всячески от холода экранироваться, надо создавать искусственную среду, в которой было бы комфортно человеку средних широт (то есть расширять пространство индустриального типа в высоких широтах Арктики и Антарктики). А если на данную деятельность в условиях всемирного экономического кризиса не хватает ресурсов, то возможны два варианта, один – предельно социалдарвинистский, а второй – не очень. Первый заключается в том, что в средних широтах будет перманентный социальный хаос и у людей данного общества не будет там вообще никаких перспектив – вот они и будут волей обстоятельств загнаны на Север добывать сырьё для более развитых индустриальных стран. И второй, распространённый сейчас: надо просто-напросто осваивать Север вахтовым методом (если уж вариант с заключёнными кажется нам противоречащим гуманизму), а также в связи с распространением роботов поручить именно им самые тяжёлые и грязные работы на полюсах холода и местах долгой полярной ночи...

Казалось бы, разве возможна другая постановка вопроса? И приведённые в предыдущем абзаце откровенные слова могут шокировать своей смелостью, но разве содержится в них что-то новое? А если эти слова оскорбляют коренные народы Севера, то почему нельзя предоставить им какую-то компенсацию в форме содействия развития их малого бизнеса в области туризма или народных ремёсел, причём всё это будет делаться по сути ради того, чтобы они зарабатывали деньги и переселялись в тёплые края (разве не этого они все по-настоящему и хотят)? Впрочем, можно с ними поступить по принципу «нет объекта – нет и проблемы», правда, им об этом говорить не стоит...

1.2. Цель и задачи статьи. Но авторы таких «трезвых» рассуждений не поймут, что может быть подвергнута сомнению именно исходная предпосылка их обыденного мышления, откуда может быть совершён переход к подлинно философской точке зрения. То есть

в предлагаемой статье посредством критики обыденного понимания Арктики (исходящего из молчаливо подразумеваемой предпосылки, что Арктика есть место страданий, в том числе и вследствие холода) будет выработан метод для ответа на исходный вопрос: «А что вообще общего между холодом и цивилизацией?». Именно этот метод и позволит создать совершенно иную науку о Севере, чем та, что скрыто подразумевается здесь, и на базе этой науки выработать новую стратегию освоения Севера на основе идеи о том, что необходимо развивать потенциал холода как для раскрытия возможностей самого человека, так и для творческого переосмысления социальных форм, традиционных для «арктической циркумполярной цивилизации» [2]. Другими словами, на Север надо переносить индустриальный образ жизни с соответствующей ей социальной средой, а создавать другую, более сложную жизненную форму, опираясь на опыт арктического человечества и на скрытые резервы человеческой природы.

2. Методы исследования, теоретическая база. В процессе рассмотрения вопроса о возможности более сложной стратегии освоения Арктики сначала будет привлечён метод наукоучения Фихте, чтобы показать роль сознания и самосознания в процессе создания Арктической циркумполярной цивилизации как в историческом ключе (то есть ту роль, которую сознание уже играло в прошлом), так и в конструктивном (роль сознания в деле выработки сложной стратегии освоения Арктики, нацеленной на создание здесь более сложной жизненной формы, чем индустриальная). Мы придём к предварительному выводу о том, что освоение Севера надо понимать как одну из форм раскрытия свободы. Для того чтобы конкретизировать этот вывод, мы обратимся к идеям российского историка А. Головнёва и опишем конкретно то содержание свободы, которое открыто северному человеку. Эти рассуждения позволят нам наметить некоторые положения социально-культурной феноменологии северного человека. Отсюда возникнет понимание отправных пунктов для сложной стратегии освоения Арктики, о которой говорилось выше.

3. Результаты исследования и их обсуждение.

3.1. Метод наукоучения Фихте и его применение: основные положения. Начнём мы с рассуждений на, казалось бы, отдалённую тему: а что такое, собственно говоря, человек? И тут мы присоединяемся

к большой традиции философской антропологии в Германии, которая постоянно указывала на «эксцентричность человека», его неспособность вместиться в какие-то поставленные извне рамки, его способность дистанцироваться от мира в целом¹. Дело в том, что у человека помимо физического тела есть и сознание, а тут лежит тайна онтологического уровня, разгадать которую означает получить ключ чуть ли не к сути бытия (поэтому философия всё время своего существования и занята этой проблемой отношения сознания и природы, телесно-биологического, то есть доступного чувственному восприятию, материального уровня бытия, в том числе и в самом человеке).

В этом месте мы обратимся к Фихте, чтобы найти в человеке тот потенциал свободы, благодаря которому он и становится эксцентричным и необычайно пластичным. Как известно, в своих работах, посвящённых «наукоучению», Фихте раскрывал природу самосознания в его взаимоотношении с миром в целом. Наше сознание полагает внешний мир в результате свободной деятельности, причём последняя даже не является нашей принадлежностью, а является порождением спонтанной активности большого («интеллигбельного») Я, к которому каждое конкретное сознание имеет определённое отношение. Дадим слово самому И.-Г. Фихте. Я «является в одно и то же время и тем, что совершает действие, и продуктом этого действия... Я есмь есть выражение некоторого дела-действия» (цит. по: [5, с. 78–79]). Данное действие есть последнее основание Я, то есть Я бытийствует из самого себя, а не откуда-то ещё: «Я возникает первоначально для самого себя впервые лишь через этот акт и только через него, через действие на самодействие, каковому определённому действию не предшествует никакого действия вообще» (цит. по: [6, с. 485]). Однако существование Я с неизбежностью порождает и существование *не-Я*: «Как только Я существует для самого себя, то необходимо возникает для него также и бытие вне его» (цит. по: [6, с. 483]). Не-Я внешне предстаёт как что-то, что ограничивает активность самого Я, однако более глубокое рассмотрение проблемы даёт понять, что на самом деле именно из внешнего мира, из того, что предстаёт как не-Я, само Я полу-

¹ См.: [3, S. 24]: «Являющийся личностью индивидуум... есть субъект своих ощущений и акций, своих инициатив. Он знает, он живёт. Его существование действительно поставлено перед ничто». См. об этом также: [4, с. 10–12].

чает некий импульс к самоосуществлению, к развитию всех своих внутренних способностей. На самом деле, этот толчок исходит даже не от самого мира, а от других Я, которые опосредованно влияют друг на друга через посредство внешнего мира, тем самым создавая особую реальность, словами Фихте: «Как бы ни представлять себе тот общий мир, с точки зрения его бесконечности или конечности, непосредственно ясно, что заключённая в нём нравственная задача ... есть нечто конечное, что может быть реализовано, и что когда-нибудь в действительном времени будет реализовано – само собой разумеется, суммой всех индивидов, ибо целое распределено только между индивидами, и только в сумме их оно вполне выражается. А весь общий чувственный мир существует только для того, чтобы в нём стала реальной и созерцаемой нравственная задача» (цит. по: [7, с. 529–530]). Итак, от изолированного самосознания Фихте переходит к абсолютному самосознанию, которое постепенно образуется по мере того, как каждое самосознающее существо начинает выполнять своё предназначение – становление этого абсолютного самосознания и есть нравственная задача человечества.

Впрочем, некоторые места из произведений Фихте позволяют утверждать, что он мыслил это абсолютное самосознание уже объективно существующим в качестве синтеза противоположных друг другу «отдельных» Я и внешнего мира и как условие возможности этой противоположности между Я и внешним миром: «Таким образом, Я подлежало бы рассмотрению с двух точек зрения: как такое, в котором полагается не-Я, и как такое, которое противопоставляется не-Я, и, следовательно, само полагается в абсолютном Я. Последнее Я должно быть, поскольку оба полагаются в абсолютном Я, равно в нем не-Я и в том же отношении ему противоположно» (цит. по: [9, с. 60–61]). Другое место – из «Фактов сознания»: «Я не может мыслить раньше своего бытия и творить своего творца. Следовательно, Я – такое же произведение всеобщего мышления, как и внешний объект, и оно также даётся в этом мышлении, как и внешний объект...» (цит. по: [8, с. 413–414]).

Эти два способа интерпретации Фихте (абсолютное самосознание как уже объективно существующее и как нравственная задача, которая ещё должна быть решена изолированными Я по мере того, как они максимально разовьют свою активность во внешнем мире и достигнут тем самым нравственной самореализации)

могут быть соотнесены друг с другом за счёт диалектического метода, который развивает Франкфуртская школа на пути обоснования интерсубъективности. Может быть, абсолютное самосознание и существует, например, в качестве находящегося на «заднем плане» жизненного мира, но оно ещё должно перейти из состояния нереклексивности и потому относительной неоформленности в развитое состояние, предполагающее раскрытие своего собственного содержания, то есть стать интерсубъективностью. Такой способ интерпретации учения Фихте о естественном праве предлагает А. Хоннет: «Это и есть тот аспект самосознания, осознания собственной самодеятельности, который пытается прояснить Фихте с помощью своего учения о „приглашении“ („Auf-forderung“) [имеется в виду то обстоятельство, что другой субъект приглашает Я совершить этот самый акт свободной деятельности, так что лучше всего это может быть интерпретировано как высказывание – об этом Хоннет пишет на S. 44 – С. Ш.]; и с осознанием того, что такое самосознание обязательно имеет своим элементарным условием понимание речи другого, обращённой ко мне, Фихте открыл путь философской традиции, простирающейся от Гегеля через Дж. Г. Мида к Ю. Хабермасу» (Цит. по: [10, S. 46]). Что же касается Ю. Хабермаса, то он различает жизненный мир как сферу самоочевидностей, находящейся позади оснований (im Hintergrund) участников коммуникации и ещё не проблематизированный, и жизненный мир, который уже переработан участниками коммуникации исходя из установки рефлексивности и потому ставший расчленённым и сложно структурированным, в соответствии со своими основными смысловыми аспектами (см.: [11, S. 182–228]). Таким образом, коллективное самосознание ещё должно *стать* развитым, а сама Арктическая циркумполярная цивилизация должна пройти разные фазы своего становления, чтобы перейти из потенциального в актуальное состояние – именно в обосновании этого может состоять новая методологическая идея, которая позволит творчески продолжить теорию Арктической циркумполярной цивилизации [2].

Уже отсюда становится понятным, что описанное в начале текста представление о Севере является не объективным, а продуктом неосознанной проекции содержания сознания людей, Север совершенно непонимающих и в силу этого способных только убежать от «северного» содержания в мир, который им более привычен; а раз

так, то их представления мало что дают нам для понимания сути дела, и мы можем пока что от них абстрагироваться (хотя позже можем и найти в них конструктивное зерно).

Но есть мир северных народов; есть Арктическая циркумполярная цивилизация; и поскольку мы стоим на точке зрения Фихте, то мы уже не можем свести этот мир к совокупности странных артефактов непонятных нам сообществ. Вместо этого мы должны понять: коллективное сознание этих народов *в результате свободной деятельности* каким-то образом полагает то содержание, благодаря которому они и оказываются способными жить в Арктике, и во все не находясь при этом в состоянии вечных страданий, а наоборот – будучи в гармонии со своей средой жизни (более того: этой гармонии даже стоит поучиться, хотя автоматически её принципы не могут быть перенесены в другие условия) (см.: [2, с. 39–40]). Что это за странное полагание, каковы его принципы?

3.2. *Опыт дополнения идей И. Г. Фихте идеями А. Головнёва.* Тут мы опять рискуем попасть в пространство «никто не обнимет необъятного», и потому мы сделаем следующий шаг в рассуждениях, который продвинет нас к нашей цели. При этом мы будем основываться на идее А. Головнёва, которую он высказывает в своей книге «Феномен колонизации», о том, что нельзя считать всех людей на Земле исключительно оседлыми, привязанными к определённым комфортным условиям своей жизни, а есть и совершенно иной тип, к которому оседлые даже относятся с враждебностью, но, тем не менее, реально существующий. Это – тип прирождённого путешественника, для которого смыслом жизни является дорога, освоение новых земель, который получает удовольствие от нахождения в постоянном движении и который отправляется в те места, что воспринимаются как необитаемые только потому, что именно там он находит желанную ему сердцу свободу. А последнюю он понимает вовсе не как совокупность удовлетворённых телесных потребностей и безопасность, (т. е. так, как понимают люди на первом уровне так называемой «пирамиды Маслоу»). Свобода для него тесно связана с властью над собой, что в конечном счете позволяет ему господствовать и над другими (обо всём этом см.: [12, с. 31–34, 91–97, 420–426]).

Как же происходит полагание содержания сознания людьми пути, кочевниками? Наверное, они ощущают непреодолимый *зов бытия*, который служит для них путеводной звездой и за которым

они осмеливаются отправиться. И по мере освоения неведомого такие люди вовсе не оказываются в ситуации ущемления или надлома, а наоборот, вместе с этим зовом и преодолением необычных пространств развивают в себе совершенно иные способности, неведомые оседлым жителям, и благодаря этому постепенно оказываются способными восстановить равновесие с окружающей средой на совершенно ином уровне. Под равновесием имеется в виду вовсе не унылая энтропия, а состояние максимума вещественных, энергетических и информационных обменов с окружающей средой, которое порождается согласованной целенаправленной деятельностью всего «кочующего» сообщества в целом. И освоение Севера – это часть стратегической цели человечества по движению в неведомое, причём ещё российским философам-космистам было известно, что ограничивать сферу жизни разумных существ только областью благоприятных и комфортных условий означает лишать род человеческий одного из сущностных смыслов его пребывания в бытии: жизнь есть феномен космический, а разумная жизнь призвана постепенно справиться с вызовом бесконечности и освоить Вселенную, чтобы на этом пути решить загадку смерти (см.: [13; 14]). Поэтому тот опыт, что выработан человечеством при освоении Севера, очень пригодится при нашем расселении в ещё более необычные и несвойственные нам условия за пределами нашей планеты...

Какое содержание «кочующего сознания» оказывается реализованным в условиях именно Севера, в условиях холода? Какая цивилизация может быть там, причём тут имеется в виду именно её духовная сущность (потому что описанием материальных артефактов можно заниматься очень долго, но это – не задача философа)?

Мы исходили из того, что движение к освоению новых земель есть одно из проявлений изначальной свободы разумного человечества; следовательно, на Севере можно тоже ощутить себя свободным, и вот это уже будет каким-то необычным выводом, что-то сохраняющим от господствующей сейчас неолиберальной идеологии, но вместе с тем трансформирующим её до неузнаваемости. Более того, идея свободы настолько неисчерпаема, что северные люди могут находить в ней какие-то свои особые оттенки смысла, и именно благодаря этому они оказываются в гармонии с самими собой. Ведь свобода является не просто одним из фундаментальных свойств самосознания, она, по Фихте, вообще тождественна с само-

сознанием: суть последнего и свободы оказываются изначально сопряжёнными – в этом и состоит вывод из трудов Фихте (см. напр.: [7, с. 153]; [15, с. 96]).

3.3. Заметки о социально-культурной феноменологии сознания северного человека. Итак, какие конкретно характерные содержания свободы открыты северному человеку? Мы можем раскрывать его духовный мир с позиции социально-культурной феноменологии (см.: [16; 17]). Для северного человека принадлежность к жизнеспособному местному культурному сообществу служит одной из существенных характеристик. Необходимо формирование общего символического пространства для коллективов северных жителей, а оно оказывается сопряжённым со сферой сакрального – то, что истоки коллективного самосознания лежат в сфере религии, было известно ещё Э. Дюркгейму (см.: [18]; [11, S. 75–86]). Этим объясняется благоприятная социокультурная среда для развития религиозных способностей.

Но и с чувственностью-то мы расстались рано: особые холодные условия Севера позволяют по-особому развить зрение, слух, утончить осязание, сделать совершенно иным обоняние, почувствовать вкус морозного воздуха в мороженой рыбе и мн. др. Эскимосы знают сотни оттенков снега; в чёрном цвете неба полярной ночи есть также множество оттенков; а если в ночи вспыхивает полярное сияние, которое иногда может быть даже слышимым, то тонко чувствующий человек вообще может ощутить себя свидетелем некоего космического разговора между Солнцем и Землёй... Север есть пространство контрастов, особенно в марте, когда происходит стремительный выход из темноты к свету, днём повсюду рассеян особый ультрафиолет, что может быть даже доступен осязанию и чуть не обонянию (что с лихвой покрывает его недостаток в тёмный период года). И неповторима в своей эстетике белая летняя ночь, а за Полярным кругом очень красив полярный день. Приход на Север долгожданного тепла в июне может породить душевный подъём, отображённый в живописи народов Севера (почему в ней такое внимание уделяется Солнцу). А в конце лета природа даёт северному человеку лета те плоды, которые ему особенно нужны.

Разве можно рассматривать холод как однозначный фактор страданий, а не как средство к самореализации человека в особых аспектах? Например, зимнее плавание способно изменить самые ос-

новы телесности (почему у русского народа существует тысячелетний обычай омовения в проруби на Крещенскую ночь); постоянное движение на холоде способствует сохранению внутреннего тепла, которое может быть даже чем-то большим, чем просто поддержанием температуры тела: может быть, холод каким-то глубинным, метафизическим уровнем связан с огненной сущностью человечества, и открытие этой связи есть дело будущего (об этом см.: [19]).

4. Выводы. Нам осталось рассмотреть, что же общего может быть между понятиями *холод* и *цивилизация*, чтобы на базе полученных результатов наметить более сложную стратегию освоения Севера, чем автоматический перенос в высокие широты образа жизни индустриального человечества.

Мы при этом опираемся на идею Фихте о самосознании в его универсальности, то есть о коллективном сверхсознании человечества. А при конкретизации содержания мы будем рассматривать мир как органическое целое, которое развивается в коэволюции с человеческим родом (о коэволюции см.: [20, 21]). Речь идёт о том, что без настоящего постижения сущности холода человечество до конца не сможет осознать содержание своего сознания и развить те способности, которые необходимы для выполнения своей миссии сознательного руководства всей мировой эволюцией.

Именно так мы и поймём связь между холодом и цивилизацией. Холод является одним из условий возможности цивилизации как в генетическом смысле (без холода было бы невозможно становление цивилизации), так и в содержательном (холод в преобразованном виде содержится в современной цивилизации в самых разных своих проявлениях, от добытой в холодных широтах нефти до современных камер охлаждения, в том числе и в косметологии). Но ещё важнее следующее: холод позволит человечеству прийти к более глубокому осознанию самого себя, а отсюда – к формированию более разумного общественного строя, соответствующего достоинству каждой личности и человечества в целом, то есть, более цивилизованного общества... Итак, Север через холод (и не только) может повести человеческую цивилизацию к реализации универсальных ценностей гуманизма.

5. Заключение. Таким образом, освоение Севера возможно благодаря тому, что человечество окажется способным найти в своём самосознании новое содержание свободы, что поведёт к форми-

рованию таких жизненных форм, которые будут способны сделать сущность холода субстанциональной основой северной цивилизации. Эта цивилизация будет более сложной формой Арктической циркумполярной цивилизации, которая сумеет сохранить всё лучшее, что было в ней до прихода в северные земли индустриального человека, но преодолеет её замкнутость и традиционность, приводившие к самодовлению на окраине Ойкумены. Вероятно, возникнут какие-то особые мобильные поселения, способные находиться в постоянном движении, как в метафорическом смысле (то есть ориентированные на социальные трансформации, притягивающие к себе пассионариев из разных регионов Земли), так и в пространственном смысле, перемещаясь по Арктике и тем самым открывая всё более разнообразные содержания как в природном мире, так и во внутреннем мире людей, на которые Арктика влияет. Эта модель вовсе не противоречит господствующей сейчас стратегии освоения Арктики, которая включает в себя две составляющие: освоение вахтовым методом и постоянное освоение в смысле переноса на Север индустриальных порядков. Вахтовый метод не должен сводиться к временному пребыванию в молодом возрасте и отъезду в более южные широты в возрасте зрелом, а должен включать в себя нечто, напоминающее «маятниковую миграцию», когда человек сумеет найти какой-то жизненный ритм между пребыванием на Севере, в средних широтах и на юге (словами замечательного писателя В. Санина, «не говори ты Арктике: “Прощай”, а лучше скажем: “До свидания!”»). Что же касается крупных городов индустриального типа, то они как раз могут быть преддверием подлинной Арктики и пространством обобщения коллективного опыта становления Арктической циркумполярной цивилизации, хранителями единства в многообразии арктических природных и социальных форм (опять вспоминается замечательное русское выражение о «Северах»). В этих центрах будет совершаться переработка арктических материалов в готовую продукцию, формирование субстанции для новых арктических строительных, медицинских, нано- и пр. материалов и совершаться управление генезисом Арктической цивилизации в новой форме, а также будут сосредоточены представители интеллектуальной и творческой элиты (которые могут быть вовлечены в сложные процессы «маятниковой миграции»). Освоение Арктики должно быть столь же разнообразным, как Арктика сама, а не

стандартным и чуждым самому Северу, разрушающему его богатства, как природные, так и культурные и, наконец, духовные (Север как источник творческого вдохновения).

Библиографический список

1. Шаламов В. Т. Колымские рассказы // Шаламов В. Т. Собрание сочинений. М.: Эксмо, 2009. 688 с.
2. Винокурова У. А., Яковец Ю. В. Арктическая циркумполярная цивилизация: учебное издание. 2-е изд., доп. Новосибирск: Наука, 2016. 320 с.
3. Plessner, Helmut: Die Aufgabe der philosophischen Anthropologie – Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Berlin, 1965.
4. Новичкова Г. А. Проблема человека в педагогической антропологии Г. Плеснера. URL: https://iphras.ru/uplfile/histan/statwi/Novi4kova_Problema_4eloveka_v_pedagogi4eskoj_antropologii_Plesnera.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
5. Фихте И.-Г. Основа общего наукоучения // Фихте И.-Г. Соч. : в 2 т. СПб.: Миф-рил, 1993. Т. 1. С. 65–337.
6. Фихте И.-Г. Второе введение в наукоучение для читателей, уже имеющих философскую систему // Там же. С. 477–546.
7. Фихте И.-Г. Назначение человека // Фихте И.-Г. Соч. : в 2 т. Т. 2. С. 65–224.
8. Фихте И.-Г. Факты сознания // Фихте И.-Г. Назначение человека. Наукоучение : пер. с нем. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 393–544. URL: navadhi.ru/el_texts/fichte/FdB.doc (дата обращения: 20.02.2020).
9. Фихте И.-Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // Фихте И.-Г. Соч. : в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. С. 7–64.
10. Honneth, Axel: Die transzendente Notwendigkeit von Intersubjektivität: Zum zweiten Lehrsatz in Fichtes Naturrechtsabhandlung. // Honneth, Axel: Unsichtbarkeit: Stationen einer Theorie der Intersubjektivität. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2003. S. 28–48.
11. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 4. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. Bd. 2. 585 S.
12. Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург: Изд-во Уральского отделения РАН, 2015. 592 с.
13. Алексеева В. И. Постулаты космической философии К. Э. Циолковского. URL: <http://www.icr.su/rus/conferencies/2013/Alekseeva.php> (дата обращения: 20.02.2020).
14. Владимирский Б. М., Кисловский Л. Д. Путиями русского космизма. Судьбы людей и идей. Влияние космоса на социальные процессы. Поиск жизни во Вселенной. М.: Либроком, 2011. 144 с.

15. Сопронов П. А. Власть как свобода, свобода как власть: И. Г. Фихте // Вестник РХГА. 2011. Т. 12. Вып. 2. С. 96–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vlast-kak-svoboda-svoboda-kak-vlast-i-g-fihhte> (дата обращения: 20.02.2020).
16. Ладов В. А. Язык как социокультурная детерминанта феноменологического опыта. URL: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/lang21.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
17. Тимошук Е. А. Социокультурная феноменология политики. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32490/1/klo_2015_61.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
18. Дюркгейм Эмиль. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с англ., нем., фр., сост. и общ. ред.: А. Н. Красникова. М.: Канон +, 1998. Т. 2. С. 174–230.
19. Мир Огненный. М.: Международный Центр Рерихов, 2016. Ч. 1.
20. Железнов Ю. Д., Абрамян Э. А., Новикова С. Т. Человек в природе и обществе. Лекция 13. Ко-эволюция человека с природой и обществом на пути к ноосфере. URL: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/chel-l-13.html> (дата обращения: 20.02.2020).
21. Шафигуллин В. А. О некоторых идеях экологического учения Н. Н. Моисеева. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotoryh-ideyah-ekologicheskogo-ucheniya-n-n-moiseeva> (дата обращения: 20.02.2020).

References

1. Shalamov V. T. Kolimskije rasskazi [Kolyma stories]. In: Shalamov V. T. Collected works. Moscow, Eksmo-Press, 2009, 688 p. (In Russ.)
2. Vinokurova U. A., Yakovets Yu. V. *Arkticheskaya zirkumpol'arnaya zivilizaciya* [Arctic Circumpolar Civilization]. 2nd ed., ext. Novosibirsk, Nauka Publ., 2016. 320 p. (In Russ.)
3. Plessner, Helmut: Die Aufgabe der philosophischen Anthropologie – Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Berlin, 1965. (In German.)
4. Novichkova G. A. *Problema cheloveka v paedagogicheskoy antropologii G. Plessnera* [The human problem in educational anthropology of H. Plesner]. Available at: https://iphras.ru/uplfile/histan/statwi/Novi4kova_Problema_4eloveka_v_pedagogi4eskoy_antropologii_Plesnera.pdf (accessed 20.02.2020).
5. Fichte I.-G. Osnova obcshego naukoucheniya [The basis of general science] / Transl. from German into Russian. In: Fichte I.-G. Works in two volumes, vol. 1. St. Petersburg, Mithril Publ., 1993, pp. 65–337. (In Russ.)
6. Fichte I.-G. Vtoroje vvedeniye v naukoucheniye dl'a chitatel'ej, uge imejuschih filosofskuju sistemu [The second introduction to science for readers

who already have a philosophical system] / Transl. from German into Russian. *Ibidem*, pp. 477–546. (In Russ.)

7. Fichte I.-G. Naznachenije chelov'eka [The purpose of the person] / Transl. from German into Russian. In: Fichte I.-G. Op. cit., vol. 2, pp. 65–224. (In Russ.)

8. Fichte I.-G. Fakti soznaniya [The facts of consciousness] / Transl. from German into Russian. In: Fichte I.G. The purpose of the person / Transl. from German into Russian. Minsk, Harvest; Moscow, AST, 2000, pp. 393–544. (In Russ.) Available at: navadhi.ru/el_texts/fichte/FdB.doc (accessed 20.02.2020).

9. Fichte I.-G. O pon'atiji naukoucheniya, ili tak nazivajemoj filosofii [On the concept of science, or the so-called philosophy] / Transl. from German into Russian. In: Fichte I.-G. Works in two volumes, vol. 1. St. Petersburg, Mithril Publ., 1993, pp. 7–64. (In Russ.)

10. Honneth, Axel: Die transzendente Notwendigkeit von Inter-subjektivität: Zum zweiten Lehrsatz in Fichtes Naturrechtsabhandlung. Honneth, Axel: Unsichtbarkeit: Stationen einer Theorie der Inter-subjektivität. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2003, S. 28–48. (In German.)

11. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 4. Aufl. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. Bd. 2. 585 S. (In German.)

12. Golovnev A. V. *Fenomen kolonizacii* [The phenomenon of colonization]. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015, 592 p. (In Russ.)

13. Alekseeva V. I. *Postulati kosmicheskoy filosofii K. E. Ziolkovskogo* [The postulates of cosmic philosophy K. E. Ziolkovsky]. (In Russ.) Available at: <http://www.icr.su/rus/conferencies/2013/Alekseeva.php> (accessed 20.02.2020).

14. Vladimirsky B. M., Kislovsky L. D. *Put'ami russkogo kosmizma* [Ways of Russian cosmism]. Moscow, Librocom Publ., 2011, 144 p. (In Russ.)

15. Sopronov P. A. Vlast' kak svoboda, svoboda kak vlast': I. G. Fichte [Power as freedom, freedom as power: I. G. Fichte]. *Vestnik RHGA* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2011, vol. 12, Issue. 2, pp. 96–105. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/vlast-kak-svoboda-svoboda-kak-vlast-i-g-fichte> (accessed 20.02.2020).

16. Ladov V. A. *Yasik kak soziokul'turnaya determinant fenomenologicheskogo opita* [Language as a sociocultural determinant of phenomenological experience]. (In Russ.) Available at: http://fsf.tsu.ru/wp_test/wp-content/uploads/lang21.pdf (accessed 20.02.2020).

17. Timoshchuk Ye. A. *Soziokul'turnaya fenomenologiya politiki* [Sociocultural phenomenology of politics]. (In Russ.) Available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32490/1/klo_2015_61.pdf (accessed 20.02.2020).

18. Durkheim, Emil. *Elementarnije formi religioznogo opita* [Elementary forms of religious life] / Transl. from French into Russian. Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya [Mystic. Religion. The science: Classics of world religious studies. Anthology], vol. 2. Trans. from

English, German, French into Russian. Ed.: A. N. Krasnikova. Moscow, Canon + Publ., 1998, pp. 174–230.

19. *Mir ognennij* [The Fiery World]. Part 1. Moscow, International Center of the Roerichs, 2016.

20. Gheleznov Yu. D., Abramyan E. A., Novikova S. T. *Chelovek v prirode I obcschestvi* [Man in nature and society]. Lecture 13. *Co-evolution of man with nature and society on the way to the noosphere*. (In Russ.) Available at: <http://www.philsci.univ.kiev.ua/biblio/chel-l-13.html> (accessed 20.02.2020).

21. Shafigullin V. A. *O nekotoryh ideyah ekologicheskogo ucheniya N. N. Moiseyev* [About some ideas of the ecological doctrine of N. N. Moiseyev]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-nekotoryh-ideyah-ekologicheskogo-ucheniya-n-n-moiseeva> (accessed 20.02.2020).

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-2-74-90

Н. В. Выжлецова, П. Г. Выжлецов

Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения,
г. Санкт-Петербург

Социокультурная антропология и культурология. Поля предметных исследований

Статья посвящена проблеме определения предметов социокультурной антропологии и культурологии, выявления их взаимосвязи и исследовательских перспектив. В процессе развития культурной антропологии сложился проект культурологии Л. Уайта (к сер. XX в.) и сформировалась социокультурная антропология (на рубеже XX–XXI вв.). Таким образом, очевидно, что предметы социокультурной антропологии и культурологии связаны диахронически: прежде всего, в западной традиции (посредством Л. Уайта). В России же был реализован собственный проект науки о культуре (культурологии), в которой с самого начала возникла тенденция к расширительному толкованию и, как следствие, размыванию предмета. На наш взгляд, для преодоления методологического кризиса в отечественной науке о культуре необходимо обратиться к традиции социокультурной антропологии, в поле предметных исследований которой находятся современные культуры, проблемы социокультурной идентичности; соединить возможности «тотального» исследования культуры с опытом системного подхода Л. Уайта и междисциплинарными практиками (в том числе Cultural studies).

Ключевые слова: культурная, социальная, социокультурная антропология, культурология, предмет, глобализация, идентичность.

N. V. Vyzhletsova, P. G. Vyzhletsov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
Saint-Petersburg

Socio-cultural Anthropology and Culturology. Fields of Subject Studies

The article is devoted to the problem of identifying objects of sociocultural anthropology and cultural studies, identifying their relationship and research prospects. In the process of the development of cultural anthropology, a project of the culturology of L. White (to the middle of the 20th century) was formed and sociocultural anthropology was formed (at the turn of the 20-th – 21-st centuries). Thus, it is obvious that the subjects of sociocultural anthropology and cultural studies are diachronically related: first of all, in the Western tradition (through L. White). In Russia, however, its own project of the science of culture (culturology) was implemented, in which from the very beginning a tendency to an expansive interpretation and, as a result, erosion of the subject arose. In our opinion, in order to overcome the methodological crisis in the national science of culture, it is necessary to turn to the tradition of sociocultural anthropology, in the field of objective research of which there are modern cultures, problems of sociocultural identity; combine the capabilities of a “total” cultural study with the experience of L. White’s systematic approach and interdisciplinary practices (including Cultural studies).

Keywords: cultural, social, sociocultural anthropology, culturology, subject, globalization, identity.

Введение. Необходимо отметить, что именно в процессе развития культурной антропологии возникли, по крайней мере, две новые исследовательские перспективы: с одной стороны, Л. Э. Уайт сформулировал и обосновал проект культурологии (к сер. XX в.), с другой, сложилась социокультурная антропология в результате переосмысления достижений американской и британской социальной антропологии (на рубеже XX–XXI вв.). При этом в России со второй половины XX в. происходил процесс институционализации отечественного проекта культурологии, практически не связанного с концепцией Уайта.

В статье с помощью диахронического метода авторы анализируют обозначенные выше исследовательские перспективы. В синхроническом ракурсе также обозначена проблема формирования предметов социокультурной антропологии и культурологии. Наконец, делается попытка выявления взаимосвязи предметных полей

социокультурной антропологии и культурологии и перспектив их взаимодействия в современных исследованиях.

Обзор подходов к определению предметов культурной и социокультурной антропологии. Известно, что понятие «культурная антропология» применяется в основном в США. В обзорных исследованиях, в частности, подчеркивается, что этим термином обозначается то направление антропологического знания, где человек изучается как общественное существо наряду с его благоприобретенными, а не «генетически» передаваемыми формами «поведения» [1, с. 7].

Вместе с тем, как уточнил представитель указанной традиции, Л. Уайт, поведение человека и его социальная принадлежность определяются именно культурой.

В процессе развития культурной антропологии следует обозначить две перспективы. Одна состоит в обосновании культурологии в качестве самостоятельной науки, которое осуществил Л. Уайт. Другая заключается в том, что в результате переосмысления, в частности, достижений британской социальной антропологии сложилась социокультурная антропология [2, с. 91].

Обращаясь к рассмотрению последней перспективы, необходимо подчеркнуть, что в культурной антропологии сложились две исследовательские программы, которые актуальны для характеристики предметов как культурной, так и социокультурной антропологии в начале XXI в. Основные черты этих программ обозначены в аналитическом обзоре, представленном Р. Борофски на основе материалов Американской антропологической ассоциации (1989).

Одну из программ начал обосновывать Ф. Боас, предметом ее исследования выступила вариативность культуры. В качестве основных здесь фигурируют проблемы культурных различий, способов придания «действиям их смысла и целенаправленности», которые осуществляются посредством «языка и обычая», «значения традиции» [1, с. 7].

Другая программа, противостоит первой, обоснованной Ф. Боасом. Она исходит из идей биологической эволюции Ч. Дарвина. Предметом ее исследования выступает эволюция человека, в изучении которой особое внимание уделяется «материальным факторам» и «общим принципам». Данная программа в противовес

первой «формирует себя скорее по образу и подобию естественных наук, нежели гуманитарных» [1, с. 8].

При этом вслед за Р. Борофски следует отметить, что наряду с разделяющими тенденциями, связанными, в частности, с противоречивыми программами исследования, антропологов объединяют общие традиции, опыт, литература [1, с. 16]. Среди них следует отметить традиции, заложенные эволюционизмом (Л. Морган, Э. Тайлор, Дж. Фрэнгер) и функционализмом (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун), продолжающие существовать в переосмысленной форме; практику полевых исследований; возрастающий уровень специальных антропологических (этнографических) работ, который проявляется в «сложном анализе культурной динамики», внимательном отношении к особенностям «времени и пространства» [1, с. 16]. Указанные аспекты обеспечивают ее целостность и в перспективе относятся к отличительным особенностям социокультурной антропологии.

Р. Борофски также пишет о том, что до сих пор сохраняются традиционные объекты культурной антропологии, а именно «народы, находящиеся под политическим контролем западных элит» (например, в Африке, Новой Гвинее, резервационные группы американских индейцев, сельские общины европейских крестьян), которые в данных исследованиях выступают в роли «жертв несправедливости» [1, с. 14].

На рубеже 90-х гг. XX в. Р. Борофски, представляя обзор состояния антропологической науки, приводит следующий вывод: «...как отмечает Блох, нынешнее различие между британской социальной антропологией и американской культурной антропологией “не является абсолютным”, эти две ветви одной дисциплины традиционно делали ... акцент на разные области исследования: в первом случае это “социальная структура”, а во втором – “культурные модели”...» [1, с. 6].

В 2000-е гг. обозначилась четкая тенденция «к расширению предметного поля антропологии и объединения ее “ветвей” под знаком термина “социокультурная антропология”. Это можно понять так: социальный аспект антропологии предполагает изучение, в частности, семьи и способов взаимодействия между ее представителями, а культурная составляющая обозначает исследование знаково-символических форм общения между ними» [3, с. 105].

Отмеченное понимание объектов и предмета культурной антропологии следует дополнить с учетом тех тенденций, которые сложились в 2000-е гг. и обозначены, в частности, Д. Маркусом, уже под знаком понятия «социокультурная антропология».

Так, Д. Маркус пишет об определенной области антропологических исследований: «...я буду условно называть ее здесь социокультурной антропологией» [4, с. 46]. Некоторая произвольность нового термина обусловлена тем, что, по Маркусу, в США традиционно эта область называлась «культурной антропологией», но некоторые ученые предпочитали термин «социальная антропология» [4, с. 46].

В настоящее время в число новых объектов антропологических исследований вошли современные культуры (например, европейские, североамериканская и др.). В результате этого снизился интерес к региональной специализации антропологов на изучении незападных традиционных культур и возросло число специализирующихся по проблемному принципу организации научных проектов и стратегий исследования. Примером специализации на основе изучения определенных проблем служит ряд возникших в 1990-е гг. новых направлений в области социокультурной антропологии: «...междисциплинарные исследования культуры средств массовой информации, корпораций, рекламы, рынков, воздействия высоких технологий на общество и др.» [4, с. 49].

Обращаясь к отечественным исследованиям обозначенных проблем, необходимо выделить одно знаковое событие. В 2012 г. вышел первый энциклопедический словарь под обобщающим названием такой науки, как «Социокультурная антропология»¹, причем в базовых статьях авторы издания используют и, в частности, термины «культурная антропология» (Э. А. Орлова), «культурная (социальная) антропология» (Ю. М. Резник).

Также необходимо подчеркнуть, что Ю. М. Резник отмечает отсутствие в научных источниках по социокультурной антропологии единого представления о ее предмете [5, с. 345]. Резник предлагает следующее обобщение, считая, что социокультурная антропология «...исследует процессы, механизмы и формы социокультурного

¹ Социокультурная антропология: История, теория и методология : энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. 1000 с.

существования людей, включая структурный, функциональный и динамический аспекты их анализа» [5, с. 359]. Ее предмет характеризуется через такие понятия, как: «культурные факты» и «жизненные» («формы», «уклады», «общности», «различия», «феномены», «влечения», «события») [5, с. 359]. Определенный акцент, сделанный на изучении общественной жизни, позволяет сделать предположение, что в указанном определении предмета все же доминирует тенденция к социологии жизненного мира людей. Поэтому специфически культурная сторона вопроса отходит на второй план [2, с. 100].

В свою очередь, рассматривая указанную проблему, Э. А. Орлова руководствуется представлением о культуре как особой сфере познания. В последней выявляется специфический «искусственный мир», созданный и изменяемый людьми в процессе их «совместной активности». Исходя из такой модели понимания культуры Э. А. Орлова осмысляет предмет культурной антропологии, руководствуясь принципами целостности и системности. Речь идет о «концептуальной целостности» предметного поля и о выявлении ряда взаимосвязанных понятий, относящихся к основаниям культуры, то есть к ее «общему строению», объектам, динамике развития [6, с. 362–363].

Следуя определенным терминологическим границам, Орлова выделяет ту часть предмета культурной антропологии, которая соответствует изучаемой проблеме по существенным «основаниям». Всего выделяется семь оснований: исследование вопроса о происхождении культуры в терминологическом соотношении «природа – культура»; изучение свойств «объектов» в терминах «вещественное – социальное – символическое»; выяснение как общих культурных черт, присущих всем народам, регионам, обществам, так и локальных культурных различий, особенностей (в понятийных координатах «культура – культуры»); анализ форм «существования» в ракурсе «институциональное – обыденное» (изучение различий в «способах функционирования нормативных образований», относящихся как к обществу в целом, так и к конкретным социальным группам); рассмотрение проблематики «массового – субкультурного»; изучение уровня «сложности культурной информации через понятийную оппозицию «элитарное – популярное» (выяснение причин возникновения как элитар-

ных, так и массовых форм культуры, а также способы их функционирования); рассмотрение «локусов существования» в терминологическом ракурсе «городское – сельское» (проблемы влияния социальных форм на способы «осмысления и символизации людьми» их повседневной жизни [6, с. 363]). В данном определении Э. А. Орловой следует особо выделить такие аналитические единицы, как «культура – культуры», поскольку они задают масштаб исследования предметной области.

В данном контексте необходимо подчеркнуть, что в конце 30-х гг. XX в. именно представители американской культурной антропологии Р. Линтон и М. Мид, по-видимому, первыми сделали явное различие между «культурой вообще» и «конкретной культурой» («culture» and «a culture»). Так, в формулировке М. Мид культура, с одной стороны, есть «весь комплекс (сложное целое) традиционного поведения, выработанный человеческим родом и последовательно усвоенный каждым поколением», а с другой, культура «может означать формы традиционного поведения, характерные для данного общества, или группы обществ, или определенной расы, или определенного региона, или определенного периода времени» (цит. по: [7, р. 48]). Это простое, на первый взгляд, уточнение «имеет большое теоретическое значение» [7, р. 49; 8, с. 17.].

Возвращаясь к обзору отечественной мысли, необходимо отметить, что позиция П. Л. Белкова по рассматриваемому вопросу отличается от предшествующих авторов тем, что он следует разработке именно российской этнографической традиции, имеющей длительную историю развития.

В русле этой традиции П. Л. Белков исходит из такого фрагмента реальности, каковым выступает «представление о народах», а на основе последнего выделяется предмет исследования [9, с. 46, 265].

В результате П. Л. Белков формулирует предмет этнографии, которая является для него синонимом социокультурной антропологии, следующим образом: «...предметом ее исследования является культура как совокупность реально существующих результатов абстрагирующей деятельности человека (предметов, вещей, явлений)» [9, с. 265]. Также он характеризует специфику этнографического (антропологического) исследования: «Изучая “народы” или “человека”, этнографы ... всякий раз обращаются к их культуре» [9, с. 47].

Таким образом, в виде обзора можно выделить как минимум три подхода к определению социокультурной антропологии в отечественных исследованиях. Один исходит из анализа общества, другой – культуры, а третий – этноса, хотя порядок перечисления в данном случае произволен.

Обзор подходов к определению предмета культурологии.

Культурология формируется как самостоятельная научная дисциплина в первой половине XX в. на основе культурной (социальной) антропологии. Само понятие, как известно, ввел В. Ф. Оствальд в работе «Энергетические основы науки о культуре» (1909).

В «Системе наук» (1915) В. Оствальд определил культуру (а не общество) как «специфически человеческие особенности, отличающие род *Homo sapiens* от прочих животных видов» [10, с. 1069], и предложил назвать область исследований культуры культурологией (*Kulturologie*), или «наукой о цивилизациях».

В. Оствальд разделял научные дисциплины на науки о порядке (логика и различные формы математики), энергетические (механика, физика, химия) и биологические. К последним, наряду с физиологией и психологией, он относил и культурологию, считая данный вид наук как наиболее сложным, так и наиболее частным [11, с. 127].

Родоначальником культурологии принято считать американского антрополога Л. Э. Уайта. В своей «Науке о культуре» (1949) Л. Уайт смог «впервые определить предметное поле культурологии, обосновать использование термина “культурология” для науки о культуре и предложить основной подход, позволяющий исследовать культуру человечества как целое – системный» [12, с. 751].

По мысли Уайта, культура есть надбиологический и надпсихологический класс символизированных предметов и явлений, которые рассматриваются и объясняются в экстрасоматическом (внетелесном) контексте, то есть во взаимосвязи друг с другом, а не с организмом человека [13, с. 78; 14, с. 22].

Культура вообще и каждая конкретная культура в частности является организованной системой, которая состоит из взаимосвязанных и подвижных элементов. Культура как интегрированная система стремится к установлению и поддержанию равновесия между своими отдельными подсистемами, технологической,

социальной, философской и эмоциональной, базисной из которых является технологическая.

Такой сложный феномен, как культура, по мысли Уайта, должен стать предметом изучения самостоятельной науки, которую следует называть культурологией: «Будучи особого рода явлением, культура требует и особой науки для своего изучения и интерпретации. Эта наука наиболее полно и точно называется культурологией» [13, с. 78].

Уточняя предметное поле культурологии, Уайт отмечал, что наука о культуре занимается изучением эволюционных процессов в культуре, структуры и функций культурных систем, диффузии («миграций культуры») и ее последствий [13, с. 79].

Исследователь культуры, по мысли Уайта, может интерпретировать культурный феномен с эволюционистской, функциональной точки зрения, которая зависит от объекта исследования и от «склонности» ученого. При этом все три способа интерпретации культуры равноценны [13, с. 81].

Итак, по Уайту, предмет культурологии состоит в изучении культур как целостностей, развивающихся согласно своим собственным принципам и законам. Как отмечал Уайт, у культурологии как науки могут быть многообещающие перспективы в том случае, если предмет ее изучения сохранится и продолжит свое развитие [15, с. 464].

Если на Западе культурология выросла из антропологии (Уайт), то в России наука о культуре формировалась иными путями. В советской науке во второй половине XX в. проводились так называемые кампании «критики взглядов буржуазных ученых» [16, с. 24]. В 60-х гг. XX в. в ходе одной из таких кампаний социолог Э. С. Маркарян, дискутируя с Л. Уайтом, ввел термин «культурология» в отечественную науку и «под видом критики «буржуазных концепций» начал знакомить научную общественность СССР с культурологическими концепциями Уайта и других американских «неоэволюционистов», а также с собственными комментариями к ним» [16, с. 24].

Э. С. Маркарян считал предложенную Уайтом интерпретацию предмета культурологии слишком узкой, так как, согласно последнему, данная дисциплина должна исследовать лишь «общие законы и фазы культурной эволюции». При этом, по мнению

Маркаряна, этнические, национальные культуры и культура личности полностью выпадали из поля зрения американского антрополога [17, с. 26]. Сам же Маркарян, сыгравший большую роль в процессе становления науки о культуре в России, трактовал ее предмет довольно широко и считал, что именно в этом его уникальность, ибо он охватывает «всю общественную жизнь людей» и проникает «буквально во все “поры” этой жизни» [17, с. 25].

В 60–80-х гг. XX в. в отечественной науке параллельно друг другу сформировались *две относительно автономные «культурологии»*: гуманитарная, основанная на почве отечественных исследований и связанная с французскими школами семиотики и «Анналов», и социальная, опирающаяся на опыт немецкой и англо-американской антропологии. Несмотря на то что на протяжении 90-х гг. XX в. делались попытки «объединения этих ветвей и превращения культурологии в некую “супернауку”, синтезирующую в себе социально-научный и гуманитарный подходы к познанию общества и культуры» [16, с. 23], такового не произошло.

Кроме того, в настоящее время в России культурология существует и как интегративное научное направление, и как *научная и учебная дисциплина* [18, с. 606], а с 1989 г. – как *специальность (направление) подготовки* в системе высшего образования.

Представим различные подходы в отечественной науке о культуре к определению предметного поля культурологии. По мнению А. А. Белика, в это поле входят: 1) отдельные формы культуры, критерием для выявления которых являются религиозные ориентации, время и место распространения; 2) собственно теории культуры, разрабатываемые в литературе, искусстве, а также в качестве элементов философских систем [19, с. 11]. Ю. В. Осокин называет предметом культурологии «общесистемные свойства, качества, характеристики культуры и их непосредственные, конкретные проявления» [10, с. 1074]. Культуролог А. Я. Флиер считает культурологию междисциплинарной интегративной областью знания и интеллектуальной тенденцией познания культуры «не только как предметной области, но и в значительной мере как проблемного поля смыслов коллективного человеческого существования» [16, с. 17].

Обобщая современные определения, можно сказать, что признание культуры «не частным явлением, а ценностно-норматив-

ной системой, регулирующей и определяющей всякую социальную практику, синтезирующей все виды деятельности человека», сформировало специфический предмет научного знания о культуре [18, с. 606]. Предметом культурологии являются как отдельные типы (формы) культуры, так и специфически человеческие особенности, общесистемные свойства, характеристики культуры как целостного феномена [20, с. 142].

Социокультурная антропология и культурология очевидно связаны «родственными» отношениями прежде всего в западной традиции. Л. Уайт, утверждая самостоятельность науки о культуре, считал ее отраслью антропологии. Американская школа культурологии сформировалась в рамках социокультурной антропологии как таковой и на основе изучения феноменов современной культуры с помощью этнологической (этнографической) методологии. Немецкая школа культурных исследований (Kulturforschung) также связана с традицией социокультурной антропологии, хотя в большей степени тяготеет прежде всего к собственным философским основам [21, с. 5]. Однако именно в России культурология с самого начала развивается как интегративная междисциплинарная область знания о целостном феномене культуры (А. Я. Флиер) и системная рефлексия о культуре как целостности (С. Н. Иконникова).

Как уже было сказано выше, в отечественной науке отдельные «ветви» культурологии так и не объединились, напротив, сформировалось множество региональных научных школ и подходов к исследованию культуры. По этой причине с момента становления науки возникла тенденция к размыванию предмета культурологии. Именно поэтому актуально возвращение к идеям классиков науки о культуре (прежде всего, к наследию Л. Уайта).

Обобщая наиболее удачные формулировки предмета культурологии (А. А. Белика, А. Я. Флиера, Ю. В. Осокина и др.), можно прийти к следующему выводу, что предмет культурологии в современной отечественной науке конструируется по меньшей мере в двух направлениях: 1) в поле исследований основных типов (форм) культуры и связанных с ними историко-культурных процессов (формирования образов и картин мира, ментальностей, структур повседневности и т. д.) на основе историко-антропологического, цивилизационного подходов; 2) в области изучения специфически

человеческих особенностей, общесистемных свойств, характеристик культуры как целостного феномена (культурных универсалий и концептов, теоретических проблем) на основе философского, социокультурно-антропологического, этнолингвистического, семиотического, системного подходов.

Заключение. Подводя итоги, следует подчеркнуть, что при разработке рабочего определения предмета социокультурной антропологии необходимо учесть два актуальных аспекта. Первый, условно говоря, традиционный, характеризуется как масштабный (Э. А. Орлова) и носит обобщающий теоретический характер. Он был укоренен в западной антропологии (Р. Линтон, М. Мид и др.), обозначен в отечественной и основан на принципиальном различии между человеческой культурой вообще и локальными культурами.

Второй аспект, современный, связан с таким состоянием мира и человека, которое обозначается термином «глобализация». Отсюда актуальным как для западной так и для отечественной антропологических (этнографических) традиций становится вопрос о том, посредством каких процессов осуществляется формирование и трансформирование «культурной и социальной идентичности» (Д. Маркус) [4, с. 49].

Говоря о проблеме предмета культурологии, следует подчеркнуть некоторые опасные тенденции, сложившиеся в отечественной мысли: 1) слишком широкое толкование термина «культурология»; 2) забвение традиции культурной антропологии как дисциплинарной основы науки о культуре. Игнорирование этих тенденций в определении предмета культурологии может привести исследователя «к путанице в области историографии и в конечном счёте к размыванию предмета исследования культурологии» [22, с. 91].

В России во 2-й половине XX в. сформировался собственный проект культурологии, независимый от концепции Л. Э. Уайта. Отечественная культурология базировалась на совершенно иных основах, вобрав в себя огромный пласт научных исследований в области культуры (философских, лингвистических, исторических, искусствоведческих и др.). Но именно эта специфика предопределила проблему размывания предмета культурологии. К числу культурологических исследований традиционно относят

этнографические, музееведческие, искусствоведческие и др. исследования. Может быть, настало время вернуться к истокам и четко определить предмет культурологии и ее перспективы?

С одной стороны, в лучших традициях советской научной школы необходимо сделать культурологические исследования более теоретичными. Как пишет коллега М. А. Монин, «...культурология недостаточно актуальна, потому что она недостаточно теоретична, ведь ее актуальность – это не злободневность репортажа, а осознанная радикальность поставленных проблем» [23, с. 84].

С другой стороны, на наш взгляд, актуальность культурологическим исследованиям могут придать: антропологическая перспектива в изучении современных культур в ситуации глобализации (в том числе социокультурной идентичности) на основе специализации по проблемному принципу организации научных проектов и стратегий исследования; сохранение отечественного опыта применения «тотального» исследования культуры (в различных ракурсах – историческом, лингвистическом, философском и др.), а также системного подхода (концепция Л. Э. Уайта) и междисциплинарных практик (в том числе Cultural studies и др.).

Библиографический список

1. Борофски Р. Введение к книге: «Осмысливая культурную антропологию» // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 3–18.
2. Выжлецов П. Г., Выжлецова Н. В. От культурной к социокультурной антропологии: состояние предметных исследований // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. Вып. 1 (23). С. 89–104.
3. Выжлецов П. Г., Выжлецова Н. В. Структурно-функциональный анализ общества и культуры А. Р. Рэдклифф-Брауна // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2018. Вып. 2 (20). С. 91–108.
4. Маркус Д. О социокультурной антропологии США, ее проблемах и перспективах // Этнографическое обозрение. 2005. № 2. С. 43–55.
5. Резник Ю. М. Культурная (социальная) антропология: Предмет и теоретические основания // Социокультурная антропология: История, теория и методология : энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. С. 345–362.

6. Орлова Э. А. Понятийный аппарат культурной антропологии // Социокультурная антропология: История, теория и методология : энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. С. 362–384.
7. Kroeber A. L., Kluckhohn Cl. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge, Massachusetts, U.S.A. Published by Museum, 1952. 223 p.
8. Выжлецова Н. В. Подход М. Мид к исследованию культуры // Седьмая международная научно-практическая конференция: Философия и культура информационного общества : тезисы докл. : в 2 ч. СПб.: ГУАП, 2019. Ч. 2. С. 16–18.
9. Белков П. Л. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. СПб.: Наука, 2009. 281 с.
10. Осокин Ю. В. Культурология // Культурология : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. Т. 1. С. 1069–1074.
11. Уайт Л. Наука о культуре // Уайт Л. Избранное: Наука о культуре : пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 5–461.
12. Мостова Л. А. Уайт Лесли Элвин // Культурология : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. и авт. проекта С. Я. Левит. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. Т. 2. С. 749–752.
13. Уайт Л. Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры : пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 47–471.
14. Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 17–48.
15. Уайт Л. А. Энергия и эволюция культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 439–464.
16. Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: МГУКИ, 2009. 705 с.
17. Маркарян Э. С. О значении разработки основ общей культурологической теории для формирования идеологии самосохранения человечества // Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества / под общ. ред. А. В. Бондарева и Л. М. Мосоловой. СПб.: Изд-во СПбКО, 2010. С. 25–37.
18. Астафьева О. Н., Разлогов К. Э. Культурология : предмет и структура // Социокультурная антропология: История, теория и методология : энциклопедический словарь / под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. С. 606–615.

19. Белик А. А. Культурология. Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 2000. 240 с.

20. Выжлецова Н. В. Сопоставление предметов социокультурной антропологии и культурологии // Шестая международная научно-практическая конференция «Философия и культура информационного общества». Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2018 г.: тезисы докладов. СПб., 2018. С. 139–143.

21. Разлогов К. Э. Предисловие // Теоретическая культурология / А. В. Ахутин, В. П. Визгин и др.; отв. ред. О. К. Румянцев. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 3–6.

22. Выжлецов П. Г. Основные положения культурного эволюционизма Л. Уайта // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. Вып. 3 (5). С. 79–93.

23. Монин М. А. Культурология и/или Cultural studies // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. № 1. С. 78–84.

References

1. Borofski R. Vvedenie k knige: «Osmyslivaya kulturnuyu antropologiyu» [Assessing Cultural Anthropology]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1995, no. 1, pp. 3–18. (In Russ.)

2. Vyzhlecov P. G., Vyzhleцова N. V. Ot kulturnoj k sociokulturnoj antropologii: sostoyanie predmetnyh issledovanij [From Cultural to Sociocultural Anthropology: the state of subject studies]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve* [Philosophy and Humanities in Information Society], 2019, no. 1 (23), pp. 89–104. (In Russ.)

3. Vyzhlecov P. G., Vyzhleцова N. V. Strukturno-funkcionalnyj analiz obshchestva i kultury A. R. Rehdkliff-Brauna [Structural and Functional Analysis of Society and Culture by A. R. Radcliffe-Brown]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve* [Philosophy and Humanities in Information Society], 2018, no. 2 (20), pp. 91–108. (In Russ.)

4. Markus B. O sociokulturnoj antropologii SSHA, problemah i perspektivah [On the Sociocultural Anthropology of the United States, Its Problems and Prospects]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2005, no. 2, pp. 43–55. (In Russ.)

5. Reznik Y. M. Kulturnaya (socialnaya) antropologiya: Predmet i teoreticheskie osnovaniya [Cultural (Social) Anthropology: Subject and Theoretical Foundations]. *Sociokulturnaya antropologiya: Istorija, teoriya i metodologiya: Ehnciklopedicheskij slovar / Pod red. Y. M. Reznika* [Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary. Reznik Y. M. (Ed.)]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Kultura; Kirov, Konstanta, 2012, pp. 345–362. (In Russ.)

6. Orlova E. A. Ponyatijnyj apparat kulturnoj antropologii [The Conceptual Apparatus of Cultural Anthropology]. *Sociokulturnaya antropologiya: Istoriya, teoriya i metodologiya: Ehnciklopedicheskij slovar / Pod. Red. Y. M. Reznika* [Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary. Reznik Y. M. (Ed.)]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Kultura; Kirov, Konstanta, 2012, pp. 362–384. (In Russ.)
7. Kroeber A. L., Kluckhohn Cl. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge, Massachusetts, U.S.A. Published by Museum, 1952. 223 p.
8. Vyzhlecova N. V. Podhod M. Mid k issledovaniju kultury [M. Mead's approach to the study of culture]. *Sedmaya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: Filosofiya i kultura in formacionnogo obshchestva* [Seventh International Scientific and Practical Conference: Philosophy and Culture of the Information Society]: tezisy dokl.: v 2 ch. Ch. 2. St. Petersburg, GUAP, 2019, pp. 16–18.
9. Belkov P. L. *Ehtnos i mifologiya. Ehlementarnye struktury ehtnografii* [Ethnos and Mythology. Elementary Structures of Ethnography]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 281 p. (In Russ.)
10. Osokin Y. V. *Kulturologiya. Kulturologiya: Ehnciklopediya. V 2 t. T. 1 / Gl. Red. i avt. proekta S. Y. Levit* [Culturology: Encyclopedia. Levit S. Y. (Ed.)]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN Publ.), 2007, pp. 1069–1074. (In Russ.)
11. Uajt L. Nauka o culture [The Science of Culture]. *Uajt L. Izbrannoe: Nauka o culture / Per. s angl.* Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN Publ.), 2004, pp. 5–461. (In Russ.)
12. Mostova L. A. Uajt Lesli Ehlvln [White Leslie Alvin]. *Kulturologiya: Ehnciklopediya. V 2 t. T. 2 / Gl. Red. i avt. proekta S. Y. Levit* [Culturology: Encyclopedia. Levit S. Y. (Ed.)]. Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN Publ.), 2007, pp. 749–752. (In Russ.)
13. Uajt L. Ehvoljuciya kultury. Razvitie civilizacii do padeniya Rima [The Evolution of Culture. The development of civilization before the fall of Rome] *Uajt L. Izbrannoe: Ehvoljuciya kultury / Per. s angl.* Moscow, Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSSPEHN Publ.), 2004, pp. 47–471. (In Russ.)
14. Uajt L. A. Ponyatie kultury [The Concept of Culture]. *Antologiya issledovanij kultury. Interpretacii kultury*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006, pp. 17–48. (In Russ.)
15. Uajt L. A. Ehnergija i ehvoljuciya kultury [Energy and Evolution of Culture]. *Antologiya issledovanij kultury. Interpretacii kultury*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006, pp. 439–464. (In Russ.)
16. Flier A.Y. *Kulturologiya dlya kulturologov* [Culturology for culturologists]. Moscow, MGUKI Publ., 2009. 705 p. (In Russ.)
17. Markaryan E. S. O znachenii razrabotki osnov obshchej kulturologicheskoj teorii dlya formirovaniya ideologii samosohraneniya chelovechestva [On the

importance of developing the foundations of a general cultural theory for the formation of the ideology of self-preservation of humanity]. *Kulturologiya i globalnye vyzovy sovremennosti: k razrabotke gumanisticheskoy ideologii samosohraneniya chelovechestva / Pod obshch. red. A. V. Bondareva i L. M. Mosolovoj* [Culturology and global challenges of our time: to the development of a humanistic ideology of self-preservation of humanity / Bondareva A. V. and Mosolova L. M. (Ed.)]. St. Petersburg, SPbKO Publ., 2010, pp. 25–37. (In Russ.)

18. Astafeva O. N., Razlogov K. E. Kulturologiya: predmet i struktura [Culturology: Subject and Structure]. *Sociokulturnaya antropologiya: Istoriya, teoriya i metodologiya: Ehnciklopedicheskij slovar / Pod red. Y. M. Reznika* [Sociocultural Anthropology: History, Theory and Methodology: Encyclopedic Dictionary. Reznik Y. M. (Ed.)]. Moscow, Akademicheskij Proekt, Kultura; Kirov, Konstanta, 2012, pp. 606–615. (In Russ.)

19. Belik A. A. *Kulturologiya. Antropologicheskie teorii kultur* [Culturology. Anthropological theory of cultures.]. Moscow, RGGU Publ., 2000. 240 p. (In Russ.)

20. Vyzhleceva N. V. Sopostavlenie predmetov sociokulturnoj antropologii i kulturologii [Comparison of Subjects of Sociocultural Anthropology and Culturology]. *Shestaya mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Filosofiya i kultura informacionnogo obshchestva»* [The Sixth International Conference “Philosophy and Culture in Information Society”]. St. Petersburg, 16–17 noyabrya 2018 g. *Filosofiya i kultura informacionnogo obshchestva. Tezisy dokladov*. St. Petersburg, 2018, pp. 139–143. (In Russ.)

21. Razlogov K. E. *Predislovie. Teoreticheskaya kulturologiya* [Foreword. Theoretical Culturology / Rumyantsev O. K. (Ed.)] / A. V. Ahutin, V. P. Vizgin i dr.; otv. Red. O. K. Rummyancev. Moscow, Akadem. Proekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga; RIK, 2005, pp. 3–6. (In Russ.)

22. Vyzhleceva P. G. Osnovnye polozheniya kulturnogo ehvolucionizma L. Uajta [Basic Ideas of L. White’s Cultural Evolutionism]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshchestve* [Philosophy and Humanities in Information Society], 2014, no. 3 (5), pp. 79–93. (In Russ.)

23. Monin M. A. Kulturologiya i/ili Cultural studies [Culturology and/or Cultural studies]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy], 2017, no. 1, pp. 78–84. (In Russ.)

Л. В. Гурленова, Е. А. Габб

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Понятие «концептуализм» в теоретических трудах Д. Пригова

Статья посвящена исследованию интерпретации понятия «концептуализм» известным поэтом и художником, одним из основоположников московского концептуализма в литературе и искусстве Д. Приговым. В работе представлен анализ его интервью и теоретических трудов разных лет, задачей которого является вычленение элементов понятия «концептуализм», их характеристика, анализ эволюционных изменений. Материалом исследования стали основные теоретические работы поэта 1980–2000-х гг., беседы с известными деятелями культуры этого времени.

К результатам исследования относится вывод о том, что размышления Пригова о понятии «концептуализм» охватывают его историю и функционирование в современной культуре, характеристику содержательных и формальных элементов. Д. Пригов стремится охарактеризовать основные особенности концептуализма и представить их в виде системы. Со временем круг обсуждаемых им вопросов меняется. В ранних статьях акцентируется внимание на особенностях русского концептуализма и способах его репрезентации. Поздние работы посвящены проблеме культурного упадка, определению векторов развития культуры в условиях радикального ее обновления.

К основным вопросам Пригов относит определение отличительных качеств концептуализма, его место в культурной картине времени. Он представляет постреалистическое искусство как систему форм культуры, которые не имеют отчетливых границ, что затрудняет решение вопроса о характере их взаимодействия. Пригов сближает концептуализм с авангардом, постмодернизмом, соцартом, делает попытку дать прогноз дальнейшего его существования.

В работе приведены высказывания современников Пригова о концептуализме, что позволяет дать объективную оценку данного явления в искусстве и литературе.

Результаты исследования могут быть использованы в анализе поэтического творчества Пригова и поэтов его круга.

Ключевые слова: концептуализм, автор, текст, язык, поведенческая модель.

L. V. Gurlenova, E. A. Gabb

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

The concept of "conceptualism" in the theoretical works of D. Prigov

The article is devoted to the study of the interpretation of the concept of "conceptualism" by the famous poet and artist, one of the founders of Moscow conceptualism in literature and art, D. Prigov. The paper presents an analysis of his interviews and theoretical works of different years, the task of which is to single out the elements of the concept of "conceptualism", their characteristics, the analysis of evolutionary changes. The research is done on the main theoretical works of the poet of the 1980-s–2000-s, conversations with famous people of culture of this time.

The findings of the study include the conclusion that Prigov's thoughts on the concept of "conceptualism" encompass his history and functioning in modern culture, the characterization of substantive and formal elements. D. Prigov seeks to characterize the main features of conceptualism and present them in the form of a system. Over time, the range of issues discussed by him changes. In his earlier articles he focuses on the peculiarities of Russian conceptualism and how to represent it. His late works are devoted to the problem of cultural decline, the definition of vectors of cultural development in the conditions of its radical renewal.

Prigov's main issues include the definition of the distinctive qualities of conceptualism, its place in the cultural picture of the time. He presents post-realistic art as a system of cultural forms that do not have distinct boundaries, which makes it difficult to resolve the question of the nature of their interaction. Prigov brings conceptualism closer to avant-garde, postmodernism, social art; he makes an attempt to give a forecast of its further existence.

The paper presents the statements of Prigov's contemporaries about conceptualism, which allows an objective assessment of this phenomenon in art and literature.

The results of the study can be used in the analysis of the poetic work of Prigov and the poets of his circle.

Keywords: *conceptualism, author, text, language, behavioral model.*

Введение. Дмитрий Пригов – известный русский поэт, художник и скульптор, критик и теоретик искусства, один из основоположников московского концептуализма. Он оставил большое творческое наследие, которое продолжает привлекать исследователей-гуманитариев. В изобразительном искусстве – это большое число графических работ, коллажей, инсталляций, перформансов; о количестве поэтических работ Пригова пишет А. Кобринский в статье «"Дмитрий Александрович Пригов" как худо-

жественный проект»: «Незадолго до смерти поэт сообщил в интервью, что написал в общей сложности уже более 35 тысяч стихотворений, но собирался написать еще несколько тысяч» [1].

Более полно изучено поэтическое творчество Дмитрия Пригова как самостоятельный предмет исследования, так и в контексте концептуализма. Работы обычно основаны на большом фактическом материале, содержат конкретные наблюдения и обобщающие характеристики. В рамках настоящего исследования привлекаются коллективные издания, целью которых был широкий охват материала из области теории и практики концептуализма и его авторов: «Словарь терминов московской концептуальной школы» (1999) [2], «Московский концептуализм» (2005) [3], «Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов» (2010). Ценные для настоящей статьи идеи высказаны М. Липовецким и И. Кукулиным в предисловии к 5-му тому «Собрания сочинений Д. Пригова (прежде всего комментарии к суждениям Пригова о концептуализме)» [4].

В статье учитываются наблюдения и выводы работ следующих исследователей. М. Липовецкий («Я не поэт, я деятель культуры». Десять лет без Дмитрия Александровича Пригова) описывает некоторые составляющие художественной стратегии Пригова, отмечает, что он был замечательным интерпретатором своего творчества [5]. М. Ямпольский (Пригов. Очерки художественного номинализма), занимающий особую позицию в дискуссии о принадлежности Пригова к концептуализму, подчеркнул важность для него поэтики транзитности знака и поэтики метаморфозы [6]. А. Кобринский описал понятие «Художественный проект “Дмитрий Александрович Пригов”». Заметим, что творчество Д. Пригова широко представлено в исследованиях, опубликованных журналом и издательским домом «НЛО».

Концептуализму посвящен ряд исследований историко-теоретического характера. Направленности настоящей статьи близка работа эссеиста и литературного критика М. Айзенберга «Вокруг концептуализма»; в ней дается определение концептуализма, обозначаются его место в культурном процессе и роль Дмитрия Пригова в его становлении [7]. Вклад в изучение русского концептуализма и творчества его участников внесли работы Т. Казариной («Три эпохи русского литературного авангарда»;

третья часть посвящена концептуализму, условиям его появления и художественной практике, творчество Пригова относится к соц-арту) [8] и И. Васильева (Русский поэтический авангард XX века) [9] и Э. Джейкоба (Дмитрий Пригов и межкультурный концептуализм) [10]. А. Бараш развивает в своей статье «"Да я ведь что, да я с любовью...": Пригов как деятель цивилизации» мысль, что Д. Пригов создает в масштабах концептуализма Энциклопедию маленького человека [11].

Работы же Пригова историко-теоретического характера, направленные на анализ актуальной культурной ситуации и прогнозирование путей дальнейшего развития как мирового, так и русского искусства, нечасто становились предметом анализа. Это обусловило цель исследования: изучить статьи и интервью Д. Пригова для выяснения актуальных для него вопросов о смысле понятия «концептуализм», его роли в литературе и других видах искусства.

Д. Пригов выделяет вопросы, актуальные для концептуализма, и дает их интерпретацию как участник этого движения, характеризуя наиболее существенные его качества. Он продолжает этим практику авангардного искусства начала XX в., когда поэты и художники, объединенные в творческую группу, активно издавали манифесты с целью обоснования и объяснения ее идейно-художественной платформы, включали изобразительные и текстовые иллюстрации («Пощечина общественному вкусу», 1912; участники Д. Бурлюк, Александр Крученых, В. Маяковский, Виктор Хлебников; «Слово как таковое», 1913; текст В. Хлебникова и А. Крученых, иллюстрации Л. Малевича и О. Розановой). Из работ Пригова понятно, что манифестирование идей текущего художественного творчества он оценивал как важную теоретическую задачу.

Московский концептуализм представлен в публикациях несколькими его интерпретаторами. Внимания заслуживает статья поэта-конкретиста Всеволода Некрасова «Концепт как авангард авангарда». В ней поэт рассуждает о кризисе современного искусства, обозначает его границы, а также характеризует понятие «концепт» в качестве главного опорного элемента этого авангардного пласта литературы. Рассуждения о концептуализме содержатся в интервью В. Сорокина. Но основным теоретиком этого явления в современной культуре является Д. Пригов.

В данной работе мы обращаемся к статьям Дмитрия Пригова и интервью с ним разных лет. Материалом статьи являются следующие его работы: «Как встеперь называть?» (конец 1980-х), «Что надо знать» (1989), «Нельзя не впасть вересь» (1990), «Верим ли мы, что мы верим, во что мы верим?» (2006), «Последние вопросы» (2007), «Где ты, где ты, матушка-современность!» (2007). В рассматриваемый круг работ включены беседы с известными авангардными художниками, писателями и философами, публиковавшиеся в «Вестнике новой литературы», «Литературной газете», «Киноведческих записках», «Балтийском филологическом курьере» и др. изданиях: «Беседа с Виктором Мизиано» (конец 1980-х), «Художник. Новая роль в новом искусстве» (1991), «Между именем и имиджем. Диалог с Сергеем Гандлевским» (1993), «Последние вопросы». Интервью с Виктором Вишневецким (2007). Приведенные теоретические труды изданы в пятом томе собрания сочинений в 5 томах под редакцией Марка Липовецкого и Ильи Кукулина. Внимания заслуживает замечание редакторов этого издания о том, что стиль статей Пригова порой балансирует на грани пародии на научный дискурс, являясь одновременно теоретическим высказыванием и его перформансом [4]. Были приняты во внимание материалы, размещенные на сайте электронного издания «Полит.ру», в частности «104 колонки Дмитрия Александровича Пригова», а также лекция «Культура: зоны выживания» (2007) (опубликована ее полная стенограмма) [12]. Ряд понятий, связанных с концептуализмом, Д. Пригов дает в «Словаре терминов московской концептуальной школы», в который включен наряду с дополнительными словарями И. Кабакова, А. Монастырского, П. Пепперштейна и др. и словарь Д. Пригова [2]. Трактовку ряда терминов, предложенных Приговым, предлагает М. Рыклин в статье «Проект длиной в жизнь»: Пригов в контексте «Московского концептуализма» [13].

Мы предприняли попытку систематизировать представления Дмитрия Пригова о концептуализме, проследить и зафиксировать эволюцию его представлений о концептуальном искусстве.

Методы исследования. В исследовании использован комплекс методов, соответствующих его предмету: историко-литературный, типологический, структурный. Привлекаемый матери-ал обусловил достаточную степень достоверности наблюдений и выводов.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате предварительного анализа текстов Пригова авторы пришли к заключению, что предложения других исследователей о разделении историко-теоретических работ Пригова на два периода – 1980–1990-е гг. и начало XXI в. – являются обоснованными. В статьях конца XX в. Пригов заостряет внимание на особенностях концептуального мышления, способах репрезентации произведений концептуализма, специфики формирования концептуализма на почве русской культуры. Начало XXI в. знаменует завершение активной деятельности представителей московского концептуализма, в связи с этим Пригов в работах данного периода совершает попытку прогноза способов дальнейшего существования авангардного искусства.

Центр историко-теоретических размышлений Пригова образуют несколько вопросов.

Прежде всего это вопрос о месте концептуализма в системе других течений авангардного характера. Более ясный ответ Пригов дает на вопрос об отношениях концептуализма и авангарда. Независимо от хода развивающихся дискуссий по этому вопросу, в беседе под названием «Художник. Новая роль в новом искусстве» (1991) Пригов признает концептуализм «третьим периодом авангардного искусства» [4].

Об отношениях концептуализма с другими течениями Пригов не дает однозначного ответа, он оперирует понятиями «концептуализм», «соцарт», «постмодернизм», не стремясь выстроить их иерархические отношения, и в разных статьях декларирует эти отношения по-разному. Учитывая многочисленность высказываний Пригова, прямо или косвенно связанных с этим вопросом, можно сделать вывод, что это требует отдельного самостоятельного изучения. Однако можно зафиксировать основную направленность его ответа: Пригов склонен интерпретировать понятия «концептуализм», «соцарт», «постмодернизм» как близкие, родственные, так как, во-первых, он нередко характеризует какие-то художественные приемы и компоненты как общие, во-вторых, представляет их в ряде статей как синонимичные, в частности в статье «Последние вопросы» (2007). Например, Пригов пишет об объединяющей эти формы искусства мировоззренческой основе: «Постмодернизм (или

концептуализм) попытался сказать, что нету абсолютных истин, правил, но есть истины в пределах аксиоматики» [4]. М. Липовецкий и И. Кукулин отмечают, что создаваемую эстетику Пригов называл то концептуализмом, то постмодернизмом, то соцартом [4].

В контексте культурного процесса поставлен и вопрос о границах жизни концептуализма. Несмотря на то что проблема культурного кризиса становится центральной в статьях Пригова начала XXI в., данный вопрос он начинает обсуждать еще в 1980-е гг. Разделяя вначале пессимистические ожидания участников концептуального искусства, Пригов говорит о кризисе концептуализма и завершении его деятельности, которое связывает с концом 1980-х гг. В связи с этим он начинает размышлять о признаках формирования нового искусства, как бы поторапливая этот процесс, о перспективах современной культурной ситуации, что отражено в статьях начала тысячелетия.

По мнению М. Рыклина, Пригова всегда интересовала тема активного ускорения культурных процессов, которое не давало возможности «состояться ничему высокому» [13].

В статье «Что надо знать» (1989) Пригов приходит к выводу, что смена тенденций в искусстве кардинально на концептуализм не повлияет. Это он объясняет тем, что «в основе самой концептуальной поэтики заложены слежение культурного контекста, взаимодействие и взаимоотношение с ним» [4].

Похожую мысль Пригов высказывает и в более поздних работах. В статье «Верим ли мы, что мы верим, во что мы верим?» (2006) он замечает, что даже в условиях изменения системы искусства концептуализм продолжит свое существование как в своем чистом виде, так и в форме элементов в других направлениях [4]. Прогнозы Пригова охватывают и более отдаленное будущее. В статье «Где ты, где ты, матушка-современность!» (2007) он предполагает, что искусство, возможно, лишится экспозиционности и ограничится рефлексией, поэтому художественной деятельности в ее современном понимании не будет.

В статье «Как вас теперь называть?» (конец 1980-х гг.) Пригов обращает внимание на изменение отношений между искусством и неискусством, констатирует, что концептуализм находит в этом опору для своих экспериментальных практик, он «обращается

к языку и реалиям местной жизни, вводя их в сферу высокого искусства» [4]. Объектом его внимания все более становится культура повседневности. В конце XX в. бытовой язык – главный объект внимания концептуалистов – перемещается на просторы Интернета. В поэзии Пригова в постсоветский период мы обнаруживаем многочисленные клише массмедиа, взятые из газет, телевидения, кино, Интернета.

По мнению Пригова, московский концептуализм стал первым явлением, благодаря которому русская культура обратилась к осознанию авторитарной природы языка («Все общество пронизано единым авторитарно спущенным сверху высоким языком <...> Московский же концептуализм, в моем понимании, – это первый случай, когда русская культура обратилась к осмыслению этого феномена, к познанию своей собственной природы» (Беседа с Виктором Мизиано. Конец 80-х) [4].

Важную роль Пригов отдает понятиям поведенческого акта, поведенческого уровня, говорит об «имиджевом поведении» [2], о жесте, который определяет поведенческую стратегию, о персонажности автора и др. Эти понятия вводятся для объяснения функции автора в тексте. В исследованиях нередко встречается термин «перформатизм», но как утверждают М. Липовецкий и И. Кукулин, сам Пригов его никогда не использовал, «предпочитая говорить о поведенческом уровне, операциональности, персонажности, имиджах и т. п.» [4].

Под имиджем понимается некая функция (исполнитель), введенная автором в текст и выражающая определенное мировидение. В статье «Нельзя не впасть в ересь» (1990) Пригов отмечает: «В сфере массмедиа подобное именуется имиджем, который (как и образ и поза) для культурного сознания значит порой больше (во всяком случае, является предметом гораздо более частых игровых операций...» [4]. Адекватное прочтение текста возможно только при учетывании всех введенных в текст имиджей и их отношений.

Активно исследуя проблему взаимоотношения автора и текста, Пригов в статье «Что надо знать» (1989) рассуждает так: «...автор видимо отсутствует на сцене между персонажами, но имплицитно присутствует в любой точке сценического пространства» [4]. Такой тип взаимоотношений автора и текста Пригов называет

«мерцанием», определить при этом степень выраженности автора очень трудно или даже невозможно. Из имиджей и «мерцательных» отношений автора и текста складывается авторская стратегия. Пригов уточняет, что концептуализму присуще более «жестко-конструктивное отстояние автора от текста», в эпоху же пост-концептуализма начинает преобладать именно мерцательный тип их взаимоотношений.

В период 2000-х Пригов дополняет свои рассуждения мыслью о том, что в литературе, в отличие от визуального искусства, оказалось принципиально неосуществимым полное отделение автора от текста. Это связано с тем, что литература, выполняя онтологическую функцию, «не вписалась в современное общество» и поэтому перестала быть «социально-адаптивной» площадкой писателя (Последние вопросы, 2007) [4; 12].

Роль автора трактуется прежде всего как манипуляторская: он играет понятиями, дискурсами; экспериментирует со стилями, видами искусства (например, визуальными и вербальными), типами высказывания. Героями в тексте являются не традиционные для литературы персонажи, а язык, на котором они говорят. Читатель постоянно ставит под сомнение присутствие автора, спрятанного за определенным имиджем-образом. Марк Липовецкий в статье «"Я не поэт, я деятель культуры"». Десять лет без Дмитрия Александровича Пригова» утверждает: «Мы знаем, что никакой "прямой" реализации автора в текстах Пригова нет. Тексты создают некий сдвинутый, искаженный "имидж" автора, в котором в какой-то неопределимой мере все-таки возникает отражение "центрального фантома"» [5].

Заключение. Будучи серьезным теоретиком современного искусства, Пригов внес большой вклад в становление и изучение концептуализма. В своих теоретических работах он определяет место данного явления в искусстве, описывает его функционирование, рассматривая концептуализм в контексте сменяющих друг друга широких философско-эстетических систем. Особенностью историко-теоретических размышлений Пригова является большая инвариантность оценок какого-либо явления или его аспекта, нередко игровой характер рассуждений, сознательная незавершенность осмысления эстетических явлений и отсутствие окончательных выводов. Это свидетельствует о том,

что в разработке историко-теоретических вопросов Приговым применены художественные стратегии, реализованные в творческой практике концептуализма.

Библиографический список

1. Кобринский А. «Дмитрий Александрович Пригов» как художественный проект // Полит.ру. 2007. 31 августа. URL: <https://polit.ru/article/2007/08/31/prigov/> (дата обращения: 12.04.2020).
2. Словарь терминов московской концептуальной школы / сост. и авт. предисл. А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999. 221 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=97447> (дата обращения: 12.04.2020).
3. Московский концептуализм / сост. Е. Деготь, В. Захаров. М.: WAM, 2005. 214 с. URL: https://monoskop.org/images/2/27/Degot_Ekaterina_Zakharov_Vadim_eds_Moscow_Conceptualism_RU.pdf (дата обращения: 12.04.2020).
4. Пригов Д. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5. Мысли: избранные манифесты, статьи, интервью / под ред. И. Кукулина, М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 745 с. URL: <https://nemaloknig.com/read-398672/> (дата обращения: 10.04.2020).
5. Липовецкий М. «Я не поэт, я деятель культуры». Десять лет без Дмитрия Александровича Пригова: интервью Е. Оциферовой. URL: <https://gorky.media/context/ya-ne-poet-ya-deyatel-kultury-desyat-let-bez-dmitriya-aleksandrovicha-prigova/> (дата обращения: 10.04.2020).
6. Ямпольский М. Пригов. Очерки художественного номинализма. М.: НЛО, 2016. 294 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-mihail-yampolskiy/105301-prigov-ocherki-hudozhestvennogo-nominalizma-mihail-yampolskiy/read/page-1.html> (дата обращения: 12.04.2020).
7. Айзенберг М. Вокруг концептуализма // Арион. 1995. № 4. С. 82–97.
8. Казарина Т. Три эпохи русского литературного авангарда. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2004. 254 с. URL: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/literature/kazarina1.pdf> (дата обращения: 20.04.2020).
9. Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 316 с.
10. Джейкоб Э. Дмитрий Пригов и межкультурный концептуализм / пер. с англ. // НЛО. 2012. № 6. С. 218–245. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/dmitrij-prigov-i-mezhkulturnyj-konceptualizm.html> (дата обращения: 12.04.2020).
11. Бараш А. «Да я ведь что, да я с любовью...»: Пригов как деятель цивилизации // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007): сб. статей и материалов / под ред. Е. Добренко, И. Кукулина, М. Липовецкого, М. Майофис. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

C. 161–172. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=225025> (дата обращения: 12.04.2020).

12. Пригов Д. Культура: зоны выживания : лекция // Полит.ру. 2007. 10 мая. URL: <https://polit.ru/article/2007/05/10/zony/> (дата обращения: 10.04.2020).

13. Рыклин А. «Проект длиной в жизнь»: Пригов в контексте «Московского концептуализма» // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940–2007) : сб. статей и материалов. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 44–52. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=225025> (дата обращения: 12.04.2020).

References

1. Kobrinskij A. «Dmitrij Aleksandrovich Prigov» kak hudozhestvennyj projekt [“Dmitry Alexandrovich Prigov” as an art project]. Polit.ru, 2007, August 31 (In Russ.). Available at: <https://polit.ru/article/2007/08/31/prigov/> (accessed 12.04.2020).

2. *Slovar' terminov moskovskoj konceptual'noj shkoly* [Glossary of Moscow conceptual school terms]. Moscow, Ad Marginem, 1999. 221 p. (In Russ.). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=97447>. (accessed 12.04.2020).

3. *Moskovskij konceptualizm* [Moscow conceptualism]. Moscow, WAM Publ., 2005. 214 p. (In Russ.). Available at: https://monoskop.org/images/2/27/Degot_Ekaterina_Zakharov_Vadim_eds_Moscow_Conceptualism_RU.pdf. (accessed 12.04.2020).

4. Prigov D. *Sobranie sochinenij v 5 tomah. T. 5. Mysli: izbrannye manifesty, stat'i, interv'yu* [Complete works. In 5 vol. Of vol. 5. Thoughts: Selected Manifests, Articles, Interviews]. Moscow, New literary review Publ., 2019. 745 p. (In Russ.). Available at: <https://nemaloknig.com/read-398672/> (accessed 10.04.2020).

5. Lipoveckij M. «Ya ne poet, ya deyatel' kul'tury». *Desyat' let bez Dmitriya Aleksandrovicha Prigova* [“I am not a poet, I am a cultural figure.” Ten years without Dmitry Alexandrovich Prigov]. (In Russ.). Available at: <https://gorky.media/context/ya-ne-poet-ya-deyatel-kul'tury-desyat-let-bez-dmitriya-aleksandrovicha-prigova/> (accessed 10.04.2020).

6. Yampol'skij M. Prigov. *Ocherki hudozhestvennogo nominalizma* [Prigov. Essays on Artistic nominal-ism]. Moscow, New literary review Publ., 2016. 294 p. (In Russ.). Available at: <https://iknigi.net/avtor-mihail-yampolskiy/105301-prigov-ocherki-hudozhestvennogo-nominalizma-mihail-yampolskiy/read/page-1.html>. (accessed 12.04.2020).

7. Ajzenberg M. Vokrug konceptualizma [Around Conceptualism]. *Arion* [Arion], 1995, no. 4, pp. 82–97. (In Russ.)

8. Kazarina T. Tri epohi russkogo literaturnogo avangarda [Russian poetic avantgarde of the twentieth century]. Samara, Samara University Press, 2004.

254 p. (In Russ.). Available at: <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/literature/kazarina1.pdf>. (accessed 20.04.2020).

9. Vasil'ev I. E. *Russkij poeticheskij avangard XX veka* [Russian poetic avant-garde of the twentieth century]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2000. 316 p. (In Russ.)

10. Dzhejkob E. Dmitrij Prigov i mezhkul'turnyj konceptualizm [Dmitry Prigov and intercultural conceptualism]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New literary review], 2012, no. 6, pp. 218–245. (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2012/6/dmitrij-prigov-i-mezhkulturnyj-konceptualizm.html> (accessed 12.04.2020).

11. Barash A. «Da ya ved' chto, da ya s lyubov'yu...»: Prigov kak deyatel' civilizacii ["Yes, after all, yes, I am loving ...": Prigov as a figure in civilization]. *Nekanonicheskij klassik: Dmitrij Aleksandrovich Prigov (1940–2007)* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007)]. Moscow, New literary review Publ., 2010, pp. 161–172. (In Russ.) Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=225025> (accessed 12.04.2020).

12. Prigov D. *Kul'tura: zony vyzhivaniya: lekciya* [Culture: Survival Zones]. Polit.ru, 2007, May 10 (In Russ.). Available at: <https://polit.ru/article/2007/05/10/zony/>. (accessed 10.04.2020).

13. Ryklin A. «Proekt dlinoj v zhizn'»: Prigov v kontekste «Moskovskogo konceptualizma» [Life-long project: Prigov in the context of “Moscow Conceptualism”]. *Nekanonicheskij klassik: Dmitrij Aleksandrovich Prigov (1940–2007)* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940–2007)]. Moscow, New literary review Publ., 2010, pp. 44–52. (In Russ.). Available at: <https://www.litmir.me/bd/?b=225025>. (accessed 12.04.2020).

Л. В. Михайлова

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

**Семиотика пространства Соловецкого монастыря:
историогенез и структура**

В статье рассматривается семиотика пространства Соловецкого монастыря, представляющая знаково-смысловую конструкцию различных пластов многовековой истории, которые не исчезли со временем, а изменялись, дополнялись новыми элементами, надстраивались, образуя таким образом сложный комплекс различных монастырских построек, ансамбль бухты Благополучия, хозяйственные строения, удаленные от монастырского центра, ансамбли скитов, расположенных как на Большом Соловецком острове, так и на других островах архипелага, часовни, пустыни, кресты, дороги. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к проблемам сохранения культурно-исторического наследия Соловецкого монастыря, архитектурно-ландшафтные комплексы которого составляют духовное, историческое и культурное богатство Русского Севера.

Целью данной статьи является изучение семиотики пространства Соловецкого монастыря, включая его историогенез. Задачи исследования – выявить различные пласты знаково-смысловой конструкции семиотики пространства Соловецкого монастыря; составить описание каждого культурно-исторического пласта; выделить особенности и определить роль каждого пласта в архитектонике семиотического пространства культуры Соловецкого монастыря.

В результате исследования определены четыре пласта, составляющие знаково-смысловую конструкцию пространства Соловецкого монастыря, включающую топонимы объектов островов Соловецкого архипелага, объединенные автором в группы: характеризующие флору, фауну островов; сакральные топонимы, сохранившие память о местах проживания в отшельничестве иноков; топонимы, описывающие хозяйство Соловецкого монастыря; современные топонимы. Для определения исторических пластов семиотического пространства, названий объектов были применены эмпирические методы исследования местности и различных источников, сбора информации и ее анализа. Арсенал исследования строится на применении системного, архитектурного, семиотического, историко-генетического методов, а также

метода классификации. В статье представлены примеры эмпирического исследования культурного пространства островов Соловецкого архипелага, результатом которого являются полевые материалы, собранные автором в ходе полевых исследований в 2012–2018 гг.

Знаково-символические аспекты пространства Соловецкого монастыря, частью которого являются топонимы, организованные вокруг Кремля на Большом Соловецком острове и на других островах Соловецкого архипелага, имеют сложную структуру, которая оформлялась на протяжении многих веков, разрушалась, строилась, перестраивалась, надстраивалась, но не исчезла, а сохранилась и продолжает развиваться в настоящее время.

Ключевые слова: *архитектоника, структура, Соловки, монастырь, Русский Север, сакральное, семиотическое пространство, топонимы, скиты, хозяйственная зона.*

L. V. Mikhailova

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk

Solovetsky Monastery Cultural Space Semiotics: Historygenesis and Structure

The author considers the problem of the Solovetsky Monastery semiotic space architectonics, representing the semantic structure of centuries-old cultural various layers, which did not disappear with time, but changed, supplemented by new elements, built up, thus, forming a compound structure that includes various monastery building complexes, the Well-being Bay Ensemble, remote from the monastery center household structures, skete ensembles located both on the Big Solovetsky island and others islands of the archipelago, chapels, deserts, crosses, roads. Research topicality is conditioned by increasing interest to the problems of maintenance of cultural and historical legacy of the Solovetsky Monastery, its architectural-landscape complexes making the spiritual, historical and cultural wealth of Russian North.

The purpose of this article is to study the Solovetsky Monastery semiotic space of culture, including its historygenesis. Research tasks are to expose the different layers of sign-semantic construction of the Solovetsky Monastery semiotic space; to make the description of every cultural and historical layer; to select features and define the role of every layer in architectonics of the Solovetsky Monastery semiotics space of culture.

As a result of the research the author determined four layers, constituents of the sign-semantic construction of the Solovetsky Monastery space, including toponyms of the Solovetsky archipelago island objects, incorporated by the author in groups, characterizing a flora, fauna, lakes of islands, sacred toponyms keeping memory about the places of residence in the solitary life of inoks; toponyms descri-

bing the Solovetsky Monastery economy, modern toponyms. For determination of historical layers of the semiotics space, the names of objects, we applied empiric methods of exploring the area, studying different sources, collection of information and its analysis. Research arsenal is built on the use of systematic, architectonics, semiotic, historic-genetic methods and the classification method. The article describes the empiric research examples of the Solovetsky archipelago island cultural space, the result of which is the field materials, collected by the author during the field research in 2012–2018.

The sign-symbolic aspects of the Solovetsky Monastery space, its part being toponyms, organized around the Kremlin on Big Solovetsky island and on other islands of the Solovetsky archipelago, have a difficult structure, which was designed during many ages, collapsed, built, reformed, rebuilt, but did not disappear, on the contrary, was saved and continues to develop presently.

Keywords: *architectonics, structure, Solovki, monastery, Russian North, sacred, semiotic space, toponyms, sketes, economic zone.*

Введение. В статье исследован процесс формирования и внутренней организации семиотики пространства Соловецкого монастыря, которое имеет сложную структуру. Оно создавалось на протяжении многих веков, изменялось и дополнялось новыми элементами. Актуальность исследования связана с возрастающим интересом к проблемам сохранения культурно-исторического наследия Соловецкого монастыря, архитектурно-ландшафтные комплексы которого составляют духовное, историческое и культурное богатство Русского Севера.

Целью статьи является изучение семиотики пространства Соловецкого монастыря, включая его историогенез. Задачи исследования – выявить различные пласты знаково-смысловой конструкции семиотики пространства Соловецкого монастыря; составить описание каждого культурно-исторического пласта; выделить особенности и определить роль каждого пласта в архитектонике семиотического пространства культуры Соловецкого монастыря.

Семиотика пространства Соловецкого монастыря представляет знаково-смысловую конструкцию различных пластов многовековой истории, состоящих из комплекса монастырских построек, ансамбля бухты Благополучия, хозяйственной зоны с мастерскими, заводами, фермами, конюшнями, садами, полями, огородами, находящимися за монастырской стеной как вблизи, так

и на значительном расстоянии от монастырского центра; а также ансамблей скитов, расположенных как на Большом Соловецком острове, так и на других островах архипелага; часовен, пустынь, крестов, дорог.

В статье определены четыре пласта, составляющие знаково-смысловую конструкцию пространства Соловецкого монастыря как многофункционального организма; с помощью анализа особенностей ландшафта и топонимов дана характеристика каждого культурно-исторического пласта.

Каждый пласт в архитектонике пространства Соловецкого монастыря включает топонимы – названия объектов островов Соловецкого архипелага, которые были объединены автором в группы: характеризующие флору, фауну островов; сакральные топонимы, сохранившие память о местах проживания в отшельничестве иноков; топонимы, описывающие хозяйство Соловецкого монастыря; современные топонимы.

Культурное пространство Соловецких островов, история заселения и топонимия исследованы по архивным источникам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (Соловецкий монастырь. Д. 1014/1123, л. 65-80), публикациям, художественной литературе, путеводителям и картам Соловецкого архипелага: Соловецкий монастырь. Соловецкие острова. Картографический путеводитель и др.

Важным разделом исследования семиотики Соловков являются также полевые материалы. Для изучения географического и культурного ландшафтов, архитектурных памятников, современного состояния и деятельности монастыря, сбора микротопонимов в 2012–2018 гг. автором проводились полевые исследования на островах Соловецкого архипелага. Результаты исследования частично опубликованы в монографии «Преображение Русского Севера» [1], научных статьях: «Семиотическое культурное пространство Соловков» [2], «Соловки» [3] и др.

Методы исследования, теоретическая база. Арсенал исследования строится на применении системного, архитектонического, семиотического, историко-генетического, сравнительно-географического, сравнительно-исторического, а также метода классификации. Для определения исторических пластов семиотического пространства, названий объектов были применены

эмпирические методы исследования местности и различных источников, сбора информации и ее анализа.

Основу исследования составляет концепция И. В. Кондакова, согласно которой история каждой культуры носит нелинейный характер, а ценностно-смысловые парадигмы, характерные для разных этапов истории тех или иных культур, «показаны в процессе наложения, напластовывания друг на друга, в виде нарастающей “лестницы смыслов”, ступенчатой “пирамиды” культурных значений» [4, с. 533]. Сравнительно-исторический метод применяется в статье при описании четырехпластовархитектоники семиотического пространства культуры Соловецкого монастыря. Сравнительно-географический метод используется для характеристики и сравнения древнего и современного месторасположения островов Соловецкого архипелага. Большое значение для исследования имеет эмпирический материал, собранный и обобщенный автором, который стал основой для историко-культурного и философского осмысления. При сборе материала использовались также методы исследования местности и различных объектов, непосредственного наблюдения.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты проведенного исследования обсуждались на различных конференциях, так, например, на X Международной научной конференции «"Свое" и "чужое" в культуре = “Our” and “Alien” in Culture» (г. Петрозаводск, 16–17 марта 2015 г.) в докладе «Ландшафтные топонимы Русского Севера», на III Всероссийской научно-практической конференции «Туризм и образование: исследования и проекты» (22–23 ноября 2018 г.) в докладе «Сакральные тексты духовной культуры Русского Севера» и др.

Соловецкий архипелаг расположен в Белом море, посредине входа в Онежский залив. Это более ста, в основном небольших, островов площадью около 300 кв. км. Главным островом архипелага является Большой Соловецкий остров, площадь которого, 246 кв. км, превышает сумму площадей остальных островов. Удобное расположение Соловков в мелководной и более теплой части моря дополняется влиянием климата, который отличается сравнительно мягкой зимой и прохладным летом. Смена времен года наступает здесь на две недели позднее, чем на материке. М. М. Пришвин отмечал, что осень в Соловках необыкновенно цветиста; в это время

прозрачные альпийские озера бывают окружены золотыми лесами. Зима начинается осыпанием хвои у елей и длится сто двадцать дней [5, с. 513].

Семиотика пространства Соловецкого монастыря была во многом предопределена влиянием природно-географического фактора. Так, по описанию Г. А. Богуславского, на Большом Соловецком острове можно выделить три основные зоны рельефа: центральная часть острова с холмисто-возвышенным ландшафтом и развитой сетью озер; южная часть, представляющая собой впадину, окруженную возвышенностями, заполненную торфяными болотами и полузаросшими озерами; область побережья [6, с. 11]. Хвойный лес занимает более половины поверхности как Большого Соловецкого острова, так и других островов архипелага. На островах растет также смешанный и лиственный лес, в основном березовый. Иноки монастыря использовали для дров сухой лес и валежник. Очень редко, только по особой надобности, рубили растущие деревья. Для построек и поделок бревна привозили из лесов материка – с Летнего берега, для чего у правительства брали ежегодно билет для оплаты пошлины [7, с. 21]. Соловецкий архипелаг насчитывает более пятисот озер, большинство из которых расположено на Большом Соловецком острове. В основном они ледникового происхождения, за исключением тех озер, которые представляют собой бывшие морские лагуны.

Сохранившиеся на Соловецких островах древние неолитические сооружения подтверждают тот факт, что острова были издавна известны и посещаемы людьми. А. Я. Мартынов определяет этапы и последовательность освоения беломорских островов, в эпоху мезолита: Немецкий Кузов, Соловецкий, Большая Муксалма, Анзерский; в эпоху неолита: Немецкий Кузов, Русский Кузов, Соловецкий, Большая Муксалма, Анзерский, возможно, Большой Заяцкий; в эпоху раннего металла: Немецкий Кузов, Русский Кузов, Олешин, Соловецкий, Большая Муксалма, Анзерский, Большой Заяцкий, Малый Заяцкий, Жижгин, Мудьюг; в эпоху раннего железа: Соловецкий, Большой Заяцкий, Малый Заяцкий, возможно, Анзерский [8].

Никаких свидетельств о постоянном проживании на Соловках древних племен нет. Очевидно, для жителей побережья острова, до которых можно было добраться только в летнее время, являлись священными, связанными с проведением языческих обрядов.

Первым постоянным населением островов Соловецкого архипелага стали монахи Соловецкого монастыря, основанного преподобными Савватием, Германом и Зосимой [9, с. 18–22]. Земли Соловецкого монастыря принадлежали Новгородской республике. Архиепископ Новгородский Иона выдал монастырю грамоту на вечное владение Соловецкими островами. Согласно описанию монастыря игумена Досифея, народы, несведущие в российском языке; лопари, жители Карелии, иноверные финляндцы и норвежцы приходили в монастырь и принимали здесь христианство [10, , с. 52]. После падения Новгородской республики, в 1478 г., Соловецкие острова вошли в состав владений Великого князя Московского.

Исследование знаково-смысловых аспектов пространства Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря проводилось автором в ходе полевых, архивных и других исследований в 2012–2018 гг. Были определены и исследованы объекты, расположенные на островах Соловецкого архипелага, составлено описание центрального монастырского ансамбля, а также объектов, находящихся за монастырской стеной как на Большом Соловецком острове, так и на других островах архипелага.

Теоретической базой исследования стала концепция И. В. Кондакова, согласно которой история каждой культуры носит нелинейный характер: вместе с исторической сменой эпох, с присущими им ценностно-смысловыми ориентирами происходит трансформация культурной семантики, включающая частичное сохранение ее прошлых форм, их достраивание и обновление на новом смысловом уровне. Ученый исходит из того, что культурно-исторические парадигмы могут сменять друг друга, но они не уходят полностью из актуальной сферы, они «надстраиваются» друг над другом (в соответствии с вырабатываемым алгоритмом), составляя архитектуру культуры, представляющую смысловую конструкцию, в которой топологический и динамический аспекты культуры взаимообусловлены и дополняют друг друга, являясь смысловым «каркасом» соответствующей культуры, которая наполняется различными историческими значениями, но остается в своих основах неизменной, исторически необратимой и в то же время способной к дальнейшему развитию, – каждый раз отталкиваясь от своего наличного состояния и исторически сложившейся культурной семантики [11, с. 8].

Рассмотрим, согласно данной теории, знаково-смысловую конструкцию, состоящую из различных пластов многовековой культуры Соловецкого монастыря, который включает центральный монастырский комплекс, ансамбль построек бухты Благополучия, хозяйственные строения, удаленные от монастырского центра, ансамбли семи скитов, три из которых были устроены на Большом Соловецком острове, остальные – на других островах архипелага, часовни, пустыни, кресты, дороги.

Семиотика пространства Соловецкого монастыря включает два аспекта: географический и архитектурный. Первый аспект, географический, характеризуют ландшафтные топонимы, образованные от географических терминов, например:

- тоня: Кирилловская Тоня (урочище);
- болото: Болотное (озеро);
- гора: Горное (озеро);
- губа: Кирилловская Губа (бухта);
- наволок: Перечьनावолок (мыс);
- озеро: Межозерская (гора);
- салма: Печаковская Салма (пролив) и др.

Особенностью ландшафта островов Соловецкого архипелага являются озера, многие из которых имеют названия. В них отражаются:

- особенности рельефа: Большое Каменное;
- почвы: Малое Торфяное;
- воды: Моховое, Кислое;
- внешнее сходство: Горбатое, Зеркальное, Круглое;
- цвета: Белое, Зеленое, Южное Синьозеро;
- флора: Берёзовое, Морошкино, Ягодное;
- фауна: Журавлиное, Комарье, Тюлень;е;
- имена иноков: Большое Савватиево, Ионафаново, Иосифо, Исаино, Григорьево и др.

Архитектурный аспект, как и географический, состоит из различных пластов, так как формировался на протяжении всей истории строительства монастыря и продолжает создаваться в настоящее время. С учетом особенностей рельефа местности каждый новый архитектурный слой встраивался в окружающую природу, образуя с ней скитские и другие ансамбли.

Центральный комплекс Соловецкого монастыря построен на берегу бухты Благополучия и воспринимается как единый ансамбль только со стороны моря, когда корабли начинают входить в бухту. Узкая береговая полоса издали почти неразличима, и поэтому создается впечатление, что сказочной красоты купола церквей за монастырской оградой, стена и башни словно вырастают из воды, все более увеличиваясь при приближении к острову.

Набережная бухты Благополучия у монастырской стены имела парадный вид. Напротив Святых ворот монастыря находилась Царская пристань, от которой к воротам вела каменная мощеная дорожка. Слева от пристани стояла Просфорная часовня (не сохранилась). Украшением набережной являются часовни, поставленные в память о посещении монастыря царскими особами: Петром I – часовня во имя св. ап. Петра (Петровская), к югу от пристани; Александром II – часовня преп. Александра Невского (Александровская), построенная в 1858 г.; великим князем Константином – часовня св. равноап. Константина (Константиновская), к северу от пристани.

Монастырская стена, имеющая длину более километра и толщину около 6 метров, защищала монастырь от многократных нападений на остров шведов и англичан. Стена, строительством которой руководил монастырский мастер Трифон, сооружена из огромных валунов и гранитных камней, промежутки между которыми были заложены кирпичом и залиты известковым раствором [8]. Она соединяет в единый комплекс восемь башен: Корожную (1584–1598), Никольскую (1584–1598), Прядильную (1584–1598), Успенскую (1584–1598), Архангельскую (1584–1598), Белую (1584–1598), Квасоваренную (1621), Поваренную (1621). Одной из пяти сходных по конструкции угловых башен монастыря является Корожная (Корожня), расположенная на его северо-западном углу. Эта часть монастырской ограды находится на возвышенном участке, поэтому башня раньше использовалась как сторожевая. Об этом говорят и другие названия башни: Сторожевая, Флагштоковая. Она имела бойницы в четыре ряда. В новой истории Соловков ее называли Арестантской, так как «под ней долгое время была большая глухая подземная тюрьма, именуемая «Корожня» [12, с. 32].

Святые врата в крепостной стене закрывают вход в монастырь и являются границей, за которой открывается иная грань монастырского пространства: монастырский двор с посадками деревьев и цветов, создающими подобие рая. По определению М. Хайдеггера, бытие есть всякий раз бытие сущего. Вселенная сущего может по своим разным сферам стать полем высвечивания и очерчивания определенных предметных областей [13, с. 9]. Одна из таких областей, рассмотрение которой является следующим шагом нашего обзора, скрывается за стеной Соловецкого монастыря. Монастырь – это отдельный, невидимый для нас мир, иноки которого совершают ежедневно духовные подвиги. Закрытые монастырской стеной, отделенные от мирской жизни водами Белого моря, они стали на путь духовного совершенства, а это дорога к Богу. Они молятся за нас, так как Бог есть Любовь, а в монастыре мирской человек получает богоданную Любовь. Как считает Ю. В. Линник, «монастыри только номинально принадлежат нашему пространству-времени. Сущностно они расположены возле незримого средостения, разделяющего разные уровни бытия – дольний и горний» [14, с. 12].

Мы можем представить монастырь как модель мира, это «государство в государстве». В нем есть свои законы – устав монастыря, структура, четко организованное хозяйство, традиции. А. В. Лаушкин пишет, что на Соловках действовал строгий общежитийный устав. Насельники монастырей-общежитий (киновий) жили сплоченными общинами, вместе молились, старались служить друг другу, вели общее хозяйство и имели совместную трапезу. Такая трапеза, на которую собиралась вся братия и где всем подавалась одинаковая «ядь», была одним из зримых символов киневии, укрепляла в насельниках чувство братского единства [15, с. 80].

Главную роль в оформлении семантики пространства монастыря как модели мира играл Кремль. Соловецкий Кремль – это монастырская стена с башнями, а также внутреннее пространство, открывающееся нам за Святыми воротами. Кремль формировал Монастырский двор, представлявший собой неправильной формы пятиугольник, который делится келейными корпусами на три неравные части, выполняющие различные функции.

Центральную часть двора можно назвать Храмовой площадью, так как именно здесь находятся главные храмы Соловецкого

монастыря. Как уже отмечалось, строя монастырь, монахи создавали свой мир, точнее модель мира, соотношенную с христианской верой. Основой этой модели мира стала духовная составляющая, отражающаяся в семантике *месторасположения, форм и названий храмовых построек*.

Так, над Святыми воротами возвышается глава надвратной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы (1596–1601), домово́й церкви настоятеля, покои которого через переход соединялись с алтарем, церкви, построенной под руководством монаха Трифона (Кологривова). Благовещение – один из главных христианских праздников, основанный на сюжете евангельской легенды о «благой вести» деве Марии: о рождении у нее Сына, Спасителя, которую сообщил ей архангел Гавриил. Это событие считается важнейшим шагом к спасению всего человечества, поэтому Благовещенская церковь является надвратной, она указывает путь к спасению каждому, кто пройдет под ней сквозь Святые ворота. Название церкви «Благовещение» перекликается с названием бухты «Благополучия», основой которых является слово «благо». И если в бухте Благополучия путник только настраивается на Благодать, то, пройдя через Святые ворота с Благовещенской церковью, он может ощутить особое состояние – Благодать, когда погружается в себя, в свои мысли о грехах, о спасении, о возможности общения с Богом, когда понимает, что его прошлая жизнь где-то далеко за монастырской стеной, за морем, может быть, ее и не было, а реальная настоящая жизнь именно здесь: рядом с величественными храмами и проходящими мимо молчаливыми монахами.

Напротив Благовещенской церкви находится храмовый ансамбль с церквями, получившими названия в честь престольных праздников: Преображения, Успения Богородицы, Троицы.

Первым каменным сооружением в монастыре была Успенская церковь (1552–1557) с примыкающей к ней одностолпной Трапезной палатой и Келарской палатой. Название церкви связано с христианским праздником Успения Богородицы, который отмечается православными 15 (28) августа как день памяти Божьей Матери. На Руси издавна этот праздник совпадал с народными гуляньями, связанными с окончанием жатвы хлебов.

В северо-восточном подклете Трапезной палаты устроена церковь Рождества Пресвятой Богородицы (1859) в память о

видении св. Филиппу иконы Божией матери. Эта икона стала называться Пресвятой Богородицы «Хлебенная», или «Хлебная» («Запечная»). Она явилась соловецкому иноку Филиппу, будущему митрополиту Московскому, в пекарне Соловецкого монастыря, где он исполнял свое послушание. Церковь находится на месте явления иконы, под братской трапезной.

Ядром, организующим семантику пространства Кремля, является поставленный на высоком подклете трехъярусный Спасо-Преображенский собор (1558–1566). Преображение является главным храмовым праздником Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря, который отмечается 6 (19) августа и был приурочен на Руси к празднику сбора яблок в садах, поэтому его называют также «Яблочный спас». Спасы – это названия православных праздников, связанных со «спасителем» Иисусом Христом. По библейской легенде, преобразование Иисуса произошло однажды на горе, где Иисус был со своими учениками и молился, вдруг «вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею. И был из облака глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте» [16, с. 75, 76]. Согласно описанию архимандрита Досифея, первая деревянная церковь во имя Преображения Господня, с приделом Святителя и Чудотворца Николая, была построена на том самом месте, где преп. Зосиме было видение на небесах. По их наименованию и монастырь сначала назывался «обителью святого Спаса и святого Николая» [10, с. 45]. Память об основателях монастыря преподобных Зосиме и Савватии сохранилась в названии другого храма – Свято-Троицкий Зосимо-Савватиевский собор (1859), где и находятся их святые мощи.

Самым высоким зданием монастыря является 50-метровая колокольня (1777), в нижнем ярусе которой была устроена библиотека – Книгохранительная палата (1798). Между Троицким собором и колокольней находится пятиглавый трехъярусный храм во имя святителя Николая (1834), одного из наиболее почитаемых христианских святых. Между Спасо-Преображенским собором и Никольским храмом, над святыми мощами преп. Германа, построена церковь (1860), освященная в его честь.

Через Спасские ворота можно пройти в северную часть монастырского двора, имеющую хозяйственное назначение, что отражено в названиях расположенных здесь зданий XVI–XVII вв.:

Рухлядная (палата), Столярные (мастерские), Рыбный (амбар). В двухэтажном доме в центре двора размещалась Кожевенная кладовая, где иноки обрабатывали и хранили кожу. В Чоботной (Портной) палате, стоящей справа, шили одежду и обувь для братии и приезжих работников. Название палаты «Чоботная» произошло от слова чёботы (в словаре В. Даля: «чёбот – мужская и женская обувь, высокий башмак по щиколотки, ботики с острыми кверху носками; женские коты с каблуками, иногда с медными закаблучьями» [17, с. 643]. На верхнем этаже Иконописной палаты (1615) была устроена церковь в честь иконы Пресвятой Богородицы «Утоли моя печали» (1906). В XIX в. между Иконописной и Чоботной палатами строится Столярный корпус, а в начале XX в. рядом с Никольскими воротами была открыта Никольская гостиница (Гостиница для почетных паломников).

Северную и южные части монастырского двора объединяют здания, расположенные с восточной стороны вдоль берега озера Святое. Названия находящихся здесь башен, ворот и корпусов раскрывают нам деятельность монахов, связанную с приготовлением пищи как для монахов, так и для паломников: Поваренная (башня), Поваренные (ворота); Братская Кухня; Трапезная (палата), Квасоварня. По подземному Квасоваренному каналу в монастырь поступала пресная вода из Святого озера.

Храм во имя св. Филиппа, митрополита Московского, объединяет знаково-смысловое пространство центральной и южной частей монастырского двора. Названия расположенных здесь корпусов указывают на банно-прачечную деятельность соловецких монахов: Баня братская, Прачечный (корпус), Портомойня. Здесь же находится здание Монастырской мельницы (1601). В середине XVI в. по велению св. игумена Филиппа несколько десятков соловецких озер были соединены каналами, из которых вода поступала в Святое озеро, а из него по Мельничному каналу шла к мельнице. Здесь же находится трехъярусное устройство с названием «Сушило», где просушивали привезенное с материка зерно. Позднее Сушило было объединено с башней Сушильной (1584–1598), которую также называют Белой, так как из-за оседавшей на ее стенах муки с мукомольной мельницы она становилась белого цвета.

Хозяйственные зоны также были включены в знаково-смысловую структуру пространства монастыря. Основной

комплекс хозяйственных построек расположен за воротами Кремля как на берегу бухты Благополучия, так и вдоль берега Святого озера и не имеет строгой регулярной застройки. Структуру хозяйственного пространства монастыря можно разделить на три зоны: Прибрежную (Морская), Прибрежную (Озерная), Лесную.

Прибрежная (Морская) зона включает различные постройки, расположенные на берегу бухты Благополучия и имеющие, в первую очередь, отношение к промысловой деятельности монастыря. Здесь находились амбары и погреба для засаливания и хранения рыбы, смоления канатов, хранения гребных судов и орудий лова, а также различные мастерские и заводы. Улов соловецкой селедки доставляли в монастырь через Рыбные (Сельдяные) ворота на западной линии Монастырской стены. С западной стороны бухты Благополучия расположен небольшой узкий мыс с названием Сельдяной, к небольшой пристани которого подходили рыболовные суда. Здесь находились здания, связанные с морским хозяйством обитатели, промыслом морских животных: Такелажный амбар, Погреб для смоления канатов, Салотопенный завод, где вытапливали жир морских животных и др.

В структуру пространства Прибрежной (Морской) зоны входят также жилые строения, играющие в организации монастырского бытия не менее важную роль, чем хозяйственные. Монастырская экономика и его обширное хозяйство строились и развивались не только трудами монашествующих, но и с помощью значительного количества паломников и трудников, для проживания которых были построены специальные здания, различные корпуса для наемных работников и братии, расположенные как на Большом Соловецком острове, так и на других островах архипелага: Никольский; Сергиевский Келейный, Корпуса для Годовиков; Корпус для Трудников и др. На Соловецких островах были также построены гостиницы Архангельская (Деревянная), Петербургская, Преображенская. В конце XIX в. рядом с Преображенской гостиницей строится причал Новый Монастырский. Завершающим звеном в организации хозяйственного пространства Прибрежной (Морской) зоны является Биологическая станция (1881–1882), устроенная в здании Сельдяной избы, с открытой позднее в ней аквариумной комнатой.

Прибрежная (Озерная) зона. К востоку и югу от монастырской стены размещались также различные службы, включающие

как хозяйственные, так и жилые постройки. В основном они были связаны с сельскохозяйственными работами монастыря и размещались вдоль берегов озера Святое. Название озера Святое связано с обрядом освящения его вод и окунанием в нем паломников перед посещением монастыря. По описанию архимандрита Досифея, «Святое озеро содержит в себе воду отменно чистую, на вкус легкую и здоровую. Все вообще Соловецкие благоговейные поклонники непременно для себя долгом считают исполнять то издревле заведенное обыкновение, чтобы по прибытии своем на Соловки, не токмо не входить в монастырь, прежде нежели обмоются из сего озера, или совершенно в нем окупаются, не смотря ни на какую погоду, к коему и спешат идти прямо, сошедши с судов» [10, с. 19]. Досифей отмечает, что многие больные после окунания в Святом озере чувствовали облегчение, так как его воды дважды в год освящают погружением Святого креста.

О хозяйственной деятельности Соловецкого монастыря рассказывают топонимы: Кобылья (губа), Сенные Луды (острова), Амбарное (озеро). На старой Монастырской улице находился Овощной (Луковый) корпус, небольшое деревянное здание, где хранились монастырские урожаи.

Как отмечает В. Н. Матонин, планировка современного поселка на Соловках сложилась в XVI в. Архитектурный ансамбль монастыря зафиксировал такое соотношение строений на его территории, которое свидетельствует о духовных основаниях бытия. В архитектурной среде Кремля и поселка человек перестает ощущать время и объективные масштабы пространства. Иллюзорности восприятия реальности по причине световой рефракции из природного явления перетекают в особый характер мироощущения тех, кто по своей или по чужой воле попадает на Соловки. Большое кажется маленьким, а маленькое – большим. Люди напоминают острова. Каждый – автономная личность, тяготеющая к сообществу и противопоставленная ему [18, с. 229].

Говоря о Лесной зоне, необходимо указать, что остальные, не менее важные монастырские службы, находились на значительном расстоянии от Соловецкого Кремля и образовывали небольшие ансамбли построек специального назначения. Так, например, на западном берегу озера Гагарье (Банное) размещалось монастырское банное хозяйство, состоящее из бани Монастырской, деревянной

избы Портомоиня и деревянной бани Мирская. На берегу озера также издавна занимались переработкой кож, здесь стояли жилые деревянные помещения, а в конце XIX в. был построен Кожевенный завод.

Отдельно необходимо коснуться семантики пространства скитских ансамблей. Всего в монастыре было семь скитов, два из которых, Вознесенский и Савватиевский, находятся на Большом Соловецком острове. На Анзерском острове устроены Голгофо-Распятский и Троицкий скиты, на острове Большая Муксалма – Сергиевский скит, на Большом Заяцком острове – Андреевский скит. На острове Конд в Онежской губе Белого моря, после его передачи в 1897 г. указом царя Николая II Соловецкому монастырю, был основан Никольский скит. Все скиты отличаются не только своим местоположением, но и целью создания, основными видами деятельности, доступностью для посещения их паломниками. Скиты создавались, в первую очередь, в местах бывших поселений отшельников – в пустынях, например: Савватиевский, Голгофо-Распятский и Андреевский скиты Соловецкого монастыря.

Таким образом, в архитектонике пространства Соловецкого монастыря можно выделить четыре пласта. Первый пласт охватывает период от основания монастыря в XV в. до начала XX в. Он является основой монастырского комплекса и семантики его пространства, в целом сохранившейся до наших дней. В этот период строятся храмы, часовни, дороги, скиты. Возводятся многочисленные строения, имеющие для монастыря хозяйственное значение: мастерские, погреба, сараи, бани и др. Это время является созидательным, так как, несмотря на случившиеся в монастыре пожары, вся деятельность иноков монастыря была направлена на его организацию: сохранение уже созданного пространства, его расширение, надстраивание и закрепление в новых архитектурных формах.

Второй пласт сформировался в период с 1917 по 40-е гг. Этот период истории Соловецкого монастыря является во многом трагичным и противоречивым, так как он характеризуется закрытием монастыря, забвением его храмов. Так, в результате пожара в мае 1923 г., начавшегося на чердаке Казначейского корпуса, над канцелярией совхоза, полностью выгорели Успенский и Никольский храмы, верхние приделы Спасо-Преображенского

собора, колокольня, 40 % жилых корпусов, галереи-переходы, в помещении библиотеки, архива и живописной мастерской не осталось ничего [19, с. 12].

В архитектонике монастырского комплекса появляется новый слой, связанный с основанием на Соловецких островах Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН), который размещался в основном в келейных корпусах и других монастырских постройках. Это были лагерные пункты: Савватиево, Исаково, Овсянка и др. Храмы и кельи использовались в качестве изоляторов для содержания заключенных, например: ШИЗО – мужской штрафной изолятор на Секирной горе (Свято-Вознесенский скит). Монастырь назывался в это время Кремлем. Настоятельский корпус занимали лагерная комендатура и канцелярия, Свято-Троицкий собор – карантинная 13-я рота, женбарак размещался в Архангельской гостинице. Никольский, Дрововозный, Луковый, Германовский корпуса занимали солдаты Соловецкого полка (СОП), в Иконописной палате размещались санчасть и лазарет и т. д. Как отмечает Ю. А. Пеньков, в первые годы деятельности СЛОН были построены: здание лагуправления, бараки рабочего городка (к югу от монастыря, вдоль современной улицы Заозёрной) и карантинного городка (к северу, в начале нынешней Северной улицы) [20; 24, с. 110].

В топонимии Соловецких островов появляется новый слой названий, характеризующий данный период: Первое (Кремлевское) отделение, Пушхоз, Центрокухня, Кирпзавод – лагерный пункт СЛОН (Лагпункт, Кирпичный завод); КВЧ – культурно-воспитательные части, КВО – культурно-воспитательные отделы, СОК – Соловецкое общество краеведения, СРАМ – Союз Работников Анзерской Музы и др. Некоторые объекты были переименованы и получили новые названия: Святое (озеро) – Кремлевское (озеро), Святые (ворота) – Пожарные (ворота) и др.

Третий пласт начал формироваться в 40-х гг. XX в., после закрытия в 1939 г. тюрьмы на Соловках. Это топонимы военного времени: Аэродром малой авиации Северного флота (остров Большая Муксалма, Сергиевский скит, 1939–1950-е гг.); Запасные позиции УО СФ (остров Большая Муксалма, Сергиевский скит, 1939–1950-е гг.); Огневая позиция УО СФ с сокопами и ДЗОТами (гора Фавор, 40-е гг.); Оружейная башня (Башня корабельного орудия, 40-х гг. XX в.) и др. В 1940–1957 гг. на Соловецких островах

размещался Учебный отряд Северного флота и Соловецкая школа юнг. Создание этого пласта продолжилось и в советский послевоенный период. Воинская часть находилась на Соловках до 1991 г. В 1967 г. здесь был создан Соловецкий историко-архитектурный музей-заповедник – филиал Архангельского областного краеведческого музея, реорганизованный в 1974 г. в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

Четвертый пласт стал формироваться после открытия в 1990 г. Спасо-Преображенского Соловецкого ставропигиального монастыря и продолжает оформляться в настоящее время. Этот пласт можно назвать восстановительным, так как он связан с возрождением монастыря, проведением реставрационных работ, направленных на спасение монастырских памятников, среди которых: Успенский трапезный комплекс, Спасо-Преображенский собор, Портная палата, Чоботная палата, Белая башня и др. Сегодня восстановлены и являются действующими Свято-Вознесенский скит (на горе Секирной), Савватиевский скит (Большой Соловецкий остров); Голгофо-Распятский и Свято-Троицкий скиты (остров Анзер).

Заключение. Подводя итоги, отметим, что знаково-символические аспекты пространства Соловецкого монастыря, частью которого являются топонимы, организованные вокруг Кремля на Большом Соловецком острове и на других островах Соловецкого архипелага, имеют сложную структуру, которая оформлялась на протяжении многих веков, разрушалась, строилась, перестраивалась, надстраивалась, но не исчезла, а сохранилась и продолжает развиваться в настоящее время. Пространство монастырского комплекса представляет собой многослойную структуру, отразившую противоречивые воздействия истории, включая ее драматические и переломные моменты. Такое пространство, первоначально сформированное монахами как модель христианского мира, имеет свою целостную структуру, а также противоречивую «патину времени», отражающего историческую биографию монастырского пространства.

Библиографический список

1. Михайлова Л. В. Преображение Русского Севера : монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 112 с.

2. Михайлова Л. В. Семиотическое культурное пространство Соловков // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 3. С. 126–132.
3. Михайлова Л. В. Соловки // Русская речь. Из истории русского языка. 2019. № 3. С. 73–82. DOI: 10.31857/S013161170004463-8.
4. Кондаков И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие. Серия Культурология, XX век. СПб., 2014. № 4. С. 533–544.
5. Пришвин М. М. Весна света. М.: Молодая гвардия, 1953. 591 с.
6. Богуславский Г. А. Острова Соловецкие. Архангельск: Северо-Западное книжн. изд-во, 1966. 164 с.
7. Фёдоров П. Ф. Соловки. Кронштадт: Типография «Кронштадтского вестника», 1889. 368 с.
8. Мартынов А. Я. О древнем освоении островов Белого моря. URL: <http://> <https://www.liveinternet.ru/community/2336672/post75986350/> (дата обращения: 05. 02. 2020).
9. Соловецкий патерик, Соловки: Спасо-Преображенский Соловецкий ставропигиальный мужской монастырь. Соловки: Изд-во Соловецкого монастыря, 2010. 224 с.
10. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М.: Университетская Типография, 1853. 724 с.
11. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры : автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 1998. 74 с.
12. Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья. Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1975. 184 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2006. 451 с.
14. Линник Ю. В. Игумен Харитон. Петрозаводск: Полимусейон, 2012. 16 с.
15. Лаушкин А. В., Аксютин-Лаушкина В. В. Соловецкий монастырь и его ближайшие окрестности: Пешеходный путеводитель. М.; Соловки: Товарищество Северного Мореходства; Паломник, 2010. 216 с.
16. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические с параллельными местами. М.: Библейская Лига, 2009. 292 с.
17. Даль В. Толковый словарь русского языка: современное написание. М.: АСТ: Астрель; Люкс, 2005. 730 с.
18. Матонин В. Н. «Соловки» как образ и символ // XVII Ломоносовские международные чтения. Вып. 2: Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск: ПГУ, 2006. С. 216–238.
19. Соловки. Соловецкое наследие в прошлом, настоящем и будущем России. Соловки: Изд-во Соловецкого монастыря, 2015. 80 с.

20. Пеньков Ю. А. Другие Соловки. Заметки о невидимой стороне острова. М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. 176 с.

References

1. Mihaylova L. V. *Preobrazhenie Russkogo Severa: monografiya* [Transfiguration of Russian North: monograph]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, 112 p. (In Russ.).

2. Mihaylova L. V. Semioticheskoe kulturnoe prostranstvo Solovkov [Semiotic cultural space of Solovkov]. *Vestnik SAFU. Seriya «Gumanitarnye i sotsialnyie nauki»* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2015, no. 3, pp. 126–132 (In Russ.).

3. Mihaylova L. V. Solovki [Solovki]. *Russkaya rech. Iz istorii russkogo yazyika* [Russian speech. From history of Russian], 2019, no. 3, pp. 73–82 (In Russ.). DOI: 10.31857/S013161170004463-8 (In Russ.).

4. Kondakov I. V. Arkhitektonika kulturnogo naslediya [Architectonics of cultural legacy]. *Kulturogenез i kulturnoye naslediyе. Seriya Kulturologiya, XX vek.* [Kul'turogenез and cultural legacy. Series Kul'turologiya, XX]. Saint Petersburg, 2014, no. 4, pp. 533–544 (In Russ.).

5. Prishvin M. M. *Vesna sveta* [Spring of the light]. Moscow, Young Guard Publ., 1953, 591 p. (In Russ.).

6. Boguslavskij G. A. *Ostrova Soloveckie* [Solovetsky Islands] Arkhangelsk, North-West Book Publishing House, 1966, 164 p. (In Russ.).

7. Fyodorov P. F. *Solovki*. [Solovki]. Kronstadt, Printing House of the Kronstadt Herald, 1889, 368 p. (In Russ.).

8. Martynov A. Ya. *O drevnem osvoenii ostrovov Belogo morya* [On the ancient development of the White Sea islands]. (In Russ.). Available at: <http://internet.ru/community/2336672/post75986350/> (accessed 20.02.2019).

9. *Soloveckij paterik* [Solovetsky Paterik]. Solovki: Transfiguration of the Savior Solovetsky Stauropegial Monastery. Solovki, Publishing house of Solovki monastery, 2010. 224 p. (In Russ.).

10. Dosifej. *Geograficheskoe, istoricheskoe i statisticheskoe opisanie stavropigial'nogo pervoklassnogo Soloveckogo monastyrya* [Geographical, historical and statistical description of the stavropegic first-class Solovetsky monastery]. Moscow, University Printing House, 1853, 724 p. (In Russ.).

11. Kondakov I. V. *Arhitektonika russkoj kul'tury. Avtoref. dokt. dis.* [Architectonics of Russian culture. Dr. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1998, 74 p. (In Russ.).

12. Frumenkov G.G. *Solovetskiy monastyrir i oborona Belomorya* [Solovetsky Monastery and Defense of Belomorya]. Arkhangelsk, Northwest Book Publishing House, 1975, 184 p. (In Russ.).

13. Hajdegger M. *Bytie i vremya*. [Being and time]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006, 451 p. (In Russ.).

14. . Linnik Yu. V. *Igumen Hariton* [Abbot Hariton]. Petrozavodsk, Polymuseum, 2012, 16 p. (In Russ.).

15. Laushkin A. V., Aksyuchin-Laushkina V. V. *Solovetskiy monastyr i ego blizhayshie okrestnosti: Peshehodnyiy putevoditel* [Soloveckiy monastery and his nearest environs: Pedestrian guide-book]. Moscow; Solovki, Association of North Navigator, Pilgrim, 2010, 216 p. (In Russ.).

16. *Bibliya. Knigi svyaschennogo pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie s parallelnymi mestami* [Books of scripture of Old and New Testament. Canonical with parallel places]. Moscow, Biblical League Publ., 2009, 292 p. (In Russ.).

17. Dal V. *Tolkovyy slovar russkogo yazyika: sovremennoe napisanie* [The Interpretive Dictionary of the Russian Language: Modern Spelling]. Moscow, AST: Astrel: Lyuks, 2005, 730 p. (In Russ.).

18. Matonin V. N. «*Solovki*» *kak obraz i simbol* [“Solovki” as an image and symbol]. *XVII Lomonosovskie mezhdunarodnye chteniya. Vypusk 2: Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [XVII Lomonosov international readings, Issue 2: Pomeranian readings on semiotics of culture]. Arkhangelsk, Pomor State University Publ., 2006, pp. 216–238. (In Russ.).

19. *Solovki. Solovetskoe nasledie v proshlom, nastoyaschem i buduschem Rossii* [Solovki. Legacy of Solovki in the past, present and future of Russia]. Solovki, Publishing house of Solovki monastery, 2015, 80 p. (In Russ.).

20. Penkov Yu. A. *Drugie Solovki. Zаметki o nevidimoy storone ostrova* [Other Solovki. Notes on the invisible side of the island]. Moscow, Your Printing Partner Publ., 2012, 176 p. (In Russ.).

Räihä Helge¹, von Post Christina¹, O. N. Ivanishcheva²

¹ Örebro University, Sweden;

² Murmansk Arctic State University, Russia

Contemporary Sociolinguistic Situation with Minority Language: a case study of Finland Swedish in Finland

Purpose of Work. The aim of this pilot study is to explore the significance of different local contexts for classification of the learning of a minority language, in this case the possibilities of applying the term second language on Finland Swedish in Finland.

Research Questions. Is it possible to use the term second language when learning Finland Swedish in different regional contexts in Finland? What are the theoretical implications of the results?

The Research Methods. The method is rational reconstruction. The included terminology and the context of its application are illustrated through a fictitious case study that is used as a heuristic tool.

The Material. Official national documents

The Result. The results show that contextual prerequisites differ considerably between varieties of Finland Swedish in Finland and that these differences are crucial for adequate terminological choices. Examples of this are that there are no clear cases when the learning of Finland Swedish can be accounted as second language learning. Åland and Nerpes are examples of these unclear cases while Helsinki is an example of a case where second language learning is impossible. The results indicate that there is a need for more research on the applicability of common linguistic terminology on small minority languages.

The Scope of the Results and Research Prospects. The results point out the need of new research in order to develop a more contextual sensitive terminology in case of small minority languages

Keywords: second language, minority language, pluricentric language, Finnish Swedish, Ålandic, Nerpes-dialect

Рэйхе Хельге¹, вон Пост Кристина¹, О. Н. Иванищева²

¹ Эребру университет, Швеция;

² Мурманский арктический государственный университет, Россия

Шведский язык в Финляндии: Современная социолингвистическая ситуация с языком меньшинств (на примере финского шведского в Финляндии)

Целью статьи является исследование региональных контекстов в области изучения языка меньшинств, в данном случае возможности применения термина «второй язык» (финский шведский) для языка меньшинства в Финляндии.

Исследовательские вопросы: можно ли использовать термин «второй язык» при изучении финского шведского в различных региональных контекстах в Финляндии? Каковы теоретические последствия такого применения?

Методы исследования: рациональная реконструкция, включая использованную терминологию и контекст ее применения, проиллюстрирована на примере созданной модели, используемой в качестве эвристического инструмента.

Материал исследования: официальные национальные документы.

Результаты показывают, что контекстуальные предпочтения значительно различаются между разновидностями финского шведского языка в Финляндии и что эти различия имеют решающее значение для адекватного терминологического выбора. Доказательством этому может служить отсутствие явных случаев, когда изучение финского шведского можно отнести к изучению второго языка. Оланд и Нерпес являются примерами этих неясных случаев, в то время как Хельсинки является примером случая, когда изучение второго языка невозможно. Результаты показывают, что существует необходимость в дополнительных исследованиях применимости общей лингвистической терминологии к языкам меньшинств.

Полученные результаты подтверждают необходимость новых исследований для разработки более контекстно-зависимой терминологии в случае языков меньшинств.

Ключевые слова: *второй язык, язык меньшинства, плюрицентрический язык, финский шведский, оландский, нерпес-диалект.*

Introduction. This current study is the second pilot study of the international research network project Digital multiliteracies, integration, language and mutual cultural learning investigating integration, migration and digitalization. The participating countries of the network are Lithuania, Moldova, Rumania, Russia and Sweden. The first pilot study studied Nordic second language teachers' attitudes and values concerning second language education and the migrant's citizenship. The re-

sults showed great differences in attitudes between the countries despite their linguistic, cultural, societal and geographic proximity (von Post, Wikström, Rähä & Liubiniene 2017). The current study is the next step in studying the differences by seeking explanations and describing some of the consequences. This is done by departing from the national context of teaching migrants Swedish as minority language in Finland, and at the same time having Swedish as a majority language in Sweden and considering the neighbor's potential impact on the teaching of its minority variant in Finland. First, some introductory notes on the terminology used in this article regarding Swedish language in Finland and in Sweden. Finland Swedish is a national minority language in Finland, Sweden Swedish is a majority language in Sweden, Ålandic is majority language in Åland, an autonomous region in Finland, and Närpes dialect is a minor, but local majority, dialect in Finland. The varieties of course also appear outside their typical locations, for example Finland Swedish in Sweden, and in that context Finland Swedish is a Swedish minority language in Sweden. This complex terminology is a reflection of the complexity of language learning in an international context. This current study is also claims that this complexity can be used as a starting point for developing a terminology more in line with teachers needs when they are teaching migrants local languages as a part of their inclusion and integration into local and transnational contexts (see Rähä 2008).

Purpose of the Study. The aim is to explore the significance of different local contexts for classification of the learning a minority language, in this case the possibilities of applying the term second language on Finland Swedish in Finland.

Research Questions. Is it possible to use the term second language when learning Finland Swedish in different regional contexts in Finland? What are the theoretical implications of the results?

Research Methods. The research is carried out by using a fictitious case study as a heuristic tool for describing prerequisites for learning Finland Swedish in Finland. The method can be characterized as a reflexive reconstruction. Habermas (1988, p. 85) refers to this type of method as rational reconstruction, including the terminology used and the context of its application. The central term in this study is second language and the empirical context reconstructed for its application is the language situation of Finland Swedish in Finland. The case study is used for illustra-

ting the possibilities of using the term second language for describing the learning of Finland Swedish in Finland.

One of the theoretical motifs for choosing the term second language as a starting point is the notion of Skutnabb-Kangas (1981) that what is first or second language is complicated to determine and influenced by the context. The latter notion also gives us the reason to explore the contexts of its application. The emergence of more recent views, such as Translanguaging (Garcia & Wei 2014), gives a further reason for scrutinizing traditional terms which can be seen as theoretical tools for our understanding.

Results. Three Swedish contexts in Finland. We use a fictitious case, in which two people migrate to Finland, in order to arrive at our results. One of these persons has Swedish as her first language and the other person has Swedish as a second language and Finnish as a first language. Both of these persons have decided to learn Finland Swedish during their stay in Finland. They will spend their first half year on Åland, the second in Helsinki and the third in Närpes, a region of Finland. This fictitious case is realistic in the sense that if the authors of this article were to move to Finland we would have the persons used in the case study. Initially we will use the traditional terminology concerning language learning, such as first language, second language and foreign language. While using this terminology, we will also reflect on the use of these terms in the Finnish and Swedish contexts, at the same time being aware that they may not be fully compatible with the contexts explored in this study.

Swedish in Finland and Sweden. Swedish in Finland and Sweden can be seen as a typical case of asymmetric pluricentric language. In the current study the language studied is spoken in Sweden, Finland and autonomous Åland. Swedish spoken in Sweden is the dominant variant, based on its number of speakers and historical, cultural and political dominance, while the other varieties, in our case Ålandic, and other varieties of Swedish are much smaller in comparison. Asymmetric pluricentric languages are described in detail in Muhr (2005, p. 12).

In our study we mainly focus on Swedish in Finland. As far as the Swedish is concerned, it should be borne in mind that Sweden Swedish is a majority language in Sweden and its official status is main language (but not national language), while the Finland Swedish in Finland is both a national language, a minority language and also a local majority language. However, the official name is only Swedish both in Sweden and in

Finland (Parkvall 2009). Thus, the above-mentioned complexity does not appear explicitly in formulations in the countries' language legislation.

Nationally, only a few percent of the population have Swedish as their first language in Finland, while in some parts of Finland, for example in Åland with local autonomy, 88% have Swedish as their mother tongue (ÅSUB 2014). It may be mentioned that this is a higher percentage than in Sweden where the percentage is around 80% (Parkvall 2009). Statistics (Eurostat 2016) also show that 97% of Swedish speakers in Sweden speak at least two languages, which is the highest number of multilinguals in the EU. These types of figures may seem as plain and simple truths about conditions in a particular country, but questions about who speaks a particular language can prove to be complex. The question of whether it is the same Swedish spoken in Sweden and Finland is an example of this. One may ask whether the Finland Swedish and its varieties are Swedish dialects or whether some or all of these should be seen as their own languages. Already the discussion about which varieties should be included in the Finland Swedish is both complex and sensitive. When Els Oksaar, an Estonian professor in linguistics, argued that Ålandic should be seen as an independent language, it aroused strong feelings and a heated debate in Finland (Lönnroth 2004, p. 136). The complexity of these types of questions is also linked to the applicability of linguistic terms, such as second language, and their suitability to act as a tool of thought for the professionals and as implicit theories of language and language learning in these kinds of contexts. Now let us take a closer look at what this complexity may look like in language training of migrants in Finland and other Nordic countries.

Ålandic as a second language in Åland. Our two fictitious migrants from Sweden first arrive in Åland. In order not to complicate the case description, we will not initially discuss the question of whether the Ålandic should be seen as a Swedish dialect, a variety of Finnish Swedish, a native language or something else. In the Åland Autonomy Act it is clear that the region is monolingual Swedish (FINLEX, Självstyrelselag för Åland). On the other hand, there is no definition of what the term Swedish denotes more explicit, but at the same time, the "one language only" policy is clearly stated. The latter is seen as problematic by the current research on language learning (see Garcia & We 2014), pointing out that "one language only" policy is impossible to achieve and harmful for individuals and

the society. (Lainio 1999, p. 139; Garcia & Wei 2014, p. 12). The Åland Self-Government Act thus provides no further guidance in this sense.

Since one of the migrants in our fictional case has Swedish as a second language and Finnish as a first language, one can ask if Ålandic can be learned as a second language by that person. In view of the fact that 88% of the population of Åland has Ålandic as first language (ÅSUB 2014) this should be considered as possible. One of the criteria for second language learning is that the new language is learned in a natural context where the language is spoken in one's everyday life (Hammarberg 2013, p. 28). Thus, there are no such obstacles to learning Ålandic as a second language since it is used by most Ålanders. On the other hand, if Åland is seen as part of Finland, the question of second language becomes more complex, since Swedish in Finland in general is only spoken by about 5% of the total population compared to Finnish spoken by about 88% of the population. The other minority languages make up the rest and Russian is the largest of these, about 1.5% of the speakers in Finland (Statistikcentralen Finland, Befolkningen efter språk 2019). It can also be mentioned that the Finland Swedish is also spoken in Sweden by about 55,000 people (Parkvall 2009, p. 24). Finland Swedish nevertheless does not have a national minority language status in Sweden. Sweden's attitude in this case could be seen as a hidden monolingual norm (Lainio 1999, p. 182), in contrast to the Åland's more explicit monolingual norm.

Here, however, one can see that the group of Finland Swedish speakers is hardly big enough nationally to be able to constitute a proper context for second language learning, except locally in Åland. The question of the context of language learning in Åland will also be difficult to answer in case of our second fictional migrant who has Swedish as a first language. Among other things, the answer is related to the choice of views on the Ålandic in relation to the Swedish. Some such views consider Ålandic as a dialect to the Swedish in Sweden, i.e. a kind of Sweden Swedish minority language in Finland or alternatively a dialect of the Finnish Swedish, i.e. a Finnish-Swedish minority language, or perhaps a separate Ålandic majority language. However, none of these would constitute the typical case for the context of second language learning if the migrant has Swedish as a first language. In an inverted perspective, Ålandic also does either not constitute the typical case for a foreign language or a minority language or a second language in Sweden. If, on the other hand, the Ålandic was recognized as its own language, as, for example, Oksaar suggests (Lön-

nroth 2004, p. 136), it could constitute a second language for all people migrating to Åland and who does not have it as a first language. Perhaps you could also argue that it would be the case also for migrants who have Sweden Swedish and Finland Swedish as a first language, let alone that they most probably would learn Ålandic much faster. But then again this situation is not the case at present.

What then, can we say about the Swedes' acquisition of Ålandic? It is reasonable to assume that a person who has Sweden Swedish as their mother tongue could experience that they are simply learning a dialect of Sweden Swedish. This can then not be counted as learning Swedish as a second language or Swedish as a foreign language. The experience of closeness between languages may vary, among other things, depending on which part of Sweden the person comes from or the person's attitudes to language or the person's and the surrounding's experiences of how the Swedish-speaking person fits into the category "migrant" etc. Skutnabb-Kangas (1981, p. 26) points out for example, that attitudes are important as criteria for what counts as a first or second language and that their relationship is dynamic and additive, and their mutual order can change during life. Finally, it can also be mentioned that Nordic citizens are hardly typical migrants in Åland, which is evidenced, among other things, by the fact that they don't need passport or visa to be able to move to Åland (Utrikesministeriet Finland). They can also obtain home-ownership rights (that is corresponding status to citizenship) after three years of residence (Landskapslag 2015). The Ålandic scenario suggests that the local contextual conditions are terminologically decisive for the question of how to label the migrants language learning. The question is whether these or other kinds of contextual premises are equally complex when we discuss other varieties called Swedish in Finland.

The Finland Swedish in Helsinki. The Finland Swedish in Finland's largest city of Helsinki is in a completely different situation compared to the Ålandic. According to our previous definition of second language Finland Swedish in Helsinki cannot be learned as a second language regardless of a person's first language. The number of residents having Swedish as their first language has been falling during the last 70 years in Helsinki, from 20% in 1950 to 5.7% in 2017 (Helsinki Statistical Yearbook 2017). These figures suggest that the Finland Swedish in Helsinki is learned by migrants as a foreign language. But there are at the same time conditions that complicate any simple conclusion. A potential objection

is that national languages in a typical case are learnt as second language and Swedish is a national language in Finland. The Finnish Constitution says clearly that Finland's national languages are Finnish and Swedish" (FINLEX, Självstyrelselag för Åland) and there is no distinction between Sweden Swedish and Finland Swedish and the formulation is the same as in the Åland Autonomy Act. Also, learning Swedish as a foreign language may sound strange from a Swedish-Swedish perspective, despite being learned in Finland, because Swedish is their mother tongue and the main language in Sweden. Now let's also look at how the learning of Finland Swedish in Helsinki may look like for migrants from Sweden. Most probably none of them will learn Finland Swedish as a second language because such a context is missing in Helsinki with Finnish as a large and dominating national language. In most everyday situations the residents in Helsinki need to master Finnish, this is also reflected in the school's governing document for Swedish schools in Finland, with the exception of Åland (Opetushallitus 1999).

Finland Swedish speaking people in Helsinki are often bilingual. This indicates that anyone who has Swedish as a second language can continue their development of Swedish in Finland, but hardly as a foreign language, since the person has already learned Swedish as a second language in Sweden and Swedish in Finland is a national language, and because there are no contextual second language prerequisites for this. All this is interesting when it comes to terminology of language learning and as it seems there might be a terminological gap in how to describe migrants learning of pluricentric languages such as Finnish-Swedish in Helsinki. This is also the case of describing the language learning of persons with Sweden Swedish as their mother tongue and the situation in Helsinki may also be similar to that in Åland, depending on how one defines the relationship between languages in Åland, Finland and Sweden. Terminology that hits just right thus seems to be missing in these cases. We will return to this potential terminological gap later on in our interviews of teachers in Helsinki.

The Finland Swedish as a second language in Närpes. Närpes is a Swedish speaking area on the Eastern Bothnia area in Finland where it is compulsory for people who want to become Finnish citizens to learn Närpes dialect (Helander 2015). Närpes dialect is a variety of Finland Swedish (Greggas Bäckström 2011, p. 17). It is interesting to compare the dialect in Närpes, Swedish in Sweden and the Swedish in the other

parts of Finland. Firstly, as we already noted, the language in Närpes is counted as a dialect to Finnish Swedish. It is only spoken in the Eastern Bothnia part of Finland but it is regarded as a national language, a minority language, a dialect of Finnish Swedes and as a compulsory language for integration. The question is then whether the Närpes dialect can be learned as second or foreign language if you are a Swedish migrant.

Since the local majority speaks Närpes dialect, it is possible to consider it as a second language for migrants. If we compare with Helsinki where the overwhelming majority speaks Finnish and where the contextual conditions point towards Swedish as a foreign language, then the local situation is quite the opposite in Närpes. The learner is surrounded by the Närpes dialect and migrants are expected to master it in order to become a Finnish citizen, and for living in Närpes. The situation for learning the Närpes dialect, despite relatively few speakers in total, is thus similar in some respects to the learning of the majority language Sweden Swedish in Sweden. But the situation is at the same time terminologically more complex if we consider that the Närpes dialect is not regarded as a language in its own right, but rather a dialect of Finland Swedish and also close to Sweden Swedish. It thus has similarities both with a minority language and with a majority language. Although the Närpes dialect can be counted as a dialect of both the Finnish and Swedish Swedes, it has specific rights besides that, which also makes it similar to a national language, among other things it can be learned as a compulsory second language, despite having relatively few speakers, about 8000 in total (Greggas Bäckström 2011, p. 19). We can again ask ourselves what term is appropriate for the language learning concerning our two fictional migrants. Contextually the person who learned Swedish as a second language in Sweden has a similar situation in Närpes since the majority context is similar to that in Sweden. The difference is the nationwide context, because the great majority of people in Finland speak Finnish and those who speak Swedish in Finland are almost always multilingual with Finnish as one of the languages. Migrants in Närpes usually learn Finnish later in their vocational training (Helander 2015, p. 69) as Finnish is entirely dominant outside of Närpes. The question is to what extent the second-language context in Närpes includes Finnish and in that sense is actually multilingual. The learning context for the Swedish in Närpes is thus geographically limited and includes multilingualism to a greater extent than, for example, Åland. It is also more difficult to answer how

Swedish migrants with Swedish as their mother tongue learn Närpes dialect. If persons with Sweden Swedish as their mother tongue perceive the Närpes dialect as a dialect of Sweden Swedish then it constitutes neither a second language nor a foreign language. However, the issue is more complex than this for both migrants who have Swedish as their first language and those who have Swedish as a second language. As we have already mentioned, one cannot use the inter-intelligibility as the decisive criterion. Furthermore, the inter-intelligibility may vary depending on where you come from and who you are. In the case of migrants from Sweden, for example, it may have to do with what part of Sweden a person comes from and the dialect spoken there. A comparison with Norwegian and the Danish is relevant in this case. They are counted as their own languages but are inter-understandable to the Swedish speakers. If one uses inter-intelligibility as criterion, it is not unreasonable that the Närpes dialect could be taught either as a Swedish dialect or as a second language depending on the person's first language. What seems less likely is that the Närpes dialect could be taught as a foreign language, regardless of whether the person has Swedish as first language or Swedish as a second language.

The conclusion is that the terminological question of how migrants learn Finland Swedish in Finland cannot be given a general answer, because the answer is always a local one. Åland is an example where the Finland Swedish can appear as a second language if the Ålandic is counted as Finnish Swedish. Helsinki is an example where the Finland Swedish appears to be learnt more like a foreign language and Närpes on the other hand is an example where learning the Finland Swedish is reminiscent of learning a local second language in a wider national majority language context. This kind of description is at the same time a simplification because it is difficult to describe in a simple way the learning context of a pluricentric language by using traditional terms such as second language.

Conclusion. The results of our reconstructions of local prerequisites for language learning show that there is no general answer to the question of how the learning of a small pluricentric language, such as Finland Swedish in Finland, should be labeled. As we have already seen the use of the term second language doesn't fit two of the three studied local contexts without reservations, Åland and Nerpes, and as we have also seen, it does not fit at all one of these, Helsinki. Skutnabb-Kangas (1981) notion that what is labeled as second language is heavily influenced by the context is

then corroborated in our reconstructive analyzes of the relation between the term and the three studied contexts. And from what we've seen so far, this can also be suspected to be the case for some other common terms. This is also in line with the above mentioned reasons for scrutinizing our traditional concepts as theoretical tools. Our results point toward that some of them, like the term second language may not correspond to some current needs as they are supposed to, because the language situation in some cases, indicated by the three cases that we scrutinized, seems to be more complex than our, in terminological sense theoretical, tools may give an impression of. The further follow up questions, such as what kind of terms and thinking will substitute terms like second language is not clear for the moment but the need of these kinds of developments is evident. Keeping in mind that Finland Swedish is a highly privileged minority language having the status of a national language for a country, an interesting follow-up study could be to explore how contextual circumstances and common linguistic concepts go together in case of even smaller and less privileged minority languages in Northern pluricentric transnational contexts, for example in case of Saami in the Barents region (see Ivanishcheva 2014).

References

1. Eurostat (2016). Available at: <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/-/EDN-20180926-1> (accessed 11.01.2020).
2. FINLEX, Självstyrelselag för Åland. Available at: [http://finlex.fi/sv/laki/ajantasa/1991/19911144?search\[type\]=pika&search\[pika\]=%C3%A5lands%20sj%C3%A4lvstyrelselag#L6](http://finlex.fi/sv/laki/ajantasa/1991/19911144?search[type]=pika&search[pika]=%C3%A5lands%20sj%C3%A4lvstyrelselag#L6) (accessed 11.01.2020).
3. García, Ofelia & Wei, Li (2018). *Translanguaging Flerspråkighet som resurs*. Stockholm: Natur och kultur.
4. Greggas Bäckström, Anna (2011). "Ja bare skriver som e låter" En studie av en grupp Närpesungdomars skriftpraktiker på dialekt med fokus på sms. Umeå: Umeå universitet.
5. Habermas, Jürgen (1988). *Kommunikativt handlande*. Göteborg: Daidalos.
6. Hammarberg, Björn (2013). *Teoretiska ramar för andraspråksforskning*. I Hyltenstam, Kenneth & Lindberg, Inger (2013). *Svenska som andraspråk – i forskning undervisning och samhälle*. Lund: Studentlitteratur.
7. Helander, Mika (2015). *Kan vi stå till tjänst? Integration på svenska i Finland*. Helsingfors: Unigrafia.

8. Helsinki Statistical Yearbook (2017). Available at: <https://www.hel.fi/uutiset/en/kaupunginkanslia/the+statistical+yearbook+of+helsinki+2017+no+w+available+in+english> (accessed 11.01.2020)
9. Ivanishcheva, Olga (2014). The Kola Saami Languages: Contemporary Sociolinguistic Situation. *Advances in Social Sciences Research Journal*, vol 1, no. 6, pp. 96-109.
10. Lainio, Jarmo (1999). Språk. Genetic och geografi – om kontinuitetsproblemet och debatten om finska som minoritetsspråk. In: Hyltenstam, Kenneth (1999). *Sveriges sju inhemska språk – ett minoritetsperspektiv*. Lund: Studentlitteratur.
11. Landskapslag (2015). Available at: <https://www.regeringen.ax/alandsk-lagstiftning/alex> (accessed 11.01.2020).
12. Lönnroth, Harry (2004). *Nordistikens historia i Finland*. Tampere: Tampere University Press.
13. Muhr, Rudolf (2005). Language Attitudes and language conceptions in nondominating varieties of pluricentric languages. In: Rudolf Muhr (ed.) (2005). *Standardvariationen und Sprachideologien in verschiedenen Sprachkulturen der Welt. / Standard Variations and Language Ideologies in different Language Cultures around the World*. Wien: Peter Lang Verlag.
14. Opetushallitus (1999). Toisen kotimaisen kielen opetuksen kehittämisen suuntaviivoja. *Kieltenopetuksen moniuolistamis- ja kehittämishanke*, 33/1999.
15. Parkvall, Mikael (2009). *Sveriges språk – vem talar vad och var?* Stockholm: Stockholms universitet.
16. Rähä, Helge (2008). *Lärares dilemman*. Örebro: Örebro universitet.
17. Skutnabb-Kangas, Tove (1981). *Tvåspråkighet*. Lund: Liber.
18. Statistikcentralen Finland, *Befolkningen efter språk* (2019). Available at: https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto_en.html#Population%20by%20origin,%20country%20of%20birth%20and%20language (accessed 11.01.2020).
19. Utrikesministeriet Finland. Available at: <https://um.fi/etusivu> (accessed 11.01.2020).
20. von Post, Cristina, Wikström, Patrik, Rähä, Helge & Liubiniene, Vilmanthe. (2017). Values and Attitudes of Nordic Language Teachers towards Second Language Education. In: *Sustainable multilingualism*, no. 10, pp. 194-212.
21. ÅSUB, Ålands statistik och utredningsbyrå. *Befolkningens språk, födelseort och medborgarskap* (2014). Available at: <https://www.asub.ax/sv/statistik/befolkningens-sprak-fodelseort-och-medborgarskap-31122014> (accessed 11.01.2020).

Д. В. Щербакова¹

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург

Цирковое искусство глазами отечественных печатных СМИ

XX век ознаменовался ростом количества печатных СМИ, появлением множества тематических журналов. Общество ощутило потребность в периодике как значимой силе общественной жизни. Бедственное положение артистов цирка конца XIX – начала XX в. привело к созданию профессионального союза, деятельность которого подкреплялась выпуском собственного журнала. Целью статьи стало исследование развития циркового искусства глазами отечественных СМИ, в частности тематических журналов. Проблема исследования заключается в том, какую информацию передают СМИ о цирковом искусстве, как происходит изменение социального статуса артистов цирка благодаря деятельности тематических журналов. В качестве метода исследования выбран контент-анализ отечественных журналов о цирке 1914–1993 гг. В результате исследования выяснилось, что специализированные журналы имели разные цели в разные периоды. При царской России – это желание артистов «единым фронтом» защищать свои интересы, иметь возможность трудоустройства и социальной защиты. В период советской власти целью изданий становится популяризация циркового искусства, прославление достижений советского народа во всех сферах. Журналы публикуют статьи о жанрах циркового искусства, обзоры программ. Со временем артист и его жизнь становятся темами выпусков. Цирк сам по себе является искусством, отражающим жизнь своего времени, события в стране. Артисты говорят со зрителем языком трюка, танца, пантомимой, пробуждая веру в силу человека, объединяя людей одной идеей. Меняются лидеры, меняется политический климат, и искусство не может оставаться в стороне от этих изменений. Проведенное исследование будет интересно как культурологам, историкам искусства, так и социологам.

© Щербакова Д. В., 2020

¹ Статья была представлена на XIV Международной научной конференции «Семиозис и культура: человек, общество, культура и процессы социальной трансформации» (6–7 декабря 2019 года, г. Сыктывкар), организованной институтом культуры и искусства СГУ им. Питирима Сорокина.

Ключевые слова: артисты цирка, социальная защита, популяризация, журнал, институционализация, культура, власть и искусство.

D. V. Shcherbakova

North-West Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

Circus Art Through the Eyes of Russian Print Media

The XXth century was marked by an increase in the number of print media, the emergence of many thematic magazines. Society felt the need for periodicals as a significant force in public life. The oppressed position of circus performers of the late XIX – early XXth centuries led to the creation of a trade union, the activity of which was supported by the release of its own magazine. The aim of the article was to study the development of circus art through the eyes of domestic media, in particular thematic magazines. The research problem is what kind of information the media transmit about circus art, how the social status of circus artists changes due to the activities of thematic magazines. The content analysis of domestic magazines and the circus of 1914–1993 was chosen as the research method. As a result of the study, it turned out that specialized journals had different goals in different periods. Under Tsarist Russia, it was the desire of entertainers to defend their interests with a united front, to be able to find employment and social protection. During the Soviet period, the goal of publications was to popularize circus art, to glorify the achievements of the Soviet people in all areas. Magazines published articles on genres of circus art, reviews of programs. Over time, the performer and his/her life become the themes of the releases. The circus itself is an art that reflects the life of its time, events in the country. Artists speak with the audience through the language of a trick, dance, pantomime, while awakening faith in the power of a person, uniting people with one idea. Leaders change, regimes change, and art cannot remain aloof from these changes. The study will be interesting to both art historians and sociologists.

Keywords: circus performers, social protection, popularization, magazine, institutionalization, culture, power and art.

Введение. Первый этап становления цирка как вида изящного искусства проходил достаточно тяжело. В период XVIII–XIX вв. он занимал незначительное место в иерархии видов искусств, он считался второсортным, «иллюзорным», что лишило цирк научного внимания и исследования искусствоведов. Вплоть до 20-х гг. XX в. не было написано ни одной серьезной исследовательской работы, посвященной цирку. Единственным источником информа-

ции о жизни цирка на тот момент были тематические журналы, массовый выпуск которых пришелся как раз на годы расцвета циркового искусства. Анализ развития тематики цирковых печатных СМИ, содержания и направленности публикуемых в них материалов как отражение развития циркового искусства и стали целью автора статьи. Изучение темы циркового искусства проливает свет на ранее не исследованное поле социокультурных реалий, что раскрывает научно-исследовательскую ценность статьи.

Методы исследования. Предлагаемая к вниманию статья основана на историческом контент-анализе отечественных тематических журналов, посвященных цирковому искусству, таких как «Сцена и арена» (1914–1918), «Цирк» (1925–1927), «Цирк и эстрада» (1927–1930), «Советский цирк» (1957–1967), «Советская эстрада и цирк» (1967–1993), «Большой московский цирк» (1995–1996), «Мир цирка» (1998–2000). Автором представлен ретроспективный анализ изменений социокультурного статуса цирка и его артистов. В статье характеризуются основные исторические вехи, повлиявшие на развитие циркового искусства и содержательное наполнение периодических изданий, показана прямая связь между презентационными особенностями цирковых номеров, настроениями в обществе и политическими событиями.

Результаты. К концу XIX в. в России работало до трех десятков цирков. Большинство из них вели кочевой образ жизни, но существовали и стационары в Петербурге, Москве, Одессе, Киеве и других городах.

Артисты получали оплату за свой труд нерегулярно, зачастую голодали, жили в неподходящих для жизни помещениях, работали без соблюдения норм безопасности. Если артист цирка становился инвалидом, а также с наступлением старости, он, как правило, становился нищим. Акции по защите собственных прав артистов цирка носили преимущественно анархичный характер. И только в 1905 г. под влиянием революционных настроений заговорили о создании профессионального союза цирковых артистов [1].

В 1914 г. создается Российское общество артистов варьете, эстрады и цирка (РОАВЦ). Первое периодическое издание о цирке, журнал «Сцена и арена», выпускает РОАВЦ с 1914 по 1918 г. Дебютный выпуск журнала выходит 29 мая 1914 г. Приветственное слово содержит информацию о создании РОАВЦ, его целях и задачах.

Целиком страница журнала отводится на рекламу преимуществ Общества: это и материальные ссуды, юридическая и врачебная помощь, рекомендательное бюро (служба трудоустройства артистов цирка) и льготная стоимость размещения рекламы. В целом весь первый номер посвящен РОАВЦ, привлечению в его ряды новых членов. В номере публикуется первый список членов Общества, состоящий из 177 человек, указываются суммы пожертвований, дан список варьете и цирков, действующих в стране, размещены объявления артистов. Журнал становится площадкой для рекламы артистов с целью ангажирования (рис. 1).

Рис. 1. Рекламный блок журнала «Сцена и арена», 1914 г.

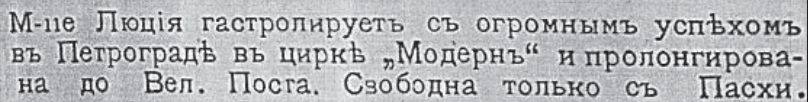
Второй номер журнала содержит на своих страницах отчет о заседаниях совета, число членов общества и суммы пожертвований. Интересны статьи, вошедшие в этот номер. В одной из них затрагивается вопрос о расслоении среди артистов. В анонимной статье «Неудобно» представлены артистические «касты»:

- 1) императорские артисты;
- 2) драматические и оперные столичные;
- 3) драматические и оперные провинциальные;
- 4) комедийные, фарсовые и оперетные столичные и провинциальные;
- 5) цирковые и эстрадные, кафешантанные и т. д. [2, с. 6]

Автор обращается к артистам «рангом выше» с просьбой не презирать человека за его «чин», а заглядывать на нравственный облик и ценить достоинство. По его мнению, именно Общество позволит артистам стать великой единой семьей, так как идея его создания идет снизу, а цель – самопомощь.

Одна из статей второго выпуска показывает разницу между цирковым представлением и театральным. В качестве критерия представлена возможность зрителя самостоятельно безошибочно определять способности исполнителей. В цирковом искусстве все на виду. И если артист не справился с исполнением номера, это поймет любой зритель. Так же как и сможет оценить сложность исполняемых номеров. Таким образом, цирк ближе к народу, он средство общения, понятное каждому.

Широкий круг насущных тем обсуждается на страницах журнала «Сцена и арена». Авторы статей поднимают вопросы запрета продажи алкоголя в заведениях, где выступают артисты, о «рабстве» артисток варьете, о благотворительных выступлениях. Уже к четвертому номеру членов РОАВЦ насчитывается 2000 человек. Интересны обозначения дат выступлений артистов. Они привязываются к православным праздникам (рис. 2). Такая практика встречается повсеместно.

М-не Люція гастролируетъ съ огромнымъ успѣхомъ въ Петроградѣ въ циркъ „Модернь“ и пролонгирована до Вел. Поста. Свободна только съ Пасхи.

Рис. 2. Рекламный блок журнала «Сцена и арена», 1914 г.

С началом Первой мировой войны журнал активно публикует на своих страницах истории об артистах, призванных на фронт, посвящает им стихи и пожелания победы, размещает рассказы с фронта. Членов общества призывают жертвовать деньги семьям воинов. Из Германии, которая объявила войну России, не мог выехать А. Л. Дуров, о чем неоднократно сообщалось в журнале. Возвращению артиста посвящен 9-й номер. Сам цирк в этот период играет роль своеобразного средства массовой информации. Цирковые номера – сатирические куплеты, монологи, пантомимы – освещали события, происходящие на фронтах, благодаря чему неграмотные зрители узнавали последние новости.

Была значительна сила религиозного влияния на искусство. Так, на государственном уровне обсуждался запрет представлений на время Великого поста. Артисты через журнал активно сопротивлялись таким проектам. Одновременно оставались сильны суеверия, вера в паранормальные способности отдельных людей.

Пользовались наивностью сограждан антрепренёры всего мира. Одно только имя «величайшего шоумена» Финеаса Тейлора Барнума многое расскажет об этой эпохе циркового искусства. Российские же зрители имели возможность наблюдать за «чудесами» ясновидящей 8-летней Люции. «Сеансы этой миловидной девчурки, одаренной таинственной способностью угадывать мысли, узнавать имена и предсказывать события жизни, производят на публику необычайно сильное впечатление» [3]. В этом же жанре выступают «8-летняя мадмуазель Аннэте», «единственная русская девочка-феномен Оля Зубарева», «гениальное дитя Маня Умницкая». Заметно отличался на фоне «ясновидящих» 7-летний Володя Зубрицкий, гастрологи которого «в цирках Никитина, Девинье и Чинизелли собрали ... всю Москву, весь Ленинград» [4, с. 7]. Володя был гениальным ребенком, математиком с уникальной памятью. Он с легкостью перемножал четырехзначные числа, помнил дни недели любой даты любого года. В СМИ нередко писали о таланте мальчика, признавая в нем гения.

Отсутствие социальной защищенности артистов со стороны государства подталкивает РОАВЦ решать социальные вопросы своими силами. На страницах журнала идет обсуждение создания Бюро труда (единой биржи трудоустройства артистов), позже названное Рекомендательным бюро. Также Обществом учреждается похоронная касса, выдающая пособия на погребение, Дом инвалидов и престарелых артистов.

Финансовые отчеты, уставы новых структур, отчеты о собраниях Общества в разных городах – все это публикуется на страницах «Сцены и арены».

К концу 1915 г. Общество основывает Фонд помощи детям-сиротам погибших на поле боя артистов.

С появлением большого количества фондов и обязательных платежей численность членов Общества сокращается. Стоит отметить, что немецкие артисты варьете и цирка также были исключены из РОАВЦ. К середине 1916 г. численность членов составляла всего лишь 711 человек. Журнал начинает выходить все реже, бумага, на которой он печатается, становится более дешевой, появляются объявления финансовых организаций.

Обнищание населения, связанное с войной, стало одной из причин революционных событий в России. С огромным энтузиаз-

мом революция была встречена Российским обществом артистов варьете и цирка. Объединенные 4-й и 5-й номера журнала публикуют обзор политических событий, революционные песни и стихи. Обложка журнала гласит: «Да здравствует свободная Россия! Да здравствует Народное право!» [5]

В последующих номерах журнала появляются статьи, критикующие действия Правления РОАВЦ. На фоне разлада в Обществе в 1917 г. часть артистов создают собственный «Союз Артистов цирка». В совокупности целой череды событий выпуск журнала «Сцена и арена» прекращен.

Весной 1918 г. в Москве открывается Дом цирка, где проходят заседания деятелей искусства и литературы на тему сущности циркового искусства, его инновационной роли. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский излагает эстетическую программу обновленного цирка, характеризуя цирк как вершину искусства, возложив на цирк коммуникативную, экспрессивную, когнитивную и идеологическую функции. К работе в цирке начинают привлекать литераторов, режиссеров, композиторов, хореографов.

В январе 1919 г. при театральном отделе Народного комиссариата просвещения РСФСР учреждают Секцию цирка, позже ставшую подотделом. Центральная задача новой государственной структуры – национализация московских цирков и реформа их репертуара. Уже в августе того же года выходит Декрет Совнаркома о национализации театров и цирков. Таким образом, цирк становится государственным институтом с централизованным управлением.

Невиданного расцвета на территории России цирк достигает после Октябрьской революции 1917 г. Цирк становится полноправным элементом культурной жизни страны благодаря своей универсальности, пропаганде положительных человеческих качеств. Цирковое искусство поддерживается правительствами социалистических стран. В 1922 г. на базе Секции цирка Наркомпроса организуется Центральное управление государственными цирками (ЦУГЦ), которое непосредственно руководит всеми цирками РСФСР.

Возобновляется печатная деятельность. С 1925 по 1927 г. два раза в месяц выходит иллюстрированный журнал «Цирк», в первом же номере которого, от 10 января 1925 г., публикуется статья А. Луначарского о популярности циркового искусства, любви

народных масс к нему, о пропаганде спорта через цирковые жанры и о необходимости постепенных реформ наполненности цирковых номеров. «Только не надо крайностей, не надо, конечно, бросаться в новаторство и подменять цирк чем-то еще совсем неизведанным, неисследованным, но не надо принимать цирк и таковым, каким он есть» [6, с. 4].

В отличие от своего предшественника, журнала «Сцена и арена», журнал «Цирк» по-настоящему начинает знакомство зрителя с этим видом искусства. Журнал «Сцена и арена» был создан преимущественно для самих артистов варьете и цирка, для обсуждения проблем, решения насущных вопросов, взаимопомощи и трудоустройства. В «Цирке» же номера посвящены обзору цирковых жанров, новостям из цирков разных городов нашей страны и зарубежья, представлены афиши. Появляются рубрики «Артисты цирка о себе», «Трюки», «Цирк для детей». Журналисты много пишут о роли цирка для детей, призывая родителей приводить детей в цирк как можно чаще. Статьи посвящаются и истории цирка.

Расширяется тематика статей журнала в 1926 г. Если до 1925 г. артисты рассказывали больше о своем номере, то постепенно рубрика становится более автобиографичной. На страницах появляются рассказы о цирке, обзор кинофильмов, посвященных цирку, работ художников на цирковую тему, о зарубежных гастролях и о передвижных цирках.

С 1927 по 1930 г. выпускается журнал «Цирк и эстрада». Основными рубриками журналов стали хроники цирка, варьете, спортивные обозрения, фельетоны, шаржи, объявления и тематическая реклама.

Цирковое искусство начинает тесно переплетаться с кино. Артистов цирка приглашают исполнять главные роли, например, С. Липкину, П. Есиковского и К. Бен-Селима – в ролях «красных дьяволят» одноименного фильма П. Бляхина. На цирковых приемах строит свои историко-революционные приключенческие кинокартины И. Перестиани.

Надо заметить, что советская власть пыталась взять под контроль цирковое искусство. Жесткая цензура, развернувшаяся в тридцатые годы, затронула литературу, музыку, кинематографию, живопись и скульптуру. Тем не менее природа циркового искусства

делала контроль над ним достаточно затруднительным. Основное внимание зрителя в цирке сконцентрировано на невербальных знаках. Анархистко-номадическое пространство цирка представляло собой некий «культурный андеграунд» советского искусства. Цирк продолжал сохранять и присущую ему эротическую семантику, выраженную как в костюмах, так и в действии. Еще меньшему контролю были подвластны передвижные цирки и любительские цирковые труппы. В совокупности этих факторов издание тематического циркового журнала было невозможным вплоть до смерти И. В. Сталина.

При этом само цирковое искусство продолжает развиваться. В 1938 г. создается Государственное училище циркового искусства, переименованное в 1961 г. в Государственное училище циркового и эстрадного искусства (ГУЦЭИ). В период Великой Отечественной войны были созданы филиалы Московского цирка и Ленинградского Фронтowego цирка, организованы фронтовые артистические бригады, включая бригаду студентов ГУЦЭИ. Цирковые номера были построены на антифашистскую тематику.

После окончания войны и налаживания мирной жизни в 1957 г. на базе Главного управления цирками создается Всесоюзное объединение «Союзгосцирк», куда входили все цирки Советского Союза. В этот же год начинает издаваться журнал «Советский цирк», выходящий раз в месяц вплоть до 1993 г. Немалое значение имеет то, что выпуск журнала начался в годы «хрущевской оттепели», когда либерализация общественной жизни и большая свобода творческой деятельности вкупе со свободой слова стали существенно изменять повседневные практики культурной жизни населения страны.

Первый номер журнала был посвящен гастролям цирков дружественных стран, состоявшимся в Москве. Второй номер содержал статьи об истории цирка, об училище циркового искусства, о цирковых артистах, прозу, поздравления с юбилеем.

Журнал является скорее профессиональным изданием, основная аудитория которого – работники и артисты цирка. Первый номер 1958 г. содержит поздравления известных цирковых зрителей, в числе которых Л. Орлова, А. Райкин и Р. Брусничкина (директор московской общеобразовательной школы). Тем самым в редакции акцентируют внимание на равенстве между известностью

работника сфер культуры и образования. Этот новогодний номер также содержит стихи, посвященные артистам разных жанров. Появляется рубрика, в которой проводится экспертный анализ номеров и цирковых программ. В этом и последующих выпусках представлены обзоры гастролей советского цирка в зарубежные страны: Чехословакию, Грецию, Югославию, Австрию, Индию, Великобританию, Бирму, Францию, Швецию, Бразилию и др. В общей численности артисты советского цирка посетили с гастролями 66 зарубежных стран всех континентов мира [7]. После гастролей становится традицией публиковать впечатления артистов о поездке. Это статьи позитивного характера, в которых нет информации о сложностях поездок, какого-либо негатива о странах, принимавших артистов, тем более о СССР. Появляются рубрика обзора зарубежных новостей цирка, юмористические рисунки.

Социальная защита артистов цирка, которую реализует советская власть, также активно освещается в номерах «Советского цирка». Публикуются статьи о профсоюзной конференции цирковых деятелей, об открытии пансионата для пожилых артистов. Патриотические настроения формируются такими статьями, которые посвящаются цирковым артистам, воевавшим на фронтах Великой Отечественной войны, о цирковых коллективах, которые давали концерты на фронтах. Ценность циркового искусства активно транслируется через большое кино. Работы режиссеров, в которых задействованы цирковые артисты, животные цирка, а порой и сюжет фильма – всему находится место на страницах журнала.

Ежегодно вплоть до 1972 г. четвертый, апрельский выпуск журнала посвящается дню рождения В. И. Ленина. Самый масштабный выпуск на эту тему был издан в 1970 г., когда праздновалось 100-летие со дня рождения политического и государственного деятеля страны.

Начиная с 1959 г. главной темой мартовского, третьего номера журнала становится Международный женский день. На страницах «Советского цирка» печатаются статьи о женщинах – артистках цирка и о работницах цирка (ветеринарах, врачах и др.). Сведениям наград и государственных премий для цирковых деятелей имена награжденных публикуются в журнале. Особенно это касается периода правления Л. И. Брежнева. Артистов награждали орденами

Трудового Красного знамени, Знаками почета, Трудовой доблести, Трудового отличия.

Отдельные статьи журнала посвящаются циркам союзных республик – Казахстана, Грузии, Белоруссии, Киргизии и др.

Правительственные планы по продвижению циркового искусства в массы реализуют себя через строительство цирков в городах Советского Союза. Проекты зданий публикуются на страницах «Советского цирка», а также периодически появляются статьи об открытии цирка в том или ином городе.

Журналисты издания активно пишут о выступлениях коллективов «Цирка на сцене». Специализация данных цирковых коллективов состоит в том, что они дают представления не на манеже, а на сцене. При этом сценой не всегда становятся сцены театров или Домов культуры. В большинстве своем артисты выступают перед рабочими промышленных предприятий непосредственно на заводе, коллективами колхозов и совхозов, на стадионах. Через новости о выступлениях цирковых коллективов журналисты прославляют работников советского труда и достижения большой страны.

Как и предшественники: «Сцена и арена», «Цирк и эстрада» – журнал «Советский цирк» публикует статьи о цирковых жанрах, цирковых артистах и династиях. С появлением новых форм циркового искусства – зооцирк, цирк на воде, цирк на льду – появляются и публикации, посвященные новым направлениям.

Традиционными становятся цирковые кавалькады в городах Советского Союза. Зрелищное шествие по центральным улицам артистов в костюмах и гриме, их зверей пропагандирует цирковое искусство. Кавалькада становится первой новостью на страницах летних выпусков журнала. Цирковое искусство проходит через все главные мероприятия страны, будь то фестиваль молодежи, первый полет человека в космос, олимпиада или съезд партии. На эти темы готовятся цирковые программы, им посвящаются выпуски журнала.

Начиная с середины 1963 г. журнал меняет свое название на «Советская эстрада и цирк». Появляются статьи об эстрадных исполнителях. Постепенно им посвящается все больше печатных листов издания. Появляются постеры с кумирами, кроссворды.

К концу 80-х журнал становится меньше по формату, а с наступлением девяностых стали появляться статьи о сложной реальности цирковой жизни. Уже не требовалось только востор-

женных статей, люди хотели писать и читать о разных гранях реальности цирка. Урезание финансирования цирков сказалось на зарплатах артистов. Кто-то из них уехал за границу, а кто-то просто стал работать не в полную силу. Поднимаются вопросы авторского права на номера, вопросы управления цирками. Появляются статьи о тех артистах, которые эмигрировали.

В 1993 г. выпуск журнала прекращен. С тех пор федерального издания, посвященного цирку, больше не издается. Распад СССР становится причиной преобразования «Союзгосцирка» в компанию «Российский цирк» в 1992 г., в чье ведение переходили все цирки России. Однако из подчинения компании выходят Большой Московский цирк на проспекте Вернадского и Цирк на Цветном бульваре (с 1997 г. Цирк Никулина), Санкт-Петербургский цирк на Фонтанке и Казанский государственный цирк. Они перешли в прямое подчинение Министерству культуры РФ. Эти цирки имеют мировую славу, поэтому принимают решение о самостоятельном продвижении своего «бренда». Одним из инструментов продвижения становится издание Большим Московским цирком на пр. Вернадского собственного журнала – «Большой Московский цирк». Издание публикует статьи на двух языках – английском и русском. Издается в течение двух лет один раз в полугодие. В целом содержание журнала повторяет тематически своих предшественников. Здесь есть статьи о цирковых артистах, жанрах, фестивалях и т. п.

Цирковое искусство советского периода прошло путь от разрозненных единичных цирков к централизованной сети (около 50) под единым руководством, с профсоюзной организацией и системой социальной защиты. Специализированные журналы имели разные цели в разные периоды. При царской России – это желание артистов единым фронтом защищать свои интересы, иметь возможность трудоустройства и социальной защиты. В период советской власти целью изданий становится популяризация циркового искусства и советской власти. Сегодня одни функции взяло на себя государство, другие же решаются инструментами рынка. Новой цели нет, а значит, нет и единого журнала.

Наследие советского цирка, которым с таким упоением засматривались зрители нашей страны, который собирал полные залы в зарубежных гастролях, живо. Цирковое искусство передается

из поколения в поколение, отечественные цирковые династии известны всему миру, кузницей кадров до сих пор является и ГУЦИЭ.

Цирк всегда отвечал своему времени. И сегодня он становится зрелищным шоу с использованием все более красочных и сложных костюмов, невероятного театрального грима, световых и цветовых решений, фантастических декораций, технических достижений. Цирк глобализировался. Артисты ищут признания своего таланта на аренах разных стран и городов. В цирке нет ничего постоянного. Зритель хочет видеть новые программы, новые номера, новые лица. И цирковое искусство отвечает его запросам.

Цирк ушел от проблем государства, он не зависит от идеологий, он служит народу. Цирковые номера в большинстве своем уже не имеют скрытых подтекстов. Это красивое шоу, где человек является главным творцом своей мечты.

Заключение. На протяжении XX века социокультурная значимость цирковой деятельности выразилась в приобретении цирковыми артистами общественного признания и в обеспечении их системой социальной защиты. Немалую роль сыграли в этом и тематические печатные СМИ, популяризовавшие знание о профессиональном труде работников цирка.

Цирковое искусство советского периода прошло путь от разрозненных единичных цирков централизованной сети (около 50) под единым руководством, с профсоюзной организацией и системой социальной защиты. Специализированные журналы имели разные цели в разные периоды. При царской России – это желание артистов единым фронтом защищать свои интересы, иметь возможность трудоустройства и социальной защиты. В период советской власти целью изданий становится популяризация циркового искусства и советской власти. Сегодня одни функции взяло на себя государство, другие же решаются инструментами рынка.

Наследие советского цирка, которым с таким упоением засматривались зрители нашей страны, который собирал полные залы в зарубежных гастролях, живо передается из поколения в поколение; отечественные цирковые династии известны всему миру, кузницей кадров до сих пор является и ГУЦИЭ. Цирк всегда отвечал своему времени. И сегодня он становится зрелищным шоу с использованием все более красочных и сложных костюмов, невероятного театрального грима, световых и цветовых решений, фантастических декораций, технических достижений. Цирк глобализировался. Артисты ищут

признания своего таланта на аренах разных стран и городов. В цирке нет ничего постоянного. Зритель хочет видеть новые программы, новые номера, новые лица. И цирковое искусство отвечает его запросам. В настоящее время цирк ушел от проблем государства, он не зависит от идеологий, он служит народу. Цирковые номера в большинстве своем уже не имеют скрытых подтекстов. Это красивое шоу, где человек является главным творцом своей мечты.

Библиографический список

1. Щербакова Д. В. Институционализация цирковой деятельности в России // Управление человеческими ресурсами в сфере физической культуры, спорта и здорового образа жизни : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Санкт-Петербург, 23–25 мая 2019 г. СПб.: Политех-пресс, 2019. С. 448–452.
2. Драматический артист. Неудобно // Сцена и арена. 1914. № 2. С. 6–7.
3. Рекламный блок // Сцена и арена. 1914. № 3. С. 20.
4. Волшебники цифр // Цирк. 1925. № 11. С. 7.
5. Сцена и арена. 1916. № 4–5.
6. Луначарский А. О цирках // Цирк. 1925. № 1. С. 3–4.
7. Страны, где побывали на гастролях артисты Советского цирка // Советская эстрада и цирк. 1982. № 12.

References

1. Shcherbakova D. V. Institucionalizaciya cirkovoj deyatel'nosti v Rossii [Institutionalization of circus activities in Russia]. *Upravlenie chelovecheskimi resursami v sfere fizicheskoy kul'tury, sporta i zdorovogo obraza zhizni* [Human Resource Management in the field of physical education, sports and a healthy lifestyle]. Saint-Petersburg, Politeh-press, 2019, pp. 448–552 (in Russ.)
2. Dramaticheskij artist. Neudobno [Uncomfortable]. *Scena i arena* [Stage and arena], 1914, no. 2, pp. 6–7 (in Russ.)
3. Reklamnyj blok [Ad unit]. *Scena i arena* [Stage and arena], 1914, no. 3, p. 20 (in Russ.)
4. Volshebnyki cifr [Wizards of numbers]. *Cirk* [Circus], 1925, no. 11, p. 7 (in Russ.)
5. *Scena i arena* [Stage and arena], 1916, no. 4–5
6. Lunacharskij A. O cirkah [About circuses]. *Cirk* [Circus], 1925, no. 1, pp. 3–4 (in Russ.)
7. Strany, gde pobывали na gastrolyah artistry Sovetskogo cirka [Countries visited by artists of the Soviet circus]. *Sovetskaya estrada i cirk Soviet stage and circus*, 1982, no. 12 (in Russ.)

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.1

DOI 10.34130/2233-1277-2020-2-150-162

Л. И. Акулова, В. Ф. Поберезкая, С. Н. Терентьева
СГУ им. Питирима Сорокина, Сыктывкар

Педагогические условия формирования методической компетентности у будущих педагогов в классическом вузе

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена необходимостью рассмотрения условий подготовки педагогических кадров в классическом вузе. В классических вузах внимание в основном уделяется научной и предметной подготовке бакалавров, а методическая подготовка уходит на второй план. В настоящее время современное общество ставит новые задачи перед учителем, который должен уметь внедрять полученные в вузе научные и предметные знания в своей практике с учетом возрастных особенностей школьников. Для этого целесообразно рассмотреть специально созданные условия формирования методической компетентности будущих педагогов в период обучения в вузе. В статье раскрыты учебно-методические, информационно-методические и исследовательско-методические условия формирования методической компетентности будущих педагогов в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ подготовки бакалавров по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Образование и педагогические науки» на примере ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина».

Ключевые слова: методическая компетентность, учебно-методические, информационно-методические и исследовательско-методические условия, основная профессиональная образовательная программа, укрупненная группа специальностей и направлений подготовки, профессиональный стандарт педагога, трудовые действия, трудовые функции.

L. I. Akulova, V.F. Poberezkaya, S.T. Terentyeva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

Pedagogical Conditions of Formation of Future Teachers' Methodological Competence of in a Classical University

The relevance of the studied problem is due to the need to consider the conditions for the training of teachers in a classical university. In classical universities, much attention is paid to the scientific and substantive preparation of bachelors, with methodological training being in the background. At present, modern society poses new challenges for the teacher, who must be able to implement the scientific and subject knowledge acquired at the university in his practice, taking into account the age characteristics of students. Thus, it is advisable to consider specially created conditions for the formation of future teachers' methodological competence during their period of study at the university. The article describes the educational, methodological, information, research and methodological conditions for the formation of future teachers' methodological competence in the framework of "Education and Pedagogical Sciences", the main professional educational programs for bachelors in an enlarged group of specialties and areas of training, as exemplified by the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

Keywords: *methodological competence, educational and methodical, informational and methodical and research and methodological conditions, the main professional educational program, an enlarged group of specialties and areas of training, the teacher's professional standard, labor activities, labor functions.*

Введение. Переход на Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (далее – ФГОС НОО), Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (далее – ФГОС ООО), Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (далее – ФГОС СОО) и Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 3++ (далее – ФГОС ВО 3++) поставил перед вузами Российской Федерации проблему совершенствования образовательных программ по подготовке педагогических кадров. Современная школа выдвигает новые требования к качеству профессиональной подготовки выпускников высших учебных заведений, одним из главных показателей которого выступает такое личностное качество, как методическая компетентность, характеризующаяся совокупностью специальных знаний и умений, духовно-нравственных качеств, необходимых для решения профессиональных задач. На наш

взгляд, в классическом вузе при подготовке педагогических кадров особое внимание уделяется научной и предметной подготовке, а методическая подготовка уходит на второй план. Это важный аспект, так как выпускник выходит в образовательное учреждение, где он должен уметь преломлять полученные в вузе научные и предметные знания в соответствии с психологическими и возрастными особенностями обучающихся.

Как отмечает А. А. Марголис, «выпускник программы подготовки педагогических кадров должен быть в полной мере готов к осуществлению своей профессиональной деятельности в классе в соответствии со структурой и содержанием трудовых функций, указанных в профессиональном стандарте. Другими словами, его деятельность как педагога предполагает овладение профессиональными (трудовыми) действиями, описанными в профессиональном стандарте, а также компетенциями и знаниями, необходимыми для их осуществления» [1].

Цель исследования: обоснование необходимости использования учебно-методических, информационно-методических и исследовательско-методических условий формирования методической компетентности у бакалавров, обучающихся по направлениям подготовки по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «Образование и педагогические науки» (далее – УГСН «Образование и педагогические науки»).

Материалы и методы исследования. На современном этапе модернизации высшего педагогического образования, которое направлено на повышение качества профессиональной подготовки будущих педагогов, мы рассмотрели психолого-педагогические и научно-методические источники, позволяющие на практико-ориентированной основе реализовать основные образовательные программы по УГСН «Образование и педагогические науки».

В исследовании мы использовали теоретические (анализ педагогической и методической литературы, обобщение и систематизация материалов о сущности методической компетентности) и эмпирические (наблюдение, педагогический эксперимент) методы.

Основная часть. В соответствии с ФГОС ВО 3++ по УГСН «Образование и педагогические науки» у выпускника-бакалавра должны быть сформированы следующие группы общепрофессиональных компетенций:

- совместная и индивидуальная учебная и воспитательная деятельность обучающихся;

- контроль и оценка формирования результатов образования;
- психолого-педагогические технологии в профессиональной деятельности¹.

Эти компетенции предполагают формирование у студентов следующих умений (т. е. практического опыта профессиональной деятельности):

- использовать педагогически обоснованные содержание, формы, методы и приемы организации совместной и индивидуальной учебной и воспитательной деятельности обучающихся;
- проектировать диагностические цели совместной и индивидуальной учебной и воспитательной деятельности обучающихся в соответствии с требованиями ФГОС НОО, ФГОС ООО, ФГОС СОО;
- применять методы диагностики и оценки показателей уровня развития обучающихся;
- использовать знания о развитии обучающихся для планирования учебно-воспитательной работы;
- применять психолого-педагогические технологии обучения, развития, воспитания для достижения образовательных результатов;
- классифицировать образовательные технологии;
- разрабатывать и применять отдельные компоненты основных образовательных программ в реальной и виртуальной образовательной среде.

Выделенные умения, на наш взгляд, являются составляющей методической компетентности, которая входит в содержание профессиональной компетентности педагога.

В нашем исследовании мы будем понимать методическую компетентность «как интегративную характеристику субъекта педагогического труда, основанную на совокупности общепедагогических и методических знаний, умений, навыков, опыта и личностных качеств, отражающую готовность и способность к эффективной методической деятельности и обеспечивающую достижение высоких показателей в обучении и воспитании учащихся» [3].

На наш взгляд, методическая компетентность соотносится с трудовыми действиями, определенными в профессиональном стандарте педагога.

¹ Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.02.2018 г. № 121 С. 8–9. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_B_3_16032018.pdf (дата обращения 19.03.2020).

Таблица

Соотнесение требований профессионального стандарта педагога¹ с составляющими методической компетентности

<i>Обобщенные трудовые функции</i>	<i>Трудовые функции</i>	<i>Трудовые действия</i>	<i>Составляющие методической компетентности</i>
Педагогическая деятельность по проектированию и реализации образовательного процесса в образовательных организациях дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования	Общепедагогическая функция. Обучение	<ul style="list-style-type: none"> • разработка и реализация программ учебных дисциплин в рамках основной общеобразовательной программы; • планирование и проведение учебных занятий; • организация, осуществление контроля и оценки учебных достижений, текущих и итоговых результатов освоения основной образовательной программы обучающимися; • формирование навыков, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (далее – ИКТ); 	<ul style="list-style-type: none"> • готовность разрабатывать и применять основные образовательные программы в реальной и виртуальной образовательной среде; • готовность и способность к эффективной методической деятельности, направленной на достижение высоких показателей в обучении и воспитании учащихся; • овладение умениями использовать формы, методы и приемы организации совместной и индивидуальной учебной и воспитательной

¹ Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.02.2018 г. № 121 С. 8–9. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_B_3_16032018.pdf (дата обращения 19.03.2020).

Окончание табл.

			<p>деятельности обучающихся;</p> <ul style="list-style-type: none"> • готовность проектировать диагностические цели совместной и индивидуальной учебной и воспитательной деятельности обучающихся в соответствии с требованиями ФГОС НОО, ФГОС ООО, ФГОС СОО; • готовность применять психолого-педагогические технологии обучения, развития и воспитания для достижения образовательных результатов
	Развивающая деятельность	<ul style="list-style-type: none"> • формирование и реализация программ развития универсальных учебных действий, образцов и ценностей социального поведения, навыков поведения в мире виртуальной реальности и социальных сетях, формирование толерантности и позитивных образцов поликультурного общения. 	

Для формирования методической компетентности будущих педагогов в условиях реализации требований ФГОС ВО (3++)¹ и профессионального стандарта педагога² необходимо создание взаимосвязанных групп педагогических условий. «Педагогические условия – это результат целенаправленного отбора, констатирования и применения элементов содержания, методов (приемов), а также организационных форм обучения для достижения дидактических целей» (В. И. Андреев) [5].

На наш взгляд, педагогические условия включают в себя формы организации учебной деятельности, формы проведения мероприятий, педагогические технологии, методы и приемы работы. Их можно сгруппировать на учебно-методические, информационно-методические и исследовательско-методические условия. Данные условия используются в ходе изучения дисциплин «Психолого-педагогический модуль», модуля «Технологии в профессиональной деятельности» и дисциплин, связанных с методиками преподавания предметных областей, реализуемых в рамках основных профессиональных программ по УГСН «Образование и педагогические науки» в СГУ имени Питирима Сорокина.

1. Учебно-методические условия включают в себя следующее:

1. Реализация содержания образования должна строиться на основе личностно-деятельностного подхода. При организации образовательного процесса в вузе раскрываются педагогические технологии, которые соответствуют возрастным особенностям школьников и учитывают субъектно-объектную направленность их познавательной деятельности.

¹ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (с изменениями и дополнениями) : приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544. URL: <https://base.garant.ru/70535556/> (дата обращения 19.03.2020).

² Об утверждении федерального образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» : приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.02.2018 г. № 121 С. 8–9. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440301_B_3_16032018.pdf (дата обращения 19.03.2020).

На занятиях в вузе при решении педагогических задач используются следующие технологии:

- *проектные* [4] (создание мультипликационных фильмов по материалам устного народного творчества, создание дидактических и раздаточных материалов по предметным областям);
- *игровые*: деловые, ролевые игры (Педагогический совет на темы: «Адаптация школьников» и «Экспертиза образовательной программы школы», «Шесть шляп мышления», «Письмо родителю», «Интервью с министром» и т. д.);
- *информационные* (создание электронных каталогов, тестовых заданий, сайтов, блогов и т. д.);
- *коммуникативные* (проектирование и апробация классных часов на темы: «Учимся работать дружно», «Правила этикета общения по телефону или в социальной сети», «Троллинг в сети» и др.);
- *здоровьесберегающие* (организация и проведение студентами дней здоровья в институтах с использованием подвижных игр; составление картотеки физминуток и их апробация на фокус-группе во время проведения занятий; проведение ежегодного фотоконкурса в виртуальной среде «Моя семья за здоровый образ жизни» и др.);
- *технология проблемно-диалогического общения* [2] (постановка проблемы с удивлением или затруднением на уроке открытия новых знаний; побуждающий от проблемной ситуации диалог или подводящий к теме диалог на уроке общеметодологической направленности и др.);
- *технологии учебного сотрудничества* [6] (организация совместной учебной работы детей с использованием заданий с недостающими данными; заданий для товарища и заданий, не имеющих решения).

Эти технологии, усвоенные студентами на занятиях в вузе, позволяют им более эффективно реализовать содержание образовательных программ в школе в период практики, что подтверждается отзывами руководителей практик от образовательных организаций.

2. Ведущими направлениями деятельности обучающихся школ являются познавательная, исследовательская, эмоционально-ценностная, практическая и контрольно-оценочная. С целью их реализации необходимо использование разнообразных методов, приемов и форм при изучении методических дисциплин в вузе,

способствующих формированию и развитию вышеперечисленных направлений деятельности школьников:

- *моделирование* (выполнение заданий по моделированию действий учителя по созданию коллектива учащихся на основе реализации личностно ориентированного подхода; моделирование технологической карты урока; моделирование объектов окружающего мира и др.);

- *наблюдение* (наблюдение за объектами живой и неживой природы в лабораторных и естественных условиях; наблюдение за трудовой деятельностью человека; ведение «Дневника природы», «Читательского дневника» и др.);

- *приемы технологии развития критического мышления* (составление таблиц ЗХУ (знаю – хочу узнать – узнал); ведение «Бортового журнала» по лекционным и практическим занятиям; пошаговая работа по изучению материалов предметов с использованием приема «Fish bone»; рефлексия на занятиях «Толстые и тонкие вопросы» по изучаемой теме; синквейн по разделу дисциплины);

- *викторины, конкурсы* (викторина «Край, в котором я живу», «Кулинарный батл», «Коми му на ладошке»; конкурс мультимедийных проектов «Морошка» и др.);

- *тематические альбомы и выставки* (тематические альбомы «Прописи по росписям Республики Коми»; выставка творческих, учебно-методических разработок «Этносолянка» и т. д.);

- *исследовательские задания* (на темы «Фамилии и имена моей группы», «Преподаватели и студенты Коми государственного педагогического института в годы Великой Отечественной войны», «Красная книга моего села» и др.).

3. Для осознания себя в педагогической профессии студенту необходимо осуществлять самоконтроль и самооценку своей деятельности, то есть у него должна быть сформирована контрольно-оценочная и рефлексивная деятельность. В рамках реализации методических дисциплин в процессе решения психолого-педагогических и методических задач студенты разрабатывают различные типы уроков в соответствии с системно-деятельностным подходом, календарно-тематическое планирование по предметам и по внеурочной работе с учетом возрастных особенностей обучающихся и требований примерной рабочей программы, контрольно-

измерительные материалы по диагностике предметных и метапредметных результатов обучения. Все разработанные материалы внедряются в образовательный процесс школы в период практик, по окончании которых студенты представляют результаты самоанализа и рефлексии своей деятельности.

4. Участие будущих педагогов в университетских профессиональных пробах-конкурсах и олимпиадах, позволяющих продемонстрировать уже сформированные методические компетентности (конкурсы «Буду учителем», «Методический дебют», «Первые шаги», «Лучший по специальности», олимпиада по педагогике).

II. Информационно-методические условия включают в себя:

1) возможность широкого использования информационных технологий, технологий дистанционного (мобильного) характера и обеспечения образовательного процесса техническими аудиовизуальными средствами обучения:

- разработка и сопровождение *консультативного портала* (блога) для родителей и законных представителей обучающихся;
- размещение на сайте университета и на портале «Открытое образование Республики Коми» *мультимедийных разработок*;

2) комплектность обеспечения образовательного процесса учебниками, учебными пособиями, учебно-методической и дополнительной литературой, электронными образовательными ресурсами с учетом специфики содержания основных образовательных программ и создание информационно-образовательной среды для организации эффективной образовательной деятельности обучающихся.

Для реализации данного условия студенты осваивают технологии разработки:

- *виртуальных школьных музеев и экскурсий* («Виртуальный школьный этнографический музей» в программе Panotour, «Зоологический музей Сыктывкарского университета» на платформе IZI Travel, виртуальные экскурсии «Памятники архитектуры Сыктывкара», «Памятники Сыктывкара», «Прогулка по родному городу Сыктывкару», «Экскурсия выходного дня», «Прогулка по корпусам Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина» на платформе IZI Travel и т. д.);
- *электронных учебных пособий* для обучающихся по разным предметным областям;

- *мультипликационных фильмов* (например «Сказка о трех горшках» в программе Windows Movie Maker и др.);
- *настольных, подвижных и интеллектуальных игр* с разным предметным содержанием (математическим, биологическим, технологическим и др.);

3) сетевое взаимодействие образовательных организаций Республики Коми:

- участие студенческого сообщества в работе *методических объединений учителей* по предметным областям;
- организация и проведение *выездных мероприятий* преподавателей и студентов университета в сельские школы (проведение студентами мастер-классов, викторин, профориентационных бесед и других мероприятий).

III. Исследовательско-методические условия включают в себя:

1) организацию участия студентов в семинарах, *вебинарах, конференциях и форумах* различного уровня с целью получения профессионального опыта по осуществлению педагогической работы;

2) разработку и проведение студентами *мастер-классов* на фокус-группе в вузе и школе (на выездных методических семинарах «Современная сельская школа» для учителей начальных классов и учителей-предметников, на студенческих конкурсах «Буду учителем» и «Педагогический дебют: первые шаги», в образовательных организациях г. Сыктывкара «Хочу быть здоровым!» и др.);

3) разработку *проектов полного жизненного цикла* в рамках выпускных квалификационных работ» (по темам: «Информационно-методическое сопровождение учебника по коми языку средствами SMART-технологии (по материалам учебника Е. Н. Вязовой, А. В. Сизовой, С. Н. Терентьевой «Коми язык» 1 класс»); «Условия формирования предметных результатов обучающихся по теме "Черви" в 7 классе»; «Исторический комментарий на уроках коми языка как прием ознакомления учащихся с лексическим значением слова»; «Информационно-методическое сопровождение альбома росписи Республики Коми» средствами SMART-технологии» и др.).

4) участие студентов в конкурсах, олимпиадах и диктантах всероссийского и международного уровня (Открытая международная студенческая интернет-олимпиада по педагогике, Всерос-

сийский конкурс «Моя страна – моя Россия», «Хрустальный компас», Географический диктант, Экологический диктант и др.)

Все вышеперечисленные педагогические условия реализуются в рамках подготовки педагогических кадров в институте педагогики и психологии и институте естественных наук СГУ имени Питирима Сорокина. Комплексное внедрение условий, которые в течение многих лет используются и постоянно совершенствуются при подготовке будущих учителей в вузе, позволяет реализовать практико-ориентированный и личностно ориентированный подходы к успешному формированию методической компетентности будущих педагогов, что является одним из требований, предъявляемых современным обществом к учителю.

Выводы. Из вышесказанного следует, что комплексное использование учебно-методических, информационно-методических и исследовательско-методических условий при формировании методической компетентности у выпускника, обучающегося по направлениям подготовки бакалавриата УГСН «Образование и педагогические науки», способствует его готовности к осуществлению профессиональной деятельности в соответствии с содержанием трудовых функций и трудовых действий, указанных в профессиональном стандарте педагога.

Библиографический список

1. Марголис А. А. Требования к модернизации основных профессиональных образовательных программ (ОПОП) подготовки педагогических кадров в соответствии с профессиональным стандартом педагога: предложения к реализации деятельностного подхода в подготовке педагогических кадров // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 3. С. 105–126.
2. Мельникова Е. А. Проблемный урок, или Как открывать знания с учениками : пособие для учителя. М.: АПК и ПРО, 2002. 168 с.
3. Нагибина Н. А., Ипполитова Н. В. Методическая компетентность как составляющая профессиональной компетентности педагога // Наука и школа. 2013. № 3. С. 44–46.
4. Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования : учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2007. С. 37–63.
5. Репета Л. М. Педагогические условия формирования информационно-исследовательской компетенции // Современные проблемы нау-

ки и образования. 2013. № 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=8583> (дата обращения: 25.02.2020).

6. Чтение и письмо по системе Д. Б. Эльконина : кн. для учителя / Е. А. Бугрименко, П. С. Жедек, Г. А. Цукерман. М.: Просвещение, 1993. С. 202–217.

References

1. Margolis A. A. Trebovaniya k modernizacii osnovnyh professional'nyh obrazovatel'nyh programm (OPOP) podgotovki pedagogicheskikh kadrov v sootvetstvii s professional'nym standartom pedagoga: predlozheniya k realizacii deyatel'nostnogo podhoda v podgotovke pedagogicheskikh kadrov [Requirements for the modernization of basic professional educational programs (OPOP) for the training of teachers in accordance with the professional standard of a teacher: proposals for implementing an active approach in the training of teachers]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2014, vol. 19, no. 3, pp. 105–126 (In Russ.)

2. Mel'nikova E. A. Problemyj urok, ili Kak otkryvat' znaniya s uchениkami: posobie dlya uchitelya [A problem lesson, or How to discover knowledge with students: a manual for the teacher]. Moscow, 2002, 168 p. (In Russ.)

3. Nagibina N. A., Ippolitova N. V. Metodicheskaya kompetentnost' kak sostavlyayushchaya professional'noj kompetentnosti pedagoga [Methodological competence as a component of the teacher's professional competence. *Nauka i shkola* [Science and School], 2013, no. 3, pp. 44–46. (In Russ.)

4. Polat E. S. Sovremennye pedagogicheskie i informacionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya [Modern pedagogical and information technologies in the education system: textbook. manual for university students]. Moscow, Academy Publ., 2007, pp. 37–63. (In Russ.)

5. Repeta L. M. Pedagogicheskie usloviya formirovaniya informacionno-issledovatel'skoj kompetencii [Pedagogical conditions for the formation of information and research competence]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2013, no. 2. (In Russ.) Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=8583> (accessed: 25.02.2020).

6. *Чтение и письмо по системе Д. Б. Эльконина: Кн. для учителя* [Reading and writing according to the system of D. B. Elkonin: Book for teacher / E. A. Bугрименко, P. S., Zhedek, G. A., Zuckerman]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1993, pp. 202–217. (In Russ.)

И. В. Денисова

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

**Концепция устойчивого развития Арктического региона
России как фактор формирования профессиональных
компетенций будущего эколога**

В статье рассматриваются проблемы формирования профессиональных компетенций эколога для работы в Арктическом регионе России в контексте актуальной концепции устойчивого развития с целью повышения качества жизни населения на Севере и эффективности использования природных ресурсов. В XX столетии российский сектор Арктики стал объектом и базой военно-промышленного освоения, что негативно отразилось на состоянии слабоустойчивых к антропогенным воздействиям экосистем, характеризующихся низкой способностью к самоочищению и естественной регенерации. Ухудшение качества окружающей природной среды подтверждается методом контрольного района при сопоставлении архивных данных и современных показателей ущерба природно-ресурсной системе и соответствующим отраслям, а также ущерба здоровью и жизни населения. Стратегическое значение Арктической зоны и новые экологические вызовы требуют диверсификации компетенций современного специалиста. Это становится возможным в результате освоения основ парадигмы устойчивого развития применительно к Арктическому региону. Устойчивое развитие признаётся перспективным инструментом при решении глобальных экологических проблем, развившихся из локальных проблем прошлого. Специфика освоения Российской Арктики заключается в интенсивности разработки минеральных ресурсов с тенденцией слияния в единый ареал трансформации среды на Европейском Севере, в кустовом освоении с перспективой уплотнения линейно-очаговых систем и образования сплошных ареалов трансформации в Западной Сибири, в слабом освоении с очаговым характером изменения на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Перспективной для разработки природных ресурсов является акватория арктических морей, по которой проходит транспортный коридор Северного морского пути. Освоение Арктического региона порождает шансы для экономики и риски для экологии. Знание основ устойчивого развития, владение технологиями в сфере ресурсосбережения, зелёного маркетинга и рециклирования отходов позволяют

специалисту-экологу дифференцированно подходить к решению проблем загрязнения окружающей среды и рационального природопользования.

Ключевые слова: устойчивое развитие, Арктический регион России, профессиональные компетенции эколога, рациональное природопользование, экологическая безопасность, окружающая природная среда, экологические проблемы.

I. V. Denisova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

The Sustainable Development Concept of the Arctic Region of Russia as a Factor in Formation of Professional Competencies of a Future Environmentalist

The article deals with problems of formation of professional competences of an environmentalist for work in the Arctic region of Russia in the context of the relevant sustainable development concept in order to improve quality of life of the population in the North and efficiency of the natural resources use. The strategic importance of the Arctic zone and new environmental challenges require diversification of competencies of a modern specialist. This becomes possible as a result of knowledge of the basics of the sustainable development paradigm in relation to the Arctic region.

The article deals with problems of formation of professional competences of an environmentalist for work in the Arctic region of Russia in the context of the relevant sustainable development concept in order to improve quality of life of the population in the North and efficiency of the natural resources use. In the XXth century, the Russian sector of the Arctic became the object and base of military-industrial development, which negatively affected the state of ecosystems that are weakly resistant to anthropogenic influences, characterized by a low ability to self-cleaning and natural regeneration. The deterioration of quality of the environment is confirmed by a method of control district when comparing archival data and modern indicators of damage to the natural resource system and relevant industries, as well as damage to the health and life of the population. The strategic importance of the Arctic zone and new environmental challenges require diversification of competencies of a modern specialist. This becomes possible as a result of knowledge of the basics of the sustainable development paradigm in relation to the Arctic region. Sustainable development is recognized as a promising tool for solving global environmental problems that have developed from local problems of the past. The specific features of the Russian Arctic are the intensity of exploitation of the mineral resources with the tendency to merge into a single area of transformation of the environment in the European North, in development with the prospect of compaction

of linear-focal systems and formation of continuous transformation areas in Western Siberia, in the weak development of the focal nature of the changes in Eastern Siberia and the Far East. A promising area for the development of natural resources is the waters of the Arctic seas, where the transport corridor of the Northern sea route passes by. The development of the Arctic region creates chances for the economy and risks for the environment. Knowledge of the basics of sustainable development, knowledge of technologies in the field of resource conservation, green marketing and waste recycling will allow an ecologist to take a differentiated approach to solving problems of environmental pollution and rational use of natural resources.

Keywords: *sustainable development, the Arctic region of Russia, professional competence of an environmentalist, rational nature management, environmental safety, environment, ecological problems.*

Введение. В современных условиях активизации процессов глобализации, трансформации социокультурной реальности и ухудшения качества окружающей природной среды (ОПС) необходимо быстро ориентироваться в происходящих изменениях для принятия рациональных решений и построения прогнозов в сфере природопользования, что является неотъемлемой частью деятельности будущих специалистов в области экологии. Профессия эколога является достаточно молодой, как и сама наука, экология, которая начала самостоятельное существование как комплекс междисциплинарных исследований с 1972 г. после первой конференции ООН по проблемам окружающей среды, где был признан факт глобального экологического кризиса. В связи с обострением глобальных проблем, а также под влиянием экологических катастроф в Чернобыле и Бхопале в 1987 г. появляется концепция устойчивого развития, относящаяся к фундаментальным принципам в сфере управления охраной ОПС. На современном этапе достижение целей устойчивого развития является одной из приоритетных задач для всех приарктических государств.

Специфика перехода к устойчивому развитию Арктического региона России детерминирована тем, что наша страна на протяжении длительного времени производит освоение территории за Северным полярным кругом, осуществляя крупномасштабную хозяйственную деятельность в условиях крайне высокой уязвимости экосистем [2, с. 219]. Российский сектор Арктики занимает 18 % площади государства и обладает колоссальным природно-ресурс-

ным потенциалом, следовательно, современный специалист-эколог должен разбираться в особенностях природопользования и экологических проблем в регионе, уметь оперативно выбирать оптимальные пути их решения, рационально отвечать на вновь появляющиеся вызовы. Особую актуальность данный тезис приобретает для студентов вузов Арктического региона РФ, обучающихся по направлению «Экология и природопользование», планирующих работать по специальности на рассматриваемой территории. Спектр последующей профессиональной деятельности выпускников достаточно широк: научно-исследовательская, организационно-управленческая, проектно-производственная, контрольно-экспертная, педагогическая, просветительская. Соответственно, у студента-эколога должны быть сформированы современные представления об устойчивом развитии как о научной идеологии и прикладной сфере деятельности в целом, а также применительно к Арктическому региону РФ. Знание специфики парадигмы устойчивого развития является важным фактором формирования профессиональных компетенций будущего эколога.

Целью исследования является анализ проблемы формирования профессиональных компетенций у студентов-экологов на основе изучения концепции устойчивого развития Арктического региона РФ, а также значение парадигмы для решения локальных, региональных и глобальных задач в экологически релевантном направлении.

Методы исследования, теоретическая база: теоретической базой исследования послужили работы Н. В. Пахомовой, А. Эндреса, К. Рихтера, В. Д. Сухорукова, а также современные подходы к рациональному природопользованию и охране окружающей среды в условиях Крайнего Севера. Ведущими методами явились структурно-исторический анализ инструментов экологического управления, сравнительно-географический анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. В условиях быстро изменяющейся социальной реальности и процессов глобализации, порождающих многочисленные шансы для экономики и колоссальные риски для экологии, специалистам-экологам принципиально необходимо свободно ориентироваться в новых подходах к экологическому управлению и рациональному природопользованию в Арктическом регионе вследствие высо-

кой уязвимости к антропогенному воздействию северных экосистем. В современной стратегии антропогенного освоения северных территорий необходимо учитывать прогрессивные принципы экологического управления, среди которых концепция устойчивого развития занимает одно из центральных мест. Знание основ устойчивого развития позволит будущему экологу рационально и дифференцированно подходить к решению проблем загрязнения окружающей природной среды и природопользования. На основании парадигмы устойчивого развития возможно дальнейшее совершенствование существующих подходов в сфере экологического управления для арктических территорий.

Основная часть. В подходах к охране ОПС наблюдается тенденция к глобализации. Процесс глобализации протекает в двух размерностях, включающих региональную глобализацию и устойчивое развитие. В рамках концепции устойчивого развития признаётся, что экологические проблемы имеют долгосрочный характер, затрагивают интересы различных поколений людей, проживающих в разных регионах мира, и нуждаются в концептуальных решениях.

Негативные экологические воздействия имеют интернациональный характер, поскольку локальные воздействия на ОПС отражаются сначала на региональном, а в дальнейшем – и на глобальном уровне, кроме того, в экстремальном случае существует возможность уничтожения невозобновимых природных ресурсов. Это определяет целесообразность международных подходов к решению экологических проблем, поэтому в подходах к охране ОПС всё более значимую роль начинает играть концепция устойчивого развития.

В общественную дискуссию концепция устойчивого развития была введена в 1987 г. докладом «Наше общее будущее», представленным Комиссией ООН по окружающей среде и развитию под руководством Гру Харлем Брундтланд, которая подчеркнула значение эгалитарного распределения ресурсов внутри отдельных поколений людей и между различными поколениями. Это указывает на необходимость поиска такой магистрали социально-экономического и экологического развития, которая не приводила бы к уменьшению благосостояния будущих поколений [4, с. 86–90]. Таким образом, стратегически важной задачей является превращение

концепции устойчивого развития в операционализированную парадигму, которая требует формирования профессиональных компетенций, отвечающих новым экологическим вызовам и проблемам, у специалистов, работающих в данной сфере.

Концепция устойчивого развития относится к фундаментальным принципам в сфере управления охраной ОПС, наравне с принципами «загрязнитель платит», предосторожности, использования наилучшей из доступных технологий, недопущения «экспорта» загрязнения, неухудшения существующего уровня качества ОПС, избегания «необязательных форм загрязнения». В настоящее время в контексте устойчивого развития рассматриваются проблемы и перспективы Арктического региона, в том числе его российского сектора.

Арктический регион РФ простирается с запада на восток в евроазиатском секторе Северного Ледовитого океана в пределах арктического и субарктического климатических поясов, природных зон арктических пустынь (островная часть) и арктической тундры (материковое побережье). Его границы проведены по Северному полярному кругу и охватывают около 9 млн км², что является самым большим показателем среди приарктических государств. Российский сектор Арктики занимает 18 % площади государства (3 млн км², в том числе 2,2 млн км² суши) и включает территории Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого, Чукотского, Ямало-Ненецкого автономных округов, Республик Коми, Карелия и Саха (Якутия), Красноярского края. В настоящее время около 40 % всего населения Арктики проживает на российских территориях. Оно составляет 2,4 млн человек, или менее 2 % от населения страны. Благодаря наличию практически полного комплекта минерального сырья и колоссальному природно-ресурсному потенциалу Арктический регион обеспечивает 11 % национального дохода государства и 22 % объёма общероссийского экспорта¹. Одновременно антропогенное освоение и промышленная экспансия создают угрозу для функционирования уникальных северных экосистем, характеризующихся бедностью биоты, развивающихся в экстремально суровых природно-климатических условиях при дефиците тепла и света, полярного дня и ночи.

¹ Российские владения в Арктике. История и проблемы международного правового статуса. URL: <https://tass.ru/info/6312329> (accessed 07.12.19)

Эволюция экологического фактора для Арктики в целом и для исследуемого региона в частности имеет специфические особенности вследствие возрастающего давления антропогенных факторов на ОПС. Многолетний потребительский подход к освоению территории и ресурсов без контроля и учёта характера воздействия различных видов антропогенной деятельности на состояние ОПС, а также экстенсивный тип хозяйствования в XX веке привели к накоплению экологических проблем и появлению локальных зон экологического бедствия, которые трансформируются в региональные необратимые процессы. Если в настоящее время не принимать меры по восстановлению экосистем и рекультивации земель, данные процессы перейдут на глобальный уровень. Экологические проблемы региона могут ещё более обостриться вследствие глобального потепления климата, которое в Арктической зоне происходит быстрее, чем на планете в среднем.

На современном этапе возникают новые вызовы, возможности и перспективы развития Арктического региона России. Начало XXI века диктует проблему необходимости дальнейшего исследования и освоения территории, а также универсальной стратегии сохранения уязвимой экосистемы в контексте задач устойчивого развития. Их решению отвечают: Федеральная целевая программа «Ликвидация накопленного экологического ущерба» на 2014–2025 годы; «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» [3, с. 228]. Постепенно начинают финансироваться и осуществляться экологические программы в сфере сохранения биологического разнообразия, закладываются основы экологической политики и рационального природопользования территории.

Освоение и развитие Арктического региона России – длительный, разноплановый и крайне противоречивый социально-экономический процесс, имеющий характерные исторические особенности и связанные с ними экологические и демографические проблемы. Территория до сих пор достаточно слабо изучена, что серьёзно затрудняет прогнозную оценку природно-ресурсного потенциала и экологических последствий его разработки. В настоящее время российский сектор Арктики является перспективным фундаментом для инновационного развития северных окраин страны и стратегическим полигоном для дальнейшей

военно-промышленной экспансии. Экологическую ситуацию серьёзно осложняют геологоразведка и разработка огромных по величине запасов углеводородов.

Перечисленные факторы несут потенциальную опасность появления новых экологических вызовов и непредвиденных ситуаций, а также прогрессирования негативных воздействий на ОПС, генетически связанных и детерминированных хозяйственной деятельностью советского периода. В результате многие вопросы исследования и развития Арктики вынесены на уровень политических решений, определяющих государственную безопасность и стабильность развития страны в настоящее время и в перспективе.

Современная парадигма развития региона призвана ликвидировать инерцию советского периода, полностью учитывая характер современного политического устройства государства. Устойчивое развитие возможно воплотить в реальность только с учётом международной обстановки в Арктическом регионе, постоянно изменяющихся внутривнутриполитических и внутриэкономических условий, а также перспективных и стратегических целей, включая национальную безопасность России на северных территориях. Концепция «освоения» должна смениться концепцией «обживания» в целях формирования оптимальных, соответствующих международным стандартам качества, социально-экономических и экологических условий проживания и жизнедеятельности населения, а также активизации участия региона в решении задач мирового масштаба [1, с. 212].

В рамках устойчивого развития актуальным становится поиск направлений трансформации природно-ресурсного потенциала в социально-экономический и инфраструктурный настоящего и будущего поколений, проживающих на территории Арктического региона России. Достижение данной стратегической цели невозможно без системного анализа природопользования. Он предполагает выявление особенностей основных хозяйственно-культурных типов, причин появления территориальных конфликтов природопользования и разработки методологии их прогноза. Это необходимо для обоснования сбалансированной территориальной структуры экологического управления и рационального природопользования при сохранении природного и культурного наследия региона [1, с. 210].

Экологически устойчивое развитие и рациональное природопользование должны обеспечить необходимый уровень и качество жизни населения в экстремальных условиях Севера без ущерба здоровью и экосистеме. Стратегически важной задачей является увеличение показателей продолжительности жизни и снижение показателей смертности. Территория Русского Севера, в настоящее время характеризующаяся естественной убылью населения и миграционным оттоком, должна стать привлекательной для проживания и не являться транспортно-сырьевым придатком.

Следовательно, специалисту, работающему в области экологии и природопользования в Арктическом регионе РФ, необходимо научиться оперативно реагировать на изменения в сфере природно-ресурсного и экологического законодательства, учитывать природно-антропогенную специфику территории. В результате освоения основ концепции устойчивого развития Арктического региона России студент-эколог должен свободно оперировать следующими знаниями: социальных, экономических и экологических противоречий в развитии человечества и способов их преодоления согласно рекомендациям мирового сообщества; понятием «устойчивого развития» и его эволюции; объективных предпосылок становления концепции устойчивого развития; основных международных решений и нормативно-правовых актов в области устойчивого развития, в том числе основных международных конвенций, относящихся к областям решения социально-экономических и экологических проблем в Арктическом регионе; организационно-управленческих, эколого-экономических и правовых способов содействия устойчивому развитию Арктического региона РФ. Необходимыми умениями будут являться: применение полученных знаний при решении типовых профессиональных задач в сфере управления природопользованием и охраной ОПС; использование международной нормативно-справочной информации в практике; соотнесение предполагаемых действий в сфере природопользования с рекомендациями международных конвенций и других договоров, ратифицированных и подписанных РФ; планирование решения профессиональных задач в области экологии и природопользования с учётом основных положений концепции устойчивого развития; разъяснение содержания концепции устойчивого развития Арктического региона РФ и необходи-

мости её применения на практике окружающим; реализация задач непрерывного экологического образования.

Эффективное овладение знаниями и умениями становится возможным только при детальном исследовании и анализе истории развития и специфики экологического освоения Арктического региона России, а также современных вызовов и проблем, появляющихся на территории. Освоение парадигмы устойчивого развития Арктического региона России призвано сформировать следующие профессиональные компетенции у студентов-экологов:

ПК-4 – иметь базовые общепрофессиональные (общезологические) представления о теоретических основах общей экологии, геоэкологии, экологии человека, социальной экологии, охраны окружающей среды.

ПК-6 – знать основы природопользования, экономики природопользования, устойчивого развития, оценки воздействия на окружающую среду, правовых основ природопользования и охраны окружающей среды; быть способным понимать, излагать и критически анализировать базовую информацию в области экологии и природопользования.

ПК-7 – знать теоретические основы экологического мониторинга, нормирования и снижения загрязнения окружающей среды, техногенных систем и экологического риска; обладать способностью к использованию теоретических знаний в практической деятельности.

ПК-11 – владеть методами экологического проектирования и экспертизы, экологического менеджмента и аудита, экологического картографирования; владеть методами обработки, анализа и синтеза полевой и лабораторной экологической информации и использовать теоретические знания на практике.

ПК-12 – знать и уметь решать глобальные и региональные геоэкологические проблемы; владеть методами ландшафтно-геоэкологического проектирования, мониторинга и экспертизы¹ [3].

Выводы. Перечисленные компетенции являются базовыми для возможности разработки специалистами-экологами принципиально необходимой в настоящее время системы экологического

¹ Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/> (accessed 07.12.19).

управления и рационального природопользования в Арктическом регионе РФ, использующей актуальные административно-контрольные и экономические инструменты. Для воплощения новой системы в практическую деятельность необходимы альтернативные региональные адаптированные виды хозяйственной деятельности, максимально приближенные к параметрам устойчивого развития и способствующие стабилизации социально-экономической, экологической, демографической, медико-биологической, этнокультурной и геополитической ситуации [1, с. 212]. Существующая система административно-контрольных и экономических инструментов экологического управления практически утратила свою эффективность. В современной стратегии антропогенного освоения северных территорий необходимо учитывать принципы рационального использования природных ресурсов, предосторожности, недопущения «импорта» загрязнения, экологической оптимизации хозяйственной деятельности, сохранения этнокультурного разнообразия и традиционного природопользования, научных исследований и образования в сфере экологии, развития международного сотрудничества. Активное применение перечисленных принципов и знание основных направлений устойчивого развития Арктического региона России является неотъемлемым фактором в формировании компетенций преуспевающего специалиста-эколога, работающего в пределах северных территорий для прогрессивного развития и процветания всего государства.

Библиографический список

1. Кондратов Н. А. Особенности природопользования в Арктической зоне России // География: развитие науки и образования. Ч. I. Коллективная монография по материалам ежегодной Международной научно-практической конференции LXX Герценовские чтения, Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 20–23 апреля 2017 года / отв. ред. В. П. Соломин, В. А. Румянцев, Д. А. Субетто, Н. В. Ловелиус. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 208–213.
2. Митько А.В. Разработка предложений по обеспечению экологической безопасности в Арктическом регионе // Там же. С. 216–221.
3. Пугачёва Е.Е., Пичуева Е.С. Основные историко-экологические этапы освоения Арктической зоны России // Там же. С. 226–229.

4. Экологический менеджмент / Н. В. Пахомова, А. Эндрес, К. Рихтер. СПб.: Питер, 2003. 544 с.

References

1. Kondratov N. A. Osobennosti prirodopol'zovaniya v Arkticheskoy zone Rossii [Features of natural management in the Arctic zone of Russia] *Geografiya: razvitie nauki i obrazovaniya. Chast' I. Kollektivnaya monografiya po materialam ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii LXX Gercenovskie chteniya, Sankt-Peterburg, RGPU im. A. I. Gercena, 20–23 aprelya 2017 goda / Otv. red. V. P. Solomin, V. A. Rumyantsev, D. A. Subetto, N. V. Lovelius*. [Geography: development of science and education. Part I. Collective monograph on materials of the annual International scientific and practical conference LXX Gertsensky readings on April 20–23, 2017 / by edition V. P. Solomin, V. A. Rumyantsev, D. A. Subetto, N. V. Lovelius]. St. Petersburg, Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen Publ., 2017, pp. 208–213. (In Russ.)
2. Mit'ko A. V. Razrabotka predlozhenij po obespecheniyu ekologicheskoy bezopasnosti v Arkticheskom regione [Development of offers on providing ecological of safety in the Arctic region]. *Ibidem*, pp. 216–221. (In Russ.)
3. Pugachyova E. E., Pichueva E. S. Osnovnye istoriko-ekologicheskie etapy osvoeniya Arkticheskoy zony Rossii [The main historical and environmental stages of development of Russian Arctic zone]. *Ibidem*, pp. 226–229. (In Russ.)
4. Pahomova N. V., Endres A., Rihter K. *Ekologicheskij menedzhment* [Environmental management]. St. Petersburg, Piter publ, 2003, 544 p. (In Russ.)

С. Д. Сажина

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

Особенности организации наставничества в организации высшего образования

В статье рассматривается проблема организации наставничества в вузе на современном этапе: сделан акцент на работе с молодыми педагогами, начинающими профессиональную деятельность в организации высшего образования; указаны причины затруднений начинающих преподавателей в преподавательской деятельности в целом и в вузе в частности; определена актуальность формирования механизма системы наставничества в организации высшего образования как наиболее эффективный метод профессиональной адаптации специалистов. В статье представлен анализ научной литературы по организации наставничества в высшей школе; рассмотрены понятия «наставничество» и «наставник»; определены лица, в отношении которых осуществляется наставничество в организации высшего образования, а также те, кто могут быть наставниками; сформулированы требования к наставникам и наставляемым, а также указывается цель и задачи наставничества в организации высшего образования; выделены этапы, формы, методы наставничества; определены особенности сопровождения наставничества в образовательной организации высшего образования, а именно организационного и документационного сопровождения. Для выявления вышеуказанных аспектов проведено теоретическое исследование. Результаты данного исследования позволят эффективно провести апробацию организации наставничества в условиях вуза, а именно – СГУ им. Питирима Сорокина.

Ключевые слова: наставничество, наставляемый, наставник, образовательная организация высшего образования.

S. D. Sazhina

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

Specific Features of Mentoring Organization in the Organization of Higher Education

The article raises the problem of organizing mentoring in higher education at the present stage: the emphasis is placed on working with young teachers who

are beginning their professional activities in higher education; the reasons for the difficulties of beginning teachers in teaching in secondary and in higher education in particular; the relevance of formation of a mechanism for mentoring in higher education as the most effective method of professional adaptation of specialists is identified. The article presents an analysis of scientific literature on the organization of mentoring in higher education; the concepts of “mentoring” and “mentor”; the definition of persons who are subjected to mentoring in the organization of higher education, as well as of those who can be their mentors; requirements for mentors and mentoring, and it specifies the purpose and objectives of mentoring in higher education; the stages, forms, methods of mentoring; characteristics of mentoring in support of educational organization of higher education, namely, the organizational and documentation support.

To identify the above aspects, a theoretical study was conducted. The results of this study will allow us to effectively test the organization of mentoring in the conditions of a higher education institution, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

Keywords: *mentoring, mentored, mentor, educational organization of higher education.*

Введение. Важнейшим конкурентным преимуществом любой образовательной организации является наличие опытных и качественно осуществляющих образовательную деятельность молодых педагогов, а также максимально полное использование их возможностей и инновационного потенциала.

Однако особенность труда начинающих педагогов заключается в том, что с первого дня работы к ним предъявляются те же требования, что и к опытным педагогам: те же обязанности и та же ответственность. Поэтому значительная часть молодых специалистов ощущают дезадаптированность в новых для них условиях образовательной организации, испытывают определенные трудности в осуществлении педагогической деятельности, переносят высокое эмоциональное напряжение, требующее мобилизации всех внутренних ресурсов.

Особенностью высших учебных заведений является то, что молодой специалист приходит осуществлять работу практически со сверстниками и даже студентами старше его по возрасту, ряд из которых имеют опыт работы по специальности, начальные специальные знания и умения. По мнению Т. В. Савищевой [1], «только часть начинающих специалистов успешно адаптируется к профессии “преподаватель вуза”. Педагоги, процесс адаптации

которых был неуспешен, либо уходят из профессии, либо испытывают затруднения в осуществлении функций преподавателя вуза, что отражается и на качестве обучения студентов. Данный факт диктует необходимость педагогического сопровождения профессиональной адаптации начинающих преподавателей».

Всё вышеизложенное предопределяет актуальность формирования механизма системы наставничества в организации высшего образования как наиболее эффективный метод профессиональной адаптации молодых специалистов. Поддержка опытного педагога-наставника, оказывающего практическую и теоретическую помощь молодому специалисту на рабочем месте и повышающего его профессиональную компетентность, позволит адаптировать молодого специалиста к профессиональным обязанностям, осуществить полное освоение педагогической профессии, адаптацию в трудовом коллективе, наладить отношения между педагогами, сформировать мотивацию к самосовершенствованию, саморазвитию, самореализации, то есть оптимизировать процесс профессионального становления молодого педагога, осуществить успешное управление профессиональным становлением личности.

Методы исследования, теоретическая база. Анализ научной литературы по организации наставничества в высшей школе показал, что в науке рассматривались отдельные аспекты наставничества, а именно: проблемы профессиональной адаптации начинающих педагогов вуза (О. А. Абдулина, В. Т. Ащепков, С. Г. Вершловский, В. И. Горова, Г. У. Матушанский, А. Г. Мороз, Т. В. Савищева, А. Г. Фролов, С. А. Хомочкина, Т. А. Чистякова и др.); проблемы социально-педагогической адаптации начинающего педагога (Т. М. Бармашова, Н. В. Косенко и др.), проблемы наставничества в высшем образовании при работе с обучающимися (В. А. Митрофанов, О. К. Логвинова и др.), в то время как изучению проблемы наставничества начинающих педагогов вуза в организациях высшего образования внимание не уделялось.

Говоря о наставничестве и наставниках, необходимо более подробно рассмотреть эти понятия. В настоящее время существует несколько определений понятий «наставничество» и «наставник».

А. Денисова представляет наставничество как систему взаимоотношений между сотрудниками, находящимися на разных ступенях служебной иерархии по опыту, стажу работы, образовательному

уровню, возрасту [2]. В национальной педагогической энциклопедии, включающей различные педагогические словари, наставничество трактуется как «оказание помощи молодым преподавателям в период их вхождения в профессиональную деятельность. Этот период включает адаптацию к реальным условиям и овладение мастерством...» [3], а наставник – как «высококвалифицированный специалист или опытный работник, у которого другие работники (молодые педагоги) могут получить совет или поддержку. Наставник помогает молодому педагогу совершенствовать методы обучения, составлять различные инструкции и задания учащимся, а также оценивает процесс и результаты деятельности молодого коллеги, реализуя лично им принятые установки; лицо, осуществляющее индивидуальное или групповое профессиональное обучение непосредственно на рабочем месте, зачастую в ходе выполнения оплачиваемой работы...» [3].

Таким образом, наставничество обеспечивает профессиональное становление, развитие и адаптацию к квалифицированному исполнению должностных обязанностей лиц, в отношении которых оно осуществляется. Наставничество рассматривается, с одной стороны, как наиболее эффективная разновидность кадровой технологии корпоративного обучения, обеспечивающая передачу посредством планомерной работы знаний, навыков и установок [4], или, с другой стороны, как педагогическая технология, обеспечивающая развитие личности обучающегося, молодого или вновь принятого на работу специалиста, гармоничного вхождения человека в трудовую деятельность [5]. А наставник рассматривается как «человек, обладающий определенным опытом и знаниями, высоким уровнем коммуникации, стремящийся помочь своему подопечному приобрести опыт, необходимый и достаточный для овладения профессией. Сократ главной задачей наставника считал пробуждение мощных душевных сил ученика» [6]. Поэтому к наставнику предъявляются особые требования, связанные с его профессиональной (педагогической, методической) компетентностью и с личностными качествами (терпеливость, авторитет в коллективе, коммуникативность и др.).

Изучая особенности наставнической деятельности, Г. Льюис выделил признаки, объясняющие ее высокий потенциал оказания помощи людям в приобретении опыта [6]: гибкость в организации,

взаимный интерес, наиболее эффективный метод адаптации к профессии, индивидуальность, ориентированность на людей, обратная связь, возможность действовать параллельно или дополнительно к любому иному методу.

К лицам, в отношении которых осуществляется наставничество в организации высшего образования, могут относиться: молодой специалист, впервые принятый на работу; специалист, вновь принятый на работу после продолжительного перерыва; специалист, изменение и/или выполнение новых должностных обязанностей которого требует назначения наставника.

Результаты исследования и их обсуждение. Основными задачами наставничества в организации высшего образования могут являться: привлечение молодым преподавателям интереса к научно-педагогической деятельности и закрепление молодых специалистов в вузе; ускорение процесса профессионального становления; сокращение сроков адаптации в коллективе, усвоение традиций коллектива и правил поведения в образовательной организации высшего образования, творческого отношения к выполнению своих обязанностей; развитие лично ориентированных отношений между молодыми специалистами и «стажистами», способствующих осуществлению поддержки в педагогической практике и обеспечению взаимосвязи и преемственности профессиональной деятельности разных поколений сотрудников.

Основными этапами организации наставничества в вузе могут быть следующие: 1) организация наставничества (формирование необходимых документов: приказа/распоряжения «Об организации наставничества в вузе»), определение ответственных лиц либо создание специализированных структур (совет /комиссия по наставничеству), выбор формы наставничества, назначение наставников и наставляемых); 2) прохождение наставничества (реализация процесса: утверждение перечня мероприятий, определение форм и методов работы наставников, осуществление выбора инструментов для реализации наставничества); 3) завершение наставничества (подведение итогов и получение обратной связи от наставников и лиц, в отношении которых осуществлялось наставничество, с помощью заполнения отчетов, обработка отчетов, подведение результатов и поощрение наставников и наставляемых по результатам проведенной работы). Координация, организационное

и документационное сопровождение наставничества в вузе может быть возложено на кадровую службу вуза.

Организация наставничества в вузе подразумевает организационное и документационное сопровождение. Организационное сопровождение может заключаться в информационном обеспечении подбора наставников; анализе, обобщении опыта работы наставников; поддержании контакта с наставником и наставляемым для оказания необходимой помощи в рамках своей компетенции. Документационное сопровождение процесса заключается в подготовке проектов нормативных актов, сопровождающих процесс наставничества; оказании консультационной помощи в разработке перечня мероприятий по наставничеству; осуществлении контроля за завершением периода наставничества и внесения в личные дела педагогов соответствующих записей и документов. Координация работы по наставничеству заключается в проведении анкетирования лиц, в отношении которых осуществляется наставничество, с целью выявления эффективности работы с ними наставников; ликвидации выявленных затруднений в процессе адаптации лиц, в отношении которых осуществляется наставничество; анализе, обобщении и распространении позитивного опыта наставничества.

Назначение наставников предполагает определение наиболее подходящих кандидатур для осуществления наставничества, получение их согласия и утверждение в качестве персонального наставника для лиц, в отношении которых осуществляется наставничество, которые также дают согласие на участие в процессе наставничества с выбранным лицом. Такое взаимное согласование обеспечивает эффективность наставнической деятельности и предотвращает возможные конфликтные ситуации. Документационное закрепление наставников осуществляется на основе служебной записки руководителя структурного подразделения в форме приказа. Для качественной организации процесса наставничества на роль наставника предпочтительно должны выбираться кандидаты, обладающие: 1) профессиональными знаниями и умениями, что позволяет делиться знаниями, опытом, обеспечивать качественную корректировку педагогической деятельности наставляемого; 2) коммуникативными навыками, умеющие находить общий язык с людьми, выстраивать вертикальные и горизонтальные связи, а также понимать друго-

го человека, принимать чужие позиции, ценить чужие чувства; 3) административными навыками, умеющие формулировать и ставить задачи, организовывать и контролировать выполнение работ, анализировать результаты и проводить их корректировку, умением организовывать свою работу и деятельность работника, в отношении которого осуществляется наставничество; 4) имеющие опыт работы с людьми и в педагогической среде; 5) имеющие представление об особенностях своего образовательного учреждения, характере межличностных отношений, существующих в педагогическом коллективе; 6) пользующиеся доверием руководства вуза и коллег; 7) умеющие нестандартно, творчески организовать процесс наставнической поддержки, обеспечить молодому учителю самостоятельность, способность к самосовершенствованию, расширению кругозора; 8) имеющие общность интересов, что способствует взаимодействию единомышленников, общей увлеченности конкретной педагогической проблемой.

В начале своей профессиональной деятельности молодой педагог сталкивается со многими трудностями: неумением грамотно рассчитать время занятия, логично выстроить последовательность этапов занятия и преподнести материал в рамках лекционных и практических занятий, осуществить планирование деятельности, организовывать практику и воспитательные мероприятия со студентами и т. п. Для каждого лица, в отношении которого необходимо организовать наставничество, исходя из его потребности, уровня подготовки, имеющихся профессиональных знаний и навыков, а также в зависимости от должности может быть определена наиболее подходящая форма наставничества, например: индивидуальная, то есть непосредственный индивидуальный контакт наставника и подопечного; групповая, то есть непосредственный контакт наставника и группы подопечных; виртуальная – использование информационно-коммуникационных технологий, таких как трансляция опыта через видеоконференции (скайп и др.); а также методы и приемы наставничества: инструктаж – наставник дает четкие пошаговые указания подопечному или предлагает ему копировать свои собственные действия; объяснение – наставник показывает, как правильно выполнить ту или иную работу, и подробно объясняет каждый шаг, дает обоснование

своим действиям; метод кейса – наставник предлагает решить производственную задачу и представить результат и др.

Видами деятельности в рамках организации наставничества могут являться: 1) мероприятия по ознакомлению лица, в отношении которого осуществляется наставничество, с должностными обязанностями, квалификационными требованиями, нормативными документами, целями и задачами деятельности вуза и соответствующего структурного подразделения; 2) ознакомление наставляемого с рабочим местом и коллективом; 3) изучение наставляемым теоретических и практических вопросов, касающихся исполнения должностных обязанностей; 4) посещение учебных занятий у опытных педагогов, которое позволяет молодым специалистам понять общую практическую методологию организации образовательного процесса в организации высшего образования; 5) посещение учебных занятий наставляемых, что позволяет наставникам определить сильные и слабые стороны молодого специалиста, скорректировать методологию учебных занятий молодого сотрудника во избежание дальнейших профессиональных ошибок; 6) помощь в участии наставляемого в конкурсах педагогического мастерства (разных видов), что позволяет своевременно войти в профессию, адаптироваться к публичной деятельности, а также осмыслить свою профессиональную деятельность, что, в свою очередь, служит стимулом формирования потребности в профессиональном совершенствовании; 7) помощь в участии наставляемого в транслировании опыта (выступление на заседаниях кафедр, конференциях и т. п.), что влияет на психологическую адаптацию и впоследствии удовлетворенность профессиональной педагогической деятельностью; 8) включение наставляемого в организацию мероприятий, проводимых структурными подразделениями, что способствует формированию дружеских отношений с сотрудниками, более полному пониманию наставляемым особенностей работы вуза.

Завершение наставничества может осуществляться заполнением наставником отчета о результатах работы лица, в отношении которого осуществлялось наставничество, заполнением наставляемым отчета о процессе прохождения наставничества и работе наставника, включая оценку деятельности наставника, осуществление ответственным структурным подразделением

обработки и анализа представленных отчетов и подготовки предложений по распространению лучшего опыта наставничества.

Заключение. Таким образом, эффективность института наставничества в организациях высшего образования на современном этапе является актуальной и педагогически обусловленной, определяется индивидуальным характером и адресностью, способствует улучшению результатов высшего образования, повышению его качества. Именно данная работа ускоряет процесс вхождения начинающего педагога в образовательную, педагогическую среду, способствует формированию уверенности, качеству выполнения должностных обязанностей, закреплению его убежденности в правильном выборе профессии, должности. Быстрая адаптация молодых специалистов к новой должности и рабочему процессу способствует совершенствованию корпоративной культуры организации, развитию инноваций и новых подходов в подготовке профессиональных кадров для страны.

Библиографический список

1. Савищева Т. В. Педагогическое сопровождение профессиональной адаптации начинающих преподавателей вуза, не имеющих базового педагогического образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М.: РГСУ, 2015. 171 с.
2. Быстрова Н. В., Цыплакова С. А., Захаров С. В., Царева И. А. Социальное партнерство в системе профессионально-педагогического образования // Проблемы современного педагогического образования. 2017. № 56–9. С. 31–37.
3. Национальная педагогическая энциклопедия. URL: <https://didacts.ru/> (дата обращения: 29.02.2020).
4. Быстрова Н. В. Формирование школьной системы обучения в Нижегородской губернии в 1917–1930 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 1. С. 32–36.
5. Быстрова Н. В., Цыплакова С. А., Преснова А. К., Пасечник А. С. Наставничество как педагогический феномен: история и современность // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 3 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-kak-pedagogicheskiy-fenomen-istoriya-i-sovremennost-1> (дата обращения: 29.02.2020).
6. Льюис Г. Менеджер-наставник: Стратегия раскрытия таланта и распространения знаний : пер. с англ. Минск: Амалфея, 1998. 288 с.

References

1. Savishcheva T. V. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie professional'noj adaptatsii nachinayushchih prepodavatelej vuza, ne imeyushchih bazovogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Pedagogical support of professional adaptation of beginning University teachers who do not have basic pedagogical education. Dr. sci. diss. abstr.]. Moscow, RGSU Publ., 2015, 171 p. (In Russ.)
2. Bystrova N. V., Cyplakova S. A., Zaharov S. V., Careva I. A. Social'noe partnerstvo v sisteme professional'no-pedagogicheskogo obrazovaniya [Social partnership in the system of professional and pedagogical education]. *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 2017, no. 56–9, pp. 31–37. (In Russ.)
3. Nacional'naya pedagogicheskaya enciklopediya [National pedagogical encyclopedia]. (In Russ.) Available at :<https://didacts.ru/> (accessed 29.02.2020)
4. Bystrova N. V. Formirovanie shkol'noj sistemy obucheniya v nizhegorodskoj gubernii v 1917–1930 gg. [Formation of the school system of education in the Nizhny Novgorod province in 1917–1930]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk state University], 2011, no. 1, pp. 32–36. (In Russ.)
5. Bystrova N. V., Cyplakova S. A., Presnova A. K., Pasechnik A. S. Nastavnichestvo kak pedagogicheskij fenomen: istoriya i sovremennost' [Mentoring as a pedagogical phenomenon: history and modernity]. *Innovacionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative Economics: Prospects for Development and Improvement], 2019, no. 3(37). (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-kak-pedagogicheskij-fenomen-istoriya-i-sovremennost-1> (accessed 29.02.2020).
6. L'yuis, G. *Menedzher-nastavnik : Strategiya raskrytiya talanta i rasprostraneniya znaniy* [Manager-mentor: Strategy of talent disclosure and knowledge dissemination]. Minsk, Amalfeya Publ., 1998, 288 p. (In Russ.)

ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 378

DOI: 10.34130/2233-1277-2020-2-185-190

Л. А. Максимова

СГУ им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар

**Историческое образование в России: проблемы и перспективы
(по итогам заседания ФУМО по укрупненной группе
специальностей и направлений подготовки
«Исторические науки и археология»)**

L. A. Maksimova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar

**Historical Education in Russia: Issues and Prospects
(the General Result of the FUMO Conferences on the Enlarged
Cluster of Specialized and Training Fields “Historical Sciences
and Archaeology”)**

24 января 2020 г. в Москве в Центральном Доме ученых РАН на Пречистенке обсуждали вопросы развития исторического образования. Совещание стало представительной дискуссионной площадкой, в которой приняли участие 74 человека из 27 субъектов Российской Федерации и 38 вузов России. Участниками совещания стали ректоры, проректоры, директора институтов гуманитарно-исторического профиля, деканы исторических факультетов, заведующие кафедрами истории, преподаватели исторических

факультетов, члены Федерального учебно-методического объединения (ФУМО) по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки «История и археология», научные сотрудники исследовательских институтов РАН и РАО, представители Ассоциации классических университетов России, органов управления образованием, СМИ.

Всем известно, какую роль сегодня отводят знанию истории в обществе. Президент России Владимир Путин призвал тщательно и объективно изучать историю, чтобы знать, как выстроить будущее. «Что касается будущего, то у нас есть такая машина времени, она есть – этот предмет называется история, – заявил он во время “Прямой линии”. – Этот предмет надо изучать, тщательно и объективно оценивать историю, и тогда нам будет понятно, как нужно действовать для того, чтобы построить будущее»¹.

Между тем в последнее время явно обозначились проблемы, о которых было открыто заявлено на заседании ФУМО по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 46.00.00 «История и археология». Очевидно, что история является дисциплиной, способной эффективно содействовать формированию гражданской и патриотической позиции, идентичности, толерантности, но при этом вопрос о роли истории как элемента общей культуры находится, как правило, вне поля зрения исторической профессии и педагогов; не существует общепринятой концепции того, что сегодня является общей культурой; последняя мыслится как механическая сумма наук, и потому образование все менее эффективно в состоянии решать задачу поддержания и передачи общей культуры. В некоторых вузах происходит не развитие, а свертывание исторического образования. Особенно часто сокращают часы на изучение истории в непрофильных вузах, вместо дисциплины «история» вводят историю профильной науки: математикам – историю математической науки, физикам – физической, медикам – медицинской и т. д. Заметно падает уровень педагогического образования по истории, качество предметной подготовки учителя истории. Структуры исторического образования за прошедшие двадцать лет претерпели существенные

¹ Путин призывает тщательно изучать историю, чтобы знать, как выстроить будущее. Москва, 15 июня. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4339663> (дата обращения: 08.02.2020).

и негативные по своему характеру изменения, в том числе за счет слияния вузов, создания общегуманитарных институтов и факультетов, укрупнения или уничтожения кафедр, а порой и целых научных школ.

Академик А. О. Чубарьян отметил, что сегодня во всем мире нет удовлетворения тем, как преподается история. Массовые политизированные наслоения в ходе преподавания истории – это одна сторона дела. Но главное академику видится в том, что никто не просчитывает, насколько преподавание истории соответствует современным требованиям. Главное отличие в преподавании истории в школе России от западной школы состоит в том, что в российской школе преподается и отечественная, и всеобщая история. Всеобщую историю у нас изучают с 5-го класса, с 6-го – отечественную. «Министр образования Франции заметил как-то, что у них выпускники школ вообще не знают, что такое “античность”, – рассказал О. А. Чубарьян. Два месяца назад на совещании в Париже президент Франции предложил создать «обсерваторию», которая регулировала бы преподавание истории в рамках Совета Европы, задавала бы стандарты преподавания истории в школах стран – членов Совета Европы. Эта инициатива не в последнюю очередь обусловлена современными попытками исказить историю Второй мировой войны. «Попытки некоторых молодых европейцев сегодня выдумать собственную версию истории – а этим отличаются прибалтийские республики, Польша, сейчас Украина встала на этот путь – это, конечно, недопустимо», – прокомментировал заместитель председателя Государственной думы РФ Петр Толстой¹.

Несмотря на разнообразные веяния в отношении истории в Украине, политизация в целом не затрагивает академическую науку этого государства. На учебник по истории Украины, подготовленный и изданный Институтом всеобщей истории РАН, было опубликовано в Украине 8 рецензий. По-прежнему некоторые исторические труды пишутся в соавторстве российскими и украинскими историками. Между тем в самой России постсоветское пространство не стало предметом серьезного интереса историков.

¹ РФ готова поддержать создание исторической обсерватории в рамках СЕ – зампред ГД. URL: <https://dumatv.ru/news/rossiya-gotova-podderzhat-sozdanie-istoricheskoi-observatorii-v-ramkah-se> (дата обращения: 06.02.2020).

Российские историки почти не занимаются историей регионов бывшей Российской империи, бывших республик СССР. Термин «голодомор» уже стали использовать и в Казахстане. Руководство ФУМО по историческим наукам и археологии усматривает проблему в том, что наши историки не занимаются предметно историей постсоветского пространства. А те исследования, которые ведутся, публикуются малыми тиражами. Центр и регионы не всегда в курсе исследовательских результатов друг друга. В России существует комиссия по государственной поддержке научных центров мирового уровня, которую возглавляет Т. А. Голикова. Определено 7 приоритетных направлений, в том числе социально-гуманитарные науки. Современные вызовы диктуют необходимость новой социальной модели взаимодействия. А. О. Чубарьян предлагает создавать межвузовские научные центры. В свое время уже были попытки написать региональную историю Средней Азии, которая закончилась неудачей из-за разницы во взглядах узбекских и таджикских историков. Сегодня актуальна идея написания истории Кавказа. Но для объединения историков во имя решения такой задачи нужны новые формы интеграции науки и образования.

Определенной критике на заседании подверглась и современная наукометрия: погоня за показателями не всегда способствует решению важных проблем в исторической науке и образовании. Важно сохранить в вузе научные школы и авторские программы. Научные школы в регионах могут играть важную роль. Достаточно вспомнить лучший центр англоведения в Советском Союзе в Перми, возглавляемый Л. Е. Кертманом – профессором Пермского университета. Сегодня существует необходимость создания центра востоковедения, который также может быть создан в региональном вузе.

Главную цель УМО видит в том, чтобы анализировать содержательный момент в преподавании: содержание учебных планов, создание учебников, пособий и др. Делать эффективно это можно только с привлечением ученых и вузовских преподавателей. Между тем учебная литература для вузов сегодня регулируется министерством. Участники совещания отметили, что эти вопросы должны регулировать научное сообщество и вузовская общественность.

На совещании был также поднят вопрос о необходимости возрождения системы повышения квалификации вузовских преподавателей.

давателей в ведущих научных центрах страны. Речь шла именно о приобретении новых знаний по тем историческим дисциплинам, которые читаются в вузах. Сегодня обязательными для преподавательского состава является повышение квалификации по инклюзивному образованию, ИКТ, педагогическим технологиям, но что касается необходимости совершенствовать содержание преподаваемого предмета – это отдается на усмотрение самого преподавателя. Между тем существует эффективный и полезный опыт деятельности институтов повышения квалификации при научных и образовательных центрах в Советском Союзе. «Путь сохранения нашей деятельности – это путь создания совместных проектов и трудов, объединенных НИИ и др. форм взаимодействия», – заметил академик Чубарьян.

Актуальной темой явилось и обсуждение празднования 75-летия Великой Победы. Было подчеркнуто, что в «Год памяти и славы» при проведении мероприятий важно передать душевность, а не формализм. Именно университеты должны стать центром просветительской работы в ситуации, когда молодежи навязывают антинаучные версии истории Второй мировой войны. Участие студентов в просветительской деятельности среди сверстников даст большой эффект в противодействии попыткам исказить историю 1941–1945 гг., умалить роль Советского Союза и Советской армии в победе над фашизмом, чем беседы «взрослых» преподавателей. Было предложено все мероприятия вывести на большие молодежные структуры, привлечь разные группы молодежи, не только студенчество. Долг историков – помочь организовать такие федеральные акции, как «Блокадный хлеб» (27 января 2020 г.), «Без срока давности» (акция, в ходе которой изучаются преступления фашистов, которые были совершены ими на оккупированной территории). В региональных архивах планируется осуществить акцию «Архивный десант» с целью поиска новой информации о событиях Великой Отечественной войны. 28 апреля 2020 г. в Москве планировалось организовать конференцию практикующих учителей из разных стран, чтобы обсудить в том числе и вопросы преподавания в школах истории Второй мировой войны. В Институте всеобщей истории РАН готовится брошюра «Современный взгляд на Вторую мировую войну», которую планируют выставить на сайте института. Первыми отозвались

принять участие в этом проекте представители Израиля, Франции, Германии.

Рассматривая современное состояние исторического образования в высшей школе современной России и пути его обновления, участники совещания отметили, что профессия историка по-прежнему отсутствует в Справочнике востребованных на рынке труда новых и перспективных профессий, утвержденном приказом Минтруда в 2015 г. Это создает искусственную и ненормальную ситуацию, снижает интерес абитуриентов к поступлению на направления подготовки по истории. Распределение КЦП находится в ведении региональных властей, не всегда осознающих общественную значимость подготовки исторических кадров, и Росархива, не проводящего никакого мониторинга при их утверждении. Отсутствует прозрачная процедура распределением КЦП. Между тем неопределенность с выделением контрольных цифр приема мешает выработке и реализации перспективной стратегии развития исторического образования, да и вузовской науки. В итоге происходит отток выпускников вузов из регионов, вследствие чего вузы сталкиваются с проблемой привлечения молодых преподавателей и обеспечения нормальной преемственности кадров.

Участники совещания высказались за необходимость комплексного подхода к преподаванию гуманитарных дисциплин, в том числе истории, с учетом всех образовательных уровней, а также состояния гуманитарной науки, гуманитарных профессий, общей культуры и исторического сознания современного общества. Содержание и формы исторического образования должны определяться не только и не столько логикой саморазвития исторической науки, сколько пониманием места истории в обществе, осмыслением взаимосвязей между исторической наукой, обществом и культурой, пониманием невозможности перестройки преподавания истории как общеобразовательной дисциплины без реформы подготовки профессиональных историков и функционирования исторической профессии в целом, а также подготовки и переподготовки профессиональных кадров. Исходя из этой ситуации участниками были сформулированы предложения в адрес Министерства науки и высшего образования, Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, исторических факультетов и кафедр.

Т. Н. Федуленикова, Д. А. Штепина, С. А. Волкова

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир

**Рецензия на монографию Г. И. Петровой, С. Н. Зыковой,
И. А. Ершовой, О. А. Бут, Ю. М. Стаховской: Корпоративная
культура современного университета: роль в формировании
профессиональной и личностной идентичности выпускника.
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017, 128 с.**

T. N. Fedulenkova, D. A. Shtepina, S. A. Volkova

Vladimir state university named after A.G. and N.G. Stoletovs, Vladimir

**Review on the monograph: The corporate culture of a modern
university: a role in shaping the graduate's professional and
personal identity. Tomsk: Publishing house Tom. Un-ta, 2017, 128 p.**

Любая интересная книга вызывает отклик в сердцах искушенного читателя. Какова же причина обращения внимания рецензентов именно к этой книге? Дело в том, что содержание монографии, ее идеи бурно обсуждались на научно-практической конференции «Актуальные вопросы повышения качества высшего образования» в рамках Российского профессорского собрания в ноябре 2019 г. Издание привлекает внимание читателя тем, что предметом исследовательского интереса в ней стал современный университет в тех его трансформациях, которые он претерпевает сегодня и, прежде всего, в информационном обществе с характерной для него тенденцией перерастания в общество знания.

Актуальность монографии диктуется, с одной стороны, необходимостью исследования идентификации и самоидентификации классического университета на конкретном этапе его существования, когда возникло множество университетских форм, и, с другой стороны, необходимостью разобраться в отличительных характеристиках этих форм. В теории и практике университета это

означает переосмысление университетской специфики, которая зафиксирована в его классических критериях, Идее и Миссии. Авторы монографии волнует сложившаяся парадоксальная ситуация, когда Идея университета, сформулированная еще В. Гумбольдтом и в своей классической истории всегда связанная с образованием, научной истиной и знанием, в обществе – которое обрело тенденцию к тому, чтобы называться обществом знания – вдруг стала терять собственную идентичность.

В книге выражена глубокая озабоченность тем, что классическая форма Идеи университета – его эмблемы как образовательного социального института, зовущая к знанию как самоценности и просвещению как идеалу – сегодня становится проблематичной.

В чем же видится причина сложившейся ситуации? Авторы считают, что информационное общество, трансформировав знание в информацию, придало ему новые, неведомые ранее социальные характеристики: знание как информация, выйдя из сферы только гносеологии, приобрело и новые социальные возможности, когда получило форму товара и активно включилось на стоимостных основаниях во все сферы социокультурных отношений.

В таком качестве университет не просто трансформирует собственную Идею и сущность, а, по наблюдению авторов, теряет своё назначение: он не опережает развитие общества, не показывает его дальнейшие пути, не заботится о формировании человека в единстве его интеллекта и эмоциональной наполненности, но адаптируется под обстоятельства. Университет становится субъектом рыночных отношений, что вызывает принципиальное изменение базового основания университета.

Несомненно, классический университет традиционной модели всегда имел высокую культуру профессорского служения, главным назначением которой являлось сохранение, поддержание и умножение знаний как самоценности и образование человека не только как профессионала и специалиста, но и как развитой в духовном, гуманитарном и общекультурном отношении личности. Трансформация знания – приобретение им статуса ведущего социального фактора развития общества, его вход в отношения «купли-продажи» – добавляет к профессорской культуре, как утверждается в монографии, ещё одно основание – корпоративную культуру.

Итак, анализируются два основания, характеризующие современный университет. Они противоречивы по своему содержанию, задачам и способам их реализации и поэтому создают проблему, которую необходимо проговаривать, ставить и решать. Заслуга авторского коллектива в том, что он видит то напряжение, которое существует между этими двумя основаниями, двумя культурами, и видит необходимость в снятии этого напряжения. В противном случае, как подчеркивается в монографии, хрупкость профессорской культуры может послужить причиной её полной замены культурой корпоративной в её традиционно экономическом содержании, что, в свою очередь, приведет к утрате университетом своей образовательной сущности и превращению его в экономическую корпорацию.

Поэтому тема монографического исследования, которое ставит задачей рассмотреть возможные пути формирования профессиональной и личностной идентичности выпускника университета общества знания при сохранении университетом своей научно-образовательной сущности и устранении угрозы превращения его в экономическую корпорацию, оказывается чрезвычайно актуальной. В то же время авторы считают необходимым выявить те факторы, которые могли бы способствовать сохранению университета и его Идеи в их классическом содержании. Одним из факторов и является корпоративная культура, которая недавно пришла в университет и формирует-ся здесь в соответствии с новыми вызовами эпохи.

Новизна подхода к трактовке проблемы заключается в том, что вопрос о корпоративной культуре университета предлагается рассматривать не только в плане коммерциализации образования, но и как такую его трансформацию, которая не противоречит классической университетской сущности, хотя и являет её в новой форме.

Заслуживает одобрения и поддержки тот факт, что авторы монографии решают задачу поисков тех составляющих в структуре корпоративной культуры, которые и сегодня ориентированы на знание, культуру, науку и которые если и получили новые – коммерческие – «прививки», тем не менее в целом не потеряли традиционные высокие идеалы.

В корпоративной культуре следует, по мнению авторов, найти не только и не столько её способность развить коммерческие, предпринимательские, потребительские характеристики студента, но прежде всего развить его общекультурный горизонт. Авторы уверены в необходимости показать возможность комплементарного единения двух культур как базовых основ современного университета – профессорской, базирующейся на «чистом» знании, и корпоративной, допускающей его товарный вид.

В корпоративной культуре авторы считают важным актуализировать такие её характеристики, как способность формировать сотрудничество, доверие, открытость, взаимопонимание и пр. Содержание монографии показывает, что эти характеристики корпоративной культуры не противоречат классической Идее университета, поскольку оказываются необходимыми в новых условиях, когда современная реальность онтологически предстаёт «пространством потоков» [1, с. 419], и несут гуманитарный смысл. Читатель убеждается, что корпоративная культура приходит в университет не только из чисто коммерческих соображений. Она приходит в целях внести в идентичность студента и выпускника релевантные современности характеристики, не устранив, однако, истинно университетские черты.

В книге рассматривается еще одно социокультурное противоречие, а именно противоречие между гуманитаризацией и коммерциализацией университетского образования, которое на российской почве дополняется специфическими национальными чертами. Дело в том, что в России между обществом и университетом всегда существовала «незримая «санитарная» граница, которая изолировала университет от общества, насыщавшегося цивилизационными отходами и культурными отбросами», – напоминают читателю Б. Н. Пойзнер и Э. А. Соснин в статье «О границах университета» [2, с. 17]. По мнению авторов, для российского университета прежде всего был характерен аполлинизм, или, в соответствии с терминологией К.А. Свасьяна, «разотождествление» с окружающей жизнью, поскольку университетский аристократизм не позволял университету идентифицироваться с тем, что представляло собою общество. Напротив, он готов был сына сапожника, поступившего в университет, поднять до аристократа интеллекта и духа [2, с. 17]. Комментируя данную ситуацию, авторы

монографии выступают за возрождение этой достойной российской традиции, в процессе культивирования которой корпоративная культура могла бы выступить механизмом этого возрождения.

В монографии делается попытка разобраться в причинах стратегического просчёта современного российского университета, которые связываются с забвением традиций петербургского аполлинизма, с тем, что университет не выступает в обществе как воинствующий и квалифицированный оппонент массовой культуры, не критикует её производителей, распространителей, потребителей.

Авторы настаивают на том, что корпоративная культура университета общества знания таит в себе не только возможности трансформации его в экономическую корпорацию, но и может выступить механизмом «самоочищения» [3], с помощью которого произойдёт «дезидентификация», или «растождествление» [4] университетского образования ради образования и образования как товара. Одной из главных задач корпоративной культуры университета в обществе знания могла бы стать «тяжёлая работа сознания, отдирающего от себя всё, что к нему прилипло; вахта негативного среди праздника простодушия и поддакивания» [2, с. 19].

Становится очевидным, что новая ситуация, в которой оказался классический университет, рождает проблему поисков путей его дальнейшего развития. Эти поиски связываются с животрепещущими вопросами: есть ли у него перспектива сохранения себя как классического университета или как таковой он исчезает? Проблема эта вызывает живой интерес у читателя в связи с её острой актуальностью и попытками разобраться с тем, что происходит в реальной жизни.

Трудно не заметить, что современный университет, с одной стороны, вынужден постоянно повышать свою конкурентоспособность, как будто трансформируясь в предпринимательскую организацию, а с другой стороны, университет онтологически призван сохранять и транслировать традиционные ценности образования и культуры.

В связи с этими обстоятельствами авторы задаются вопросами, актуальность которых не подлежит сомнению: как совместить эти две стороны противоречия, возможно ли это совмещение в принципе, имеется ли механизм подобного совмещения?

Постановка этих вопросов диктует инновационную цель монографического исследования, а именно: разработать и обосновать понятие корпоративной культуры классического университета в качестве его нового (не упоминавшегося В. фон Гумбольдтом!) критерия и выявить её способность в сохранении гуманитарно-духовного содержания университетского образования в единстве с его возможной коммерциализацией.

Авторы считают возможным реализацию этой цели предвдвигать гипотезой относительно того, что наиболее близким к классическому университету сегодня является университет исследовательский. В авторском понимании исследовательский университет представляется как форма университета классического в новых – неклассических – условиях информационного общества. Эта гипотеза во многом предопределила структуру и содержание монографии.

Представленная монография выигрывает во многом от того, что имеет солидную теоретическую основу, которую составляют современные теории социальной реальности как реальности общества знания, информационной, онтологически увиденной как «пространство потоков» [1], социально конструируемой, коммуникативной [5], виртуальной и глобализационной.

В монографии удачно использовался ряд современных методов исследования. Так, метод философской концептуализации позволил представить новый уровень анализа корпоративной культуры, преодолевающий разрозненность подходов к её исследованию и инициирующий рождение новой области философии – философии университета. Феноменологический подход дал возможность раскрыть смыслы корпоративной культуры. Культурно-антропологический подход позволил осуществить анализ процесса становления субъекта в образовании, в его профессиональной и личностной идентичности.

Для сбора, описания и классификации первичной информации использовались эмпирические методы исследования, среди них метод анализа документов явился наиболее существенным для сбора первичной информации. Положительным моментом в выборе методов является тот факт, что узальный недостаток данного метода – субъективность исследователя – корректировался последующим опросом, который обеспечил высокий уровень стандар-

тизации при сборе первичных диагностических данных, равно как и их независимость от квалификации и личности исследователя.

Вполне релевантными оказались и такие интерпретативные исследования, как анализ текстовой информации и интервью, которые были необходимы для уточнения понятия «корпоративная культура классического университета». Они позволили провести смысловую интерпретацию содержания функций корпоративной культуры современного университета и концептуализировать наблюдаемую реальность в понятиях теоретического научного знания.

Новаторство данной работы состоит в том, что, в отличие от многих других работ по сходной тематике, где исследование корпоративной культуры осуществлялось преимущественно с социально-экономических позиций управления, теории организаций и менеджмента, в представленной монографии используется социокультурный подход.

В целом инновационные характеристики данной монографии сводятся к следующему:

а) в работе исследуется корпоративная культура применительно к вузам, в частности к университетам;

б) в работе содержится исчерпывающий социокультурный анализ корпоративной культуры вообще, в том числе корпоративной культуры университета;

в) в работе выдерживаются социокультурный и культурно-философский подходы, которые дают возможность выходить на обобщения ценностного характера эмпирических материалов, собранных в ходе исследования;

г) на основе обобщений конструируются теоретические модели развития университетского образования, современного и будущего.

Вне всякого сомнения, такого рода обобщения позволяют рефлексивно отнестись к тем социокультурным процессам, которые происходят сегодня в системе высшего образования в целом.

Выражаем уверенность в том, что данная книга будет полезна преподавателям, студентам, аспирантам и всем, кто интересуется философией университета и его культурой, трансформацией его в историческом аспекте и его современным состоянием.

Библиографический список

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Пойзнер Б. Н., Соснин Э. А. О границах университета // Труды Томского государственного университета. 2008. Т. 269. С. 16–19.
3. Эпштейн М. Н. Самоочищение. Гипотеза и происхождение культуры // Вопросы философии. 1997. № 5. С. 72–79.
4. Свасьян К. А. Растожествления. М.: Evidentis, 2006. 506 с.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д. А. Сляднева. СПб.: Наука, 2000. 380 с.

References

1. Kastel's M. *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information era: economy, society and culture] / per. s angl.; pod red. O. I. Shkaratana. Moscow, GU VShE Publ., 2000. 608 p. (In Russ.)
2. Pojzner B. N., Sosnin E. A. O granicah universiteta [On the Boundaries of the University]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Works of Tomsk State University], 2008, vol. 269, pp. 16–19. (In Russ.)
3. Epshtejn M. N. Samoochishchenie. Gipoteza i proiskhozhdenie kul'tury [Self-purification. Hypothesis and origin of culture]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1997, no. 5, pp. 72–79. (In Russ.)
4. Svas'yan K. A. *Rastozhdestvleniya* [Development]. Moscow, Evidentis Publ., 2006. 506 p. (In Russ.)
5. Habermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action] / per. s nem.; pod red. D. A. Slyadneva. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 380 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Акулова Любовь Ивановна, кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой естественно-научного образования института естественных наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Akulova Lyubov' Ivanovna, Ph.D., Associate Professor, Head of the Education in Natural Sciences Department, Institute of Natural Sciences and Psychology of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: akulova_lyuba@mail.ru

Волкова София Алексеевна, методист по воспитательной работе Гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых (Владимир, Россия);

Volkova Sofia Alekseevna, Educational assistant for Humanitarian institute, Vladimir state university named after A. G. and N. G. Stoletovs (Vladimir, Russia), e-mail: sv_sofi12@gmail.com

Выжлецова Наталья Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций Гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения (СПб ГУАП) (Санкт-Петербург, Россия);

Vyzhletsova Natalia Victorovna, Candidate of Culturology, Associate Professor of the Promotion and Modern Communications Department, Faculty of Humanities, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg, Russia), e-mail: maus72@mail.ru

Выжлецов Павел Геннадиевич, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Гуманитарного факультета, Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения (СПб ГУАП) (Санкт-Петербург, Россия);

Vyzhletsov Pavel Gennadievich, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the History and Philosophy Department, Faculty of Humanities, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg, Russia), e-mail: vyzhletsov@mail.ru

Габб Екатерина Александровна, аспирант Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Gabb Ekaterina Alexandrovna, post-graduate student of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia)

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, директор института культуры и искусства, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Gurlenova Lyudmila Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Culture and Fine Arts, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar), e-mail: gurlenovalv@syktsu.ru

Денисова Илона Владимировна, кандидат географических наук, доцент кафедры экологии института естественных наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Denisova Iлона Vladimirovna, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor of the Department of Ecology of the Institute of Natural Sciences of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: ilona4021@yandex.ru

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия);

Ivanishcheva Olga Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Philology and Media-Communications Department of the Murmansk Arctic State University (Murmansk, Russia), e-mail: oivanishcheva@gmail.com

Кутыкова Ирина Валентиновна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и биоэтики, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова (Санкт-Петербург, Россия);

Kutykova Irina Valentinovna, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Philosophy and Bio-Ethics Department of the First Saint-Petersburg State Medical University named after Academician I.P. Pavlov (St. Petersburg, Russia), e-mail: irina.kutykova@gmail.com

Максимова Любовь Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, директор института истории и права, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Maximova Lubov Anatolievna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the History and Law Institute, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: lmaks@syktsu.ru

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и конфликтологии, Российский государственный социальный университет филиал в г. Минске, главный редактор журнала «Гісторыя і грамадазнаўства» (Минск, Республика Беларусь);

Martysiuk Pavel Grigorievich, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Psychology and Conflictology, Russian State Social University branch in Minsk, Chief Editor of the "History and Society" journal (Minsk, Republic of Belarus), e-mail: Pr_martis@yahoo.com

Михайлова Лариса Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия);

Mikhailova Larisa Vladimirovna, Candidate of Philosophy, Assistant Professor of the Department of Philosophy and Culturology, History, Political and Social Sciences Institute of Petrozavodsk State University. (Petrozavodsk, Russia), e-mail: larisa.mikhailova@gmail.com; спин-код РИНЦ: 4339-7706

Поберезкая Вита Федоровна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образования института педагогики и психологии, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Poberezkaya Vita Fedorovna, Ph.D., Associate Professor, Head of the Elementary Education Department, Institute of Pedagogy and Psychology of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: violettaf08@gmail.com

Пост Кристина вон, преподаватель кафедры педагогики, социальных и гуманитарных наук, Факультет педагогики, социальных и гуманитарных наук, Эребру университет (Эребру, Швеция);

Christina von Post, Lecturer Department of Humanities, Education and Social Sciences, Örebro University, Örebro University School of Humanities, Education and Social Sciences (Örebro Sweden), e-mail Christina.Vonpost@oru.se

Райхе Хельге, доктор философии, старший преподаватель кафедры педагогики, социальных и гуманитарных наук, Факультет педагогики, социальных и гуманитарных наук, Эребру университет (Эребру, Швеция);

Helge Råihä, Ph.D, Senior Lecturer Department of Humanities, Education and Social Sciences, Örebro University, Örebro University School of Humanities, Education and Social Sciences (Örebro Sweden), e-mail: Helge.Raiha@oru.se

Сажина Светлана Дмитриевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии образования института педагогики и психологии, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Sazhina Svetlana Dmitrievna, Ph.D., Associate Professor, Head of the Educational Psychology Department, Institute of Pedagogy and Psychology of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: sve-sazhina@yandex.ru

Терентьева Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, директор института педагогики и психологии, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Terentyeva Svetlana Nikolaevna, Ph.D., Associate Professor, Director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russia), e-mail: terentjewa.swetlana2@yandex.ru

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге; профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Tulchinskii Grigorii Lvovich, Doctor of Philosophy, Professor at the National Research University "Higher School of Economics" (Saint Petersburg Branch); Professor at the Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: gtul@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной

коммуникации Гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, член Российского Профессорского собрания, член Научного совета по филологическим наукам РПС, член-корреспондент РАН, г. Москва (Владимир, Россия);

Fedulenkova Tatiana Nikolaevna, Doctor of Philology, Associate professor, Professor for the department of foreign languages of professional communication of Humanitarian institute, Vladimir state university named after A. G. and N. G. Stoletovs, Member of the Russian Professorial Board, RPB Member of the Scientific Council on Philological Sciences, Corresponding member of RANH, Moscow (Vladimir, Russia), e-mail: fedulenkova@list.ru

Шачин Святослав Вячеславович, кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь (г. Мурманск, Россия);

Shachin Sviatoslav Viacheslavovich, Ph.D., Independent Research Worker (Murmansk, Russia), e-mail: s_shachin@mail.ru

Штепина Диана Андреевна, методист по воспитательной работе Гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир, Россия);

Shtepina Diana Andreevna, Educational assistant for Humanitarian institute, Vladimir state university named after A.G. and N.G. Stoletovs (Vladimir, Russia), e-mail: theawentwort@bk.ru

Щербакова Дарья Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (Санкт-Петербург, Россия);

Shcherbakova Daria Vasilievna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the State and Municipal Management Department, Russian Academy of People's Economy and Public Service at the Russian Federation Presidential Office (RANH&GS) (St. Petersburg, Russia), e-mail: daria.ranepa@gmail.com

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 2(36) 2020

Редактор *Л. В. Гудырева*

Корректор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 08.06.2020. Дата выхода в свет 23.06.2020.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 11,8. Уч.-изд. л. 11,4.

Заказ № 87. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81